

common place

николай муравин

черный фронт

Москва
2 мая 2016 г.

УДК 353.1
ББК 63.3
М 91

М 91 Николай Муравин
Черный фронт [сб. статей]. —
М: Common place, 2016. — 252 с.
ISBN 978-999999-0-04-2

В этой книге представлены избранные материалы из архива трагически погибшего 20 лет назад анархиста Николая Муравина — начиная с публицистических и художественных опытов и заканчивая самиздатскими комиксами и агит-листовками. Это не только дань памяти одному из видных представителей анархистского движения конца XX века, но и важный документ переломной эпохи в истории России (конец 1980-х — первая половина 1990-х годов). Это были годы искренней и наивной борьбы, стоит почаще вспоминать о том времени.

УДК 353.1
ББК 63.3

ISBN 978-999999-0-04-2

Публикуется под лицензией Creative Commons

Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник

Содержание

Пётр Рябов. Пламя погасшей свечи. (Николай Муравин: 20 лет спустя).....	6
---	---

Николай Муравин. Черный фронт

Россия (1980-1990-е гг.)

Третий портрет Че.....	26
Под городом.....	29
Игра.....	37
ОМОН.....	48
26 ОМОНовцев.....	52
Словарь ОМОНимов.....	54
Боль.....	55
Краткий словарь традиционной лексики отдельных армейских коллективов Севера.....	60
Ямал.....	63
К староверам на Бирюсу, или Путешествие районного масштаба.....	72
Черный фронт.....	89

Латинская Америка

Воскресение.....	98
Музыка чилийской революции.....	108
Сальвадор Альенде.....	118
Монолог человека с автоматической винтовкой.....	127
Колумбия: партизаны и наркомания.....	134
Новая мексиканская революция.....	144
Колибри с красным хвостом.....	147

Европа и Восток

Дети декабря.....	158
Польша: новые левые.....	169
В Греции все есть.....	175
Эта дорога ведет к храму?.....	179
Когда шатаются стены.....	185
Арабы.....	190

Журналы “МУРА”

и другие графические работы.....	196
---	------------

Пётр Рябов

Пламя погасшей свечи

(Николай Муравин: 20 лет спустя)

И вот Коле, нет, уже Николаю, нет, даже так: Николаю Константиновичу Муравину — 50 лет! Это невозможно! Этого никак нельзя представить! Этого не может быть!.. Честно говоря, этого и нет. Часы его жизни навсегда замерли на отметке в 30 лет. Он навсегда остался молодым. Это мы, друзья и единомышленники, бывшие когда-то моложе его (по годам, но никак не по духу), это мы стареем, седеем, лысеем, гаснем и дуреем. Бредем куда-то по жизни, нет-нет да и оглядываясь на него — красивого, живого, юного, тридцатилетнего...

4 мая 1996 года я проснулся радостным и бодрым: вспомнил, что приглашен на день рождения хорошей знакомой. Я еще нежился в постели, как вдруг раздался звонок — звонил мой товарищ, анархист, соредатор журнала «Наперекор» и товарищ по «муравинским четвергам» и Прямухинской вольной артели Миша Цовма. Миша говорил сдавленным обрывающимся голосом. Первые же его слова заставили меня усомниться, а не сплю ли я еще.

— Коля погиб.

— Что? Что ты такое говоришь? Мы же расстались всего два дня назад?!

— Ленá утром позвонила. Сказала: позавчера их байдарка перевернулась на реке. Она подплыла к берегу, обернулась, а его сзади нет. Коля не выплыл. Тело не нашли.

Я, конечно, сейчас не помню точных слов. Дальше было все как в тумане. Как в кошмарном навязчивом сне, из ко-

того никак не удавалось выбраться. Быстро собралось человек 10: товарищи Коли, анархисты, географы, — и в тот же день поехали в городок Неболчи, затерянный в диких закоулках Новгородской области. Тогда в этот городишко еще даже ходили из Москвы поезда, через 5 и 10 лет нам с товарищами добираться приходилось уже окружными путями с тремя пересадками. Там два дня мы с плота шестью обшаривали речушку Мду, которая даже разлившись, казалась мирной и безобидной, пытаюсь найти тело Коли и одновременно безумно надеясь, что он каким-нибудь чудом обнаружится сам — живой и невредимый. Тогда мы его не нашли. Нашли через месяц наши друзья, вновь приехавшие в Неболчи: вода в реке совсем сошла, тело прибило к коряге. И Коля был похоронен на маленьком местном кладбище. А на горе, над местом его гибели, где речка делает изгиб, был поставлен памятный камень с надписью и портретом. Сейчас я уж и не знаю, стоит ли он еще там.

Тогда, 12 мая 1996 года, я написал стихотворение. Вот оно.

Памяти Коли Муравина

Два дня в реке искали тело
И слепо тыкали по дну.
Река текла, смеялась, пела,
Храня покой и тишину...

Спеши с тускнеющей зарею
Хотя б на миг поймать мечту.
Звени натянутой струною,
Чтоб оборваться на лету.

Звучи в бессмыслице творенья,
И расточаясь, и любя.
Быть может, краткое мгновенье —
Все, что осталось у тебя?

Борись, спеши, не жди удачи,
Бери ее — она твоя.

Ты слышишь вместо слез и плача
Ликующего соловья.

Звучит над тихой рекою,
Где прервались твои следы,
С нечеловеческой тоскою
Протяжный реквием воды.

А сейчас я расскажу вам о Коле. Расскажу, что знаю, что помню. А помню и знаю я одновременно и многое — все-таки 6 лет близкой дружбы и общей борьбы, столько переговорено, столько пережито вместе, — и очень мало. Те 6 лет — как большая полоса света, в которой виден Коля, а что было до того? И что после? (Меня, как и Алису из страны чудес, мучительно занимает вопрос: как выглядит пламя яркой свечи *после того*, как свеча погасла.) Да и 20 лет уж минуло, многое забылось. С другой стороны, его рассказы, пьесы, очерки, рисунки говорят о нем больше, чем кто-либо из его знакомых. Коля был очень талантлив и умел выражать себя в разных произведениях весьма ярко и самобытно. Итак.

Коля не любил автобиографий, он творил ее — поступками, путешествиями, играми, словами, рассказами и картинками. Однако свой маленький самиздатский сборник он сопровождал крошечным автобиографическим вступлением: «Николай Муравин родился в Москве в 1966 году. Биография его (служба в армии в промежутке бесконечного процесса обучения в школах, техникумах и вузах) для широкой публики интереса не представляет, поэтому опускается. Учился, учился, а применять-то полученные знания когда? — спросили мы автора. Он не смог дать вразумительного ответа. Впрочем, знания, приобретенные Николаем Муравиным за долгие годы жизни, несколько отличаются от тех, которые хотели вложить в него многочисленные преподаватели».

Уже из этой небольшой самохарактеристики читатель может понять, что Коля любил лаконичность, не любил банальностей и напыщенностей, был весьма склонен к саморефлексии, но и не лишен самоиронии.

Николай Константинович Муравин умудрился родиться в необычный день. Он появился на свет 18 марта 1966 года — в День Парижской коммуны. Если бы я был склонен к мистицизму, я бы сказал, что грохот пушек на Монмартре 18 марта 1871 года разбудил — спустя 95 лет — Колю Муравина, как декабристы некогда разбудили Герцена. Но точно я не знаю.

Знаю, что у Коли были папа, мама (она умерла незадолго до его гибели) и брат. О его юности (до 24-летия) мне ничего не известно. В каком техникуме учился Коля? Когда и как начал сочинять? Где проходил военную службу? Припоминаю лишь, что где-то на севере и что события, описанные в рассказе «Ямал», имеют реальную предысторию: в воинской части Коли рассказывали о беглом дезертире, которому помогли спастись коренные жители Севера. Как стал анархистом? Может быть, именно бессмысленная армейская муштра породила в нем первые ростки либертарного бунтарства и нонконформизма? Все это — «вопросы, вопросы в темноте», как говорится в одном известном произведении, которое герой этого очерка с удовольствием цитировал.

Потом была учеба на географическом факультете МГУ. География была столь же органична и важна для Коли, как и революция, писательство, рисование и журналистика, — была неотделима от них. Благодаря ему и я полюбил географию и географов: романтику дорог, вечные карты, поездки на базы. Он был неутомимым, любопытным и восприимчивым странником, за короткую жизнь облавившим пол-Евразии. Под видом «паломника», например, он ездил в Польшу. Дело было летом 1991 года, когда рухнул железный занавес, и тысячи людей из СССР хлынули якобы «на встречу с папой Иоанном Павлом Вторым» в Ченстохове («Иоанном Павлом Другим» — со смаком говорил Коля, любивший иностранные слова и неторопливо пробовавший их на вкус). Как ни странно, до папы Коля, в отличие от большинства соотечественников, все-таки добрался и потом живо описывал нам пресловутый «папомобиль», подтрунивал над церковными словами вроде «взыскует» и «окормлять». Именно в Польше его застали события первого путча в Москве в августе 1991 года

и именно из Польши Коля привез привычку называть свою возлюбленную Ленóй — с ударением на последнем слоге на польской манер (как ее называли там). Временами он не вылезал с баз геофака МГУ в Сатино и Марфино, занимаясь некими, для меня вполне эзотерическими, наблюдениями за эрозией почв. Однажды — летом 1995 года — отправился в археологическую разведку в девственные и дремучие архангельские леса, пропав там на несколько суток и вынырнув из безлюдных дебрей и болот, когда окружающие уже начали всерьез беспокоиться о судьбе его и его спутниц-археологов. В другой раз он мчался в Сибирь пообщаться со староверами, о чем успел написать один из последних очерков в журнал «Вокруг света» незадолго до смерти. То он участвовал в экспедиции в Хибины, где, между прочим, издавал стенгазету «Черный лемминг» (лемминги, как известно, безукоризненно белоснежные). То покорял вместе с Ленóй Карпаты. То проводил месяцы на какой-то географической базе на Крайнем Севере, где зарисовывал в блокнот белых медведей, поразивших его как размерами, так и невероятной для их комплекции скоростью. Вечное движение, неистощимый интерес к природе и людям, любопытство этнографа и художника, умение любоваться деталями окружающего мира во всей его неисчерпаемости были частью Колиного романтизма и жизнелюбия и потом отражались в его работах.

Рассказывали, что однажды при посещении какого-то музея Коля Муравин внезапно отстал от товарищей. Обнаружив пропажу, они вспомнили, что в одном из предыдущих залов висела карта. Вернувшись, они застали там товарища Муравина, сосредоточенно и любовно изучавшего ее. (Он и сам мастерски мог набросать карту.) Весь земной шар был для него своим, являлся полем творческого познания и действия. Все люди были братья и сестры, все горизонты были открыты. Местный колорит народов и стран, привлекая его, как все яркое и выразительное, органично вписывался в его максималистский интернационализм анархиста, не признающего никаких глупостей вроде государственных границ и патриотизмов. Все люди, страдающие от гнета и борющиеся за свободу и справедливость, были ему товарищами.

Учась на геофаке МГУ, Коля Муравин стал принимать активное участие в студенческих капустниках. С несколькими друзьями они создали творческую группу «Крюк», веселившую товарищей забавными импровизационными спектаклями и выезжающую на слеты студенческих коллективов. Задорные, остро-сатирические постановки дали одаренной натуре Коли возможность впервые попробовать себя в роли артиста, сценариста, режиссера, через игру и праздник преобразующего жизнь, высмеивающего общественные пороки и меняющего различные причудливые амплуа и маски.

О начале общественной деятельности Коли Муравина я уже почти ничего не помню (хотя как-то он несколько часов специально рассказывал мне об этом, но увы!) Ясно, что оно связано с движением «Интербригад». В середине восьмидесятых, пытаюсь как-то гальванизировать прогнившую официальную коммунистическую идеологию и взять под контроль романтически-революционно настроенных подростков, власти то ли поощряли, то ли просто позволяли создавать при школах и домах пионеров кружки и группы бредивших революцией, партизанской борьбой, разрушением капитализма и интернациональной поддержкой «своих» в странах «третьего мира». Эти мальчики и девочки писали письма в Латинскую Америку, интересовались партизанами, разучивали революционные песни, собирали средства в помощь далеким и, в сущности, неведомым (а оттого еще более привлекательным) повстанцам. Подобные мероприятия на грани дозволенного создавали в обществе чувство сопричастности борьбе за социализм, все еще вроде бы ведущейся на другом краю света — и оттого безопасной для режима, по инерции тоже именуемого себя социалистическим. Впрочем, как и все в СССР, эти инициативы были крайне бюрократизированы и ревниво опекались комсомолом и партией. Вдруг эти мальчики и девочки слишком серьезно воспримут слова о революции, справедливости и свободе и захотят как-то реализовать их здесь? Именно это и случилось с нашим героем.

Коля Муравин, то ли еще в школьные годы (до своей службы в армии и начала перестройки), то ли уже в студенческие годы (после армии) примкнул к такой интербригаде. Она называлась Интербригадой имени Че Гевары. Во главе ее стояла харизматичная, энергичная, идейная и авторитарная девушка Галя Зайцева. Я не очень помню, чем они занимались. Несомненно одно: уже в юные годы в Коле Муравине была сильна любовь к революционной героике, к партизанской борьбе за справедливость, к испанскому языку, который он потом отчасти освоил. А в нашем анархическом кружке «Муравинские четверги» он потом делал доклады о Чили и Никарагуа, написал ряд статей о чилийской революции, о сапатистах в Мексике, о Колумбии. Возможно, именно в те годы Коля так много узнал о социальных движениях в различных странах и обзавелся товарищами из числа боливийцев, палестинцев, посещал собрания курдов из РПК. Он даже как-то подарил мне изданную на русском языке книгу Оджалана — тогда еще законченного сталиниста и не узника Турции.

На фоне героических и драматических событий, происходивших в Латинской Америке, становились особенно отчетливо заметны пошлость, лицемерие и несправедливость советского общества. Как очень многие из нас, в юности всерьез приняв прекрасные идеалы социализма, Коля потом пришел к анархизму через осознание полного несоответствия этим идеалам в СССР. Хотя он любил говорить о себе, повторяя слова Махно: «Прежде всего, я — революционер, и уже потом — анархист». Что же касается его отношения к фигуре Че, со временем оно стало более трезвым и критичным. Осознавая тоталитарные и бесчеловечные черты Че Гевары и пороки диктаторского кастровского режима на Кубе, Коля, похоже, до конца несколько наивно любил — не самого Че Гевару — но светлую мечту о нем, бескорыстном, чистом и самоотверженном революционере. Как потом он увлекся красивой сказкой о сапатистах из штата Чьяпос. А портрет Че, разумеется, украшал его спартанскую квартиру, где на одной из стен также висел плакат с изображением условных буржуинов и бюрократов, в которых нужно было метать дротики (это называлось игрой «Меткий брАсок»).

А мир вокруг становился все сложнее и неоднозначнее. Первая половина 1990-х, напомним, это время краха СССР, время разочарований, потери ориентиров, построения дикого капитализма на постсоветских просторах, время бандитских войн, чубайсовских «ваучеров» и гайдаровской «приватизации», время борьбы советских людей за выживание в голодном обществе. И именно эти годы стали временем короткого взлета общественной революционной деятельности и литературного творчества Николая Муравина — в противостоянии окружающему безумию и распаду.

К Конфедерации анархо-синдикалистов студент географического факультета МГУ Николай Муравин, уже тогда время от времени публикующий статьи в журнале «Ровесник», присоединился, вероятно, в 1989 году. По крайней мере, именно тогда в главном издании КАС, журнале «Община», появился его первый материал — интервью с «новыми левыми» из Польши, куда он тогда съездил. Лично я помню Колю с весны 1990 года. В то время он уже был анархистом, сочинителем, членом КАС (как и я) и активно участвовал в подготовке акций солидарности с китайскими студентами, приуроченных к годовщине восстания на Тяньаньмэнь. 13-14 мая возле здания МГУ на Воробьевых Горах собрались полторы тысячи студентов, равнодушных к прошлогодней бойне в Поднебесной и к ситуации в России. Вообще, равнодушие — отличительная черта этой странной и недолгой поры. Суточная символическая голодовка символизировала поддержку китайских студентов. В лагере шли семинары, дискуссии, обсуждения студенческого движения в СССР. Коля был в числе организаторов этого важного события (и последующей мессы в костеле памяти раздавленных танками студентами Пекина), которое стало традицией, впрочем, недолгой и быстро пришедшей в упадок. 13 мая 1991 и 1992 годов аналогичные студенческие лагеря снова возникали на этом месте, сократившись численно: уже не сотни, а десятки студентов (активисты-анархисты и «зеленые»). Об одном из этих лагерей написал «Московский комсомолец», специально упомянув «ноги Муравина» (такой значок кто-то шутя нарисовал на асфальте) (см. рисунок на стр. 37).

Закончив университет, Коля, в отличие от слишком многих, не отошел от анархического движения, которое тогда распадалось, как и все неформальное движение эпохи перестройки. Для него анархизм был не данью подростковой инфантильности, не преходящим модным субкультурным увлечением, но осознанным жизненным выбором. Основные постулаты анархического мировоззрения: солидарность, свобода, космополитизм, нонконформизм, жажда подвига, противостояние власти, капитализму, полицейщине, угнетению, фашизму и ксенофобии во всех их формах и во всех уголках вселенной для романтика Коли, человека действия, воспринимающего мир художественно, — были чем-то своим, личным. Они воплощались в поступках, текстах и рисунках — всегда идейно содержательных, но при этом бесконечно далеких от плоских и скучных «агиток» и деклараций. По-моему, большое влияние на становление Коли Муравина как анархиста оказал революционный перестроечный рок. По крайней мере, песни раннего Кинчева (особенно «Красное на черном») с их огромной революционной энергетикой и пафосом протеста Коля любил, он часто ставил нам эту кассету.

А между тем Конфедерация анархо-синдикалистов таляла на глазах. Большинство ее участников, отойдя от перестроечного энтузиазма, ушли в частную жизнь, а вожди во главе с Андреем Исаевым бодро пополнили растерянную когорту профбюрократии. Если весной 1990 года в Московской организации КАС состояло до семидесяти человек, то спустя два года нас оставалось всего пятеро. Площадка, в которой несколько лет работал наш лекторий (Беспартшкола), организацией которого я занимался, — музей истории ВЛКСМ — была потеряна. Я решил, что настало время кружков-квартирников, и обратился за помощью к Коле Муравину. Он благородно и несколько опрометчиво согласился предоставить нам свою квартиру недалеко от станции «Владыкино». Впоследствии, когда мы в полном соответствии с народной сказкой о лисичке и зайчике и с анархической тактикой прямого действия явочным порядком постепенно «засквоттировали» эту неболь-

шую однокомнатную квартиру (в ней, например, прошел последний съезд КАС, там проводились собрания и иногда жили гости-иностранцы), думаю, Коля не раз жалел об этом. Но все равно с присущим ему благородством и великодушием отдавал свой дом на «разорение» постоянным визитерам. Но все это было несколько позже.

А пока, с осени 1991 года, каждый четверг компания анархистов и сочувствующих, человек 10-12, собиралась у первого вагона на станции «Владыкино». Мы долго, порой час, ждали наших не очень пунктуальных товарищей, после чего скидывались (а времена наступили полуголодные) и покупали что-то к чаю. Потом на автобусе ехали домой к Коле. И — делали доклады, пили чай, просто общались. Среда и атмосфера были удивительно хороши. Может, оттого, что мы были так молоды: мало кому было сильно за 20 — двадцатипятилетний Коля смотрелся просто аксакалом, умудренным жизнью и странствиями. Может, оттого, что этот очаг тепла, дружеского общения, любви (между участниками кружка нередко возникали романы), революционного самообразования и нонконформизма, генерировавший какие-то идеи акций, листовок и пр. — резко контрастировал с окружающим обществом озверелого капитализма. А может быть, удивительную эту атмосферу во многом определял сам «хозяин четвергов» — так он начал иронически представляться. Коля нечасто делал доклады: он не был ни академическим человеком, ни блестящим оратором — даже немного заикался. Его здоровая, совсем не суетливая, но деятельная натура требовала активности: «Надо что-то делать, ничего не делать нельзя» — эти слова, родившиеся в Прямухинской вольной артели, стали названием одной из его заметок. «И жить торопится, и чувствовать спешит» — эти знаменитые строки Вяземского у меня всегда ассоциировались с товарищем Муравиным. Он обычно сидел, примостившись в углу на диване, тогда как все мы восседали за столом, пили чай и слушали лекцию. А Коля, одновременно и присутствуя и отстраняясь, что-то набрасывал в блокнот. Уж точно не конспекты: то ли рисунки, то ли очерки.

Со всеми нами Коля был невероятно щедр. Он любил жизнь: природу, приключения, путешествия, борьбу, игры,

дружбу — и делился этим с другими не как расчетливый буржуа, а от всей полноты сердца. К девушкам он относился не по-феминистски галантно, нежно, заботливо, деликатно опекая юных барышень и нередко влюбляясь.

Как возникло название «Муравинские четверги»? Когда осенью 1991 года мы с Николаем обсуждали расписание заседаний кружка, он высказался веско и определенно: «Нужно собираться в четверг. Потому что четверг это уже не среда, но еще и не пятница». С этим нельзя было поспорить. А вскоре один из наших товарищей, смешливый и добродушный южанин Коля Винник, как и Коля Муравин — мастер острого словца, уютно обживающего мир, ввел в оборот это выражение — «Муравинские четверги» (по аналогии, разумеется, с «петрашевскими пятницами»). Оно так прижилось, что потом, когда мы собирались уже в другие дни недели и не только дома у Муравина (и даже после его гибели), все равно это были именно «Муравинские четверги» — анархический московский кружок, через который прошло с полсотни человек и который просуществовал с осени 1991 года до весны 1998 года. Он был важной вехой в жизни многих из нас.

Кто собирался на «Муравинские четверги»? Что мы обсуждали на них и что делали, кроме чаепитий и лекций? Состав был весьма пестрым. Ядро кружка составляли анархисты — бывшие члены КАС, участники «Хранителей Радуги» и Инициативы революционных анархистов (ИРЕАН). Немало было анархистов-иностранцев: жившие тогда в Москве американка Лора, французенка Амандин, немец Маркус, австралийский социалист Себастьян, приезжие испанцы, Колины друзья-палестинцы. Были совсем юные особы. Одна из них, маленькая, угловатая и трогательная семнадцатилетняя девочка-панк по прозвищу Гайка, к которой все — и особенно Коля — относились с нежной заботой и ласково-покровительственным участием, спустя 20 лет издала довольно неплохой роман «Мама Анархия» (уже, конечно, под своим именем Ирина Сисейкина), посвятив его памяти Коли Муравина. Он выведен там в качестве главного героя под именем Ник, а многие события начала девяностых описаны с соответствующими художественными изменениями.

Доклады посвящались истории революционных движений (от Великой французской революции до современности), истории философии (от Канта до Кьеркегора и Юнга), литературе (от Бродского и Волошина до Вийона и Саши Черного). Некоторые доклады и обсуждения записывались на магнитофон. Кружок был тесно связан со многими анархическими изданиями, редактора которых участвовали в его заседаниях («Великий Отказ», «Воля», «Община», «Аспирин не поможет», «Вуглускр», «Наперекор»), и со многими начинаниями: от организации экологических лагерей протеста в Череповце в 1993 и 1994 годах и создания Прямухинской вольной артели в 1995 году до ежегодных выездов (начиная с 1994 года) в лес на отмечание праздник Ивана Купалы. Разумеется, Коля активно участвовал во всем. Он сочинял и рисовал листовки, входил в редакции многих изданий («Вуглускр», «Наперекор») и писал для них. Вот неполный список: из больших официальных журналов и газет «Ровесник», «Вокруг Света», профсоюзная газета «Солидарность», анархические «Община», «Воля», «Великий Отказ», «Аспирин не поможет», «Вуглускр», «Наперекор», издание «Демократического Союза» «Свободное Слово» и анархический бюллетень «КАС-радиатор», а также личный зин комиксов Коли Муравина «МУРА». Он ездил в Череповец в 1993 и 1994 годах, был, наряду с Мишей Цовмой и мной, одним из трех организаторов Прямухинской вольной артели летом 1995 года. А сколько было еще пикетов, митингов, «оранжевых акций», организованных при участии Коли Муравина! И всюду он вносил что-то живое, веселое, задорное. Листовки у него выходили ни на что не похожие: теплые, смешные, вдохновляющие. Они призывали стать «зайцами» в ответ на подорожание проезда в электричках, обращались к женщинам Череповца, звали на митинг в честь «Дня Черного Знамени» 21 ноября или на Первомай, учили, «Как организовать что-нибудь», или гневно обличали первую Чеченскую войну (за расклейку их в метро в 1995 году Коля был задержан милицией). Но и это еще было далеко не все.

Были те сферы нашей совместной жизни, в которых Коля Муравин был не просто одним из многих (талантливым организатором акций; замечательным писателем и ху-

дожником), но абсолютно единственным и незаменимым. Это стало окончательно понятно после его гибели, когда в нашем ряду образовалась зияющая брешь, — нечто подобное случилось 13 лет спустя после убийства Стаса Маркелова. Коля вносил в наш круг, в котором всегда хватало склок, сектантских конфликтов и бесплодного унылого активизма, свою неповторимую интонацию дружелюбия (он терпеть не мог ссор и всегда уклонялся от них) и жизнелюбия, праздничности, игры и веселья. Благодаря Коле мы стали часто ездить за город большой кампанией — форсируя реки, пробираясь сквозь чащобы. Эти поездки преследовали сразу несколько целей: душевное общение на природе с песнями у костра и... подготовку к возможной будущей герилье. Все делалось без фанатизма и авторитарности (какие наблюдались в те годы, например, у фашистов-баркашовцев из РНЕ, которые непрерывно качались и маршировали на своих базах, готовясь к своей фашистской революции под руководством своих фюреров). Коля придумал игру «Черника» — нечто вроде анархической «Зарницы», предполагающей марш-броски по карте, преодоление препятствий, элементы физических упражнений и силовых состязаний. Совместное приятное времяпрепровождение и игры на свежем воздухе могли вырасти в нечто большее и пригодиться в будущей революции, ведь мы знали, что всякое могло произойти. А пацифистом Коля никогда не был. И после октября 1993 года активно участвовал в организации для нас боксерской секции, которую исправно посещал. Даже я тогда пытался заниматься боксом.

Кроме того, даже оставаясь в Москве, мы часто под ненавязчивым и либертарным руководством Коли — прирожденного массовика-затейника и режиссера — постоянно играли. Мы отмечали «анархо-елки» с идейными конкурсами, викторинами вроде «Знаете ли вы язык кечуа?» и с постановками пьесок, написанных и поставленных Муравиным. Их были десятки. В этом сборнике приводится лишь одна — «Буржуин» (по мотивам «Мистера-Твистера»), который ставился раз пять. А самой большой и важной было «Черное Знамя» — пьеса, написанная Колей при моем участии, до постановки которой на анар-

хо-елке 2001 года он не дожил. Пьесы разучивались нами мгновенно — за одну-две репетиции. Они были стилизованы под классические произведения вроде сказок «Тысячи и одной ночи», под африканские предания, мыльные мелодрамы-сериалы, под рекламу — всегда были невероятно смешны и несли либертарное содержание, помогая освободиться от яда пошлой буржуазности и палочного этатизма. На наши праздники: анархо-елки, выезды за город — собирались десятки людей. Жизнь становилась яркой, осмысленной, праздничной — и все это благодаря такому ненавязчивому, внешне сдержанному шутнику, поэту и заводиле, как Коля Муравин. Он не принуждал ни к чему — он зажигал и увлекал. «Ты встанешь здесь, ты будешь этим» — и каким-то чудом все происходило само собой.

Коля любил делать людям подарки. Он дарил нам не только свою квартиру, свое творчество, игры, тепло и веселье. Он, например, часто дарил товарищам ножи, борясь так с предрассудками и суевериями. Мне он подарил значок с надписью «Великий Отказ» (я был редактором этого журнала) и с рисунком громадного кукиша. А в другой раз он подарил мне книгу советских лет «Как начать самостоятельно изучать политическую книгу» — прекрасную в своем законченном и доведенном до совершенства идиотизме.

Наконец, в эти годы Коля привносил в нашу среду свой жгучий интерес к борьбе угнетенных во всех странах мира. Так, они с Мишей Цовмой учредили Мауберский комитет, который ежегодно проводил пикеты возле Индонезийского посольства за освобождение Восточного Тимора от индонезийской оккупации. Коля подготовил статьи и листовки за освобождение лидера мауберов Ксананы. Он организовал несколько акций солидарности с зарубежными анархистами, подвергавшимися репрессиям. Он продолжал делать доклады, писать статьи о греческих и польских анархистах, французских бунтарях, китайских студентах и мексиканских сапатистах. Он не давал нам погрязнуть в нашем российском болоте, теребя и обращая внимание на другие регионы мира.

Разумеется, не оставался он равнодушен и к событиям в постсоветской России. 1993 год стал годом массовых де-

монстраций в Москве, когда «красно-коричневая оппозиция» (от демократов до фашистов-баркашовцев и сталинистов-анпиловцев) выводила десятки тысяч агрессивных людей, вмиг обнищавших, растерянных и обездоленных после «шоковой терапии», а Верховный Совет во главе с Хасбулатовым оспаривал власть президента Ельцина. Коля Муравин принял активное участие в грандиозном первомайском побоище в Москве на площади Гагарина, когда двадцатитысячная колонна оппозиции налетела на стену ОМОНа и сцепленных в ряд грузовиков. Эта схватка по масштабам насилия и ожесточению, несомненно, далеко превосходила недавнюю Болотную 6 мая 2012 года. С обеих сторон десятки людей были искалечены, а одного омовца демонстранты насмерть задавили грузовиком. Коля, разумеется, весьма далекий от «красно-коричневых» вождей и реваншистских мечтаний, еще меньше любил полицию и ельцинский режим. Брошенные им камни находили цель.

Но 3 октября 1993 года, в решающий день кульминации этого полугодового противостояния — прорыв колонн оппозиции к Дому Советов, блокированному полицией, с последующим расстрелом Белого Дома танками и бойней в Останкино — Коля и многие другие анархисты отсутствовали в Москве. Они выезжали за город в Абрамцево и пропустили наиболее драматические события, тогда как другие анархисты (и я в их числе) действовали в составе Санитарной дружины имени М. Волошина и помогали жертвам конфликта с обеих сторон. Кровавая развязка этих событий потрясла Муравина и усилила в нем отвращение к грубой полицейской силе, обеспечивающей переход России «к нормальному рыночному развитию». Наблюдая стрельбу снайперов оппозиции с крыш на Новом Арбате, застреленных прокремлевскими войсками, Коля вскоре написал свой рассказ «Боль» (по мотивам этих впечатлений) и такие резкие антиполицейские шедевры, как «ОМОН» и сказка «О двадцати шести омовцах», напечатанные в журнале «Вуглускр», созданном в ответ на эти события. Коля не только вошел в редакцию «Вуглускра», но процентов на тридцать заполнил оба его номера своими великолепными рассказами и очерками.

Потом, весной 1995 года, Коля помогал создавать Прямухинскую вольную артель, а весной 1996 года стал одним из учредителей журнала «Наперекор», ведущего теоретического анархического журнала 1996-2002 годов.

Всего не припомнить. Много было за эти 6 лет нашей дружбы. Но еще важно сказать о том, как Коля писал свои произведения.

Географ, путешественник, художник, революционер-анархист, Николай Муравин, как мне кажется, все же был скорее вовлеченным и страстным наблюдателем, чем деятелем. Крайне восприимчивый ко всему выразительному, очень тонко чувствующий слово, романтичный без позерства и лиричный без слащавости, он, наряду с талантом прекрасного друга и режиссера, прежде всего, имел талант писателя и художника. Все впечатления мира, все окружающие события и удивительные слова и люди, все анархические идеи выступали как материал для его литературного и живописного творчества. Его рисунки, комиксы, плакаты всегда лаконичны, остроумны и выразительны. В них ощущается дух свободы, озорства и фантазии. Любость к жизненной конкретике и поэзии безо всяких схем, догм и абстракций. И ни капли ученого педантизма. В одном из своих зинов «Мура» под какой-то картинкой Коля поместил газетную цитату про собрание «гигантского ингота». «Что такое ингот?» — спросил я его. Он не знал. Да это было и не важно. Ему понравилось слово.

В другой раз я уличил его в грубой исторической ошибке. На его плакате был изображен некто с подписью: «Государство — это я». И рядом веселые бунтующие лица с подписью: «Анархия — это мы». Я возмущенно сказал, что про государство говорил Людовик XIV, а у него там Оливер Кромвель. Но какое это имело значение? Для Коли — никакого. Главное — некто государственный.

Еще как-то Коля взялся и переделал мою скучную научную статью для журнала «Великий Отказ» об истории «оранжевых акций» в задорную пьесу. Он любил все оживлять.

Поскольку у Коли не было печатной машинки, я часто

выступал в роли его «машинописца». А иногда мы что-то сочиняли вместе. Меня всегда поражала его способность к импровизациям — к неожиданным поворотам речи и выражениям. Например, мы вместе сочиняли огромную пьесу «Черное знамя». В ней используются мотивы Маяковского, сказки о спящей царевне и т.д. В ней действовали анархист Кай, сама Анархия (роль писалась для Гайки и с нее), Прудон, дух Бакунина, государственники Маркс, де Тревиль из «Трех Мушкетеров» и Геннадий Бурбулис, серый кардинал Ельцина. И вот мы сочиняли о детстве Кая. «Учился в школе» — выдал я строку. «Но мечтал о воле» — тотчас парировал Коля. Или как вам такая цитата: «В этот замок, словно пиццу, Бурбулис привез девицу». Это «словно пиццу» — великолепно!

Многие места из сочинений Коли, несущие на себе печать времени, аллюзии и пародии на что-то конкретное, сиюминутное и субкультурное, могут быть сегодня непонятны читателю. Например, в пьеске «Буржуин» упоминаются «кейсы». «И любая рашен фэйс займает личный кейс» — говорят буржуазные прихвостни о новой русской мечте. А кейсами в 1990-е годы были такие чемоданы — признак чиновника или профессора. Или в пьесе «Черное Знамя» «Бурбулис оттягивает свой конец» и не раз. Эта двусмысленность возникла из газеты «Солидарность», в которой появилась статья под названием «Бурбулис оттягивает свой конец» и, конечно, стала идиомой в нашей среде.

Многие рассказы Коли Муравина автобиографичны или навеяны конкретными событиями и людьми. Так, рассказ «Дети Декабря» имеет прототипом реального человека — польского анархиста Януша Волюшку, «Папу Римского» польского анархизма, как его шуточно называли товарищи за возраст и авторитет, с которым Коля общался в Польше летом 1991 года. «Ямал» описывает события, навеянные армейскими впечатлениями Николая. «Боль» написана вдогонку увиденному в Москве 4-5 октября 1993 года. Армейский опыт, чутье к словам и дух этнографасатирика ощущается в его «Словаре армейских выражений» и «Словаре ОМОНимов». И всегда автор додумывает, достраивает, обживает, преобразует реальный жизненный материал, доводя его до художественного символа. Фанта-

зия, воображение, либертарные ценности автора создают шедевр из какого-то подмеченного эпизода.

Как заметит читатель, Коля Муравин очень любил всяческие стилизации, пародии. (Наряду с сарказмом сатирика и лирической интонацией.) Он писал тексты «под Одиссею», «под рекламу», «под телесериалы» — хотя не был ни постмодернистом, ни ситуационистом. И он активно использовал более чем выразительные псевдонимы. Из числа его псевдонимов: Л. Шмидт (то есть лейтенант Петр Шмидт — герой русской революции 1905 года), Иван Болотников, Мустафа, товарищ Конго, товарищ Шри и товарищ Ланка (дань восточной экзотике).

Лаконичности рассказов и очерков, сдержанности чувств и немногословности Николай Муравин учился у Хемингуэя — своего любимого писателя.

«Начинающим великим писателем» полушутя нарек Колю наш общий друг Кирилл Привезенцев. Весной 1996 года Коля Муравин — к тому времени автор нескольких десятков очерков, пьес, рассказов и комиксов — начал сочинять свой первый роман. Конечно же, роман должен был быть посвящен партизанам-революционерам Латинской Америки. Роман не был дописан, оборвавшись, как и сама жизнь Коли, в самом начале.

Говорят, боги завидуют молодым, талантливым, жизнелюбивым — и забирают их очень рано. Первого мая 1996 года под моросящим дождиком мы, человек тридцать анархистов и сочувствующих, в бодром расположении духа, встречали наш День возле памятника Сергею Есенину на Тверском бульваре. Коля весело махал черно-красным флагом, читал завершающие сцены «Черного Знамени» — о светлом анархическом будущем. Он улыбался. Кажется, он был счастлив. Он умел быть счастливым, умел жить, дружить, сочинять и вдохновлять, умел быть человечным, любить и быть любимым, умел соединять людей в разных добрых делах. Романтик без фальши. Идеальный анархист без фанатизма и сектантства. Мастер сердечного общения, но отнюдь не ритор. Любознательный наблюдатель — без схоластического многознания. Добрый человек, наполня-

ющий мир смыслом и теплом братства, но умеющий быть бойцом и умеющий ненавидеть. Эстет и артист во всех своих жизненных проявлениях. Инициатор и заводила без грана вождизма...

Потом мы все вместе пели «Варшавянку». И Коля пел со всеми: «Нас еще судьбы безвестные ждут». Жить ему оставалось менее суток.

Николай Муравин и Петр Рябов в анархистской лектории «Беспартшколы» сочиняют пьесу об истории «оранжевых акций» (28.11.90)

Россия
(1980–1990-е годы)

Третий портрет Че

Я помню начало 80-х.

Помню пьяных парней, стреляющих мелочь около школы. Помню, как в актовом зале под шутовские аплодисменты старшеклассников телевизор транслировал открытие XXVI съезда. Помню, как душным олимпийским летом захлебывался «голосами» приемник «ВЭФ»: восстание в Польше! Помню, как мне сказали — умер Высоцкий. Помню напечатанное в «Правде» заявление правительства ДРА в начале 1980 года. Помню, как гнали на юг на глазах изумленных мальчишек военные эшелоны.

Помню Че Гевару.

Где и когда впервые услышал имя — забыл. Может быть, с диска «Гренады»:

Как будто ты вместе с нами
Идешь вперед, как и прежде.
Был вождем ты и надеждой,
А теперь ты — наше знамя.

Я тогда еще не знал ничего, но чувствовал, как не похожа на эту та жизнь — с дымом костров, с дорогами через сельву, с оружием в руках. Те люди, думал я, знали, что делать и за что умирать. Их революция, яркая и чистая, поразила меня. А символом революции был Че.

Я хотел читать, но нашел так мало... Пытался учить испанский. Итальянский фильм, снабженный в периферийном кинотеатре сногшибательной рекламой («...чтобы узнать планы врага, Че Гевара пробирается в лагерь рейнджеров...»), мне понравился.

Образ красивого и сурового партизана в черном берете вошел в мою жизнь с портретов и из книг. Я влюбился в его

родину — Америку, которая не была и не будет Америкой Соединенных Штатов.

У меня есть друг. Тогда мы спорили до хрипоты. Он первым сказал «гниль». «Все гниет, все! — кричал он. — Неужели ты не видишь?» Нет, я видел, но... Ну ладно, думал я, пусть здесь плохо и никто не верит ни во что, и все устали, но ведь должен же быть где-то тот блистающий мир, который построил наш народ за 60 с лишним лет!

Позже я понял, что мир, который построили, — это тот, в котором мы живем.

Не было героев в отечестве.

Че спас меня.

Он помог сохранить в те страшные годы массового одиночества пусть наивную, детскую, но все же веру в светлое в человеке и в то, что сегодня все-таки новый день, а не тот, который был вчера. Сейчас это в самом деле так, а тогда...

Дыхание Внешнего Мира, огромного, залитого кровью и застланного дымом войн, дыхание, процеженное и отфильтрованное телеэкранами, все же доходило до нас. Страдания, голод и горе, с которыми ежедневно сталкивается большинство населения планеты, увы, не воспринимались и не воспринимаются здесь, в Союзе, как реальность. Но тем, кто оказался способен представить себе это, какими ничтожными начинали казаться наши «местные» проблемы! Да и что мы знали тогда о них, о проблемах наших?

Че не был для меня ни политиком, ни военным. Он был романтиком, который искал свою звезду, подобно Хоакину Мурьете. Потом я прочел о его последних днях и понял, что он ошибался кое в чем. Да, ошибался и заплатил за это собственной жизнью. Что вам еще надо?

Нет, говорили мне, твой Гевара — авантюрист. Экспорт революции и все такое прочее. Да и вообще у него было две жены. И вся твоя революционность, продолжали эти люди, впрочем, как и его, происходит от комплексов. Для тебя Гевара все равно что наркотик. Ты не хочешь менять то, что вокруг, ты хочешь сбежать отсюда. Одни отращивают волосы, другие бреют, а у тебя вот — Че Гевара.

Я обижался. Но сегодня вижу, что отчасти они были правы. Я не то что не хотел ничего изменить — хотел, но не знал

как. Меня окружала стена, как и многих, и многие бились до крови об эти прозрачные стены, а еще больше людей приспособились и затихли.

Но я знал, что Революция продолжается. Революция наступала в горах Сальвадора, в африканском буше, на баррикадах Сантьяго. Я это знал, и, наверное, потому мне удалось обойти стену почти без потерь. Че был лучом света, пробившим плотное серое небо над Москвой.

Как-то раз я нацепил значок с эмблемой чилийского сопротивления. «Ты, наверное, псих, — сказали мне. — Панк — это понятно, но чилиец?!»

Постепенно нашлись люди, примерно такие же сумасшедшие, как я. Мы старались помочь им — тем, кто делал Революцию. Работа шла туго. Часто нас не понимали не только советские, но и те, ради кого мы все это затеяли. Было очень горько.

«Вероятно, мы делаем что-то не так?» — начали размышлять мы, и тут грянула гласность.

Многое изменилось.

Мы поняли, что наша страна ни в какой своей части не является раем земным, где тишь и благодать, и не имеет шансов стать таковой в обозримом будущем. Поняли, что ходим по костям расстрелянных, замученных, раздавленных чудовищной машиной репрессий, рядом с которой бледнеют стадионы Пиночета и казематы Стресснера. Поняли, что живем среди народа, который приучили молчать и выполнять приказы. И мы поняли наконец, что на нас смотрит вся планета и что судьба Революции решается не в Сантьяго или Гаване, а в Москве.

А Че?

Че — это контакт, замыкающий цепь. Это связь с теми, кто в горах, в городском подполье, в тюрьмах и лагерях, в рядах демонстраций под дулами водометов продолжает вечную битву за лучшее будущее для человечества.

Они там делают свое дело, мы здесь — свое, но цель одна.

«Знаешь, политикой я не занимаюсь, — сказал мне человек, причисляющий себя к Системе, — политикой не занимаюсь, но уважаю Гевару. Он был бесстрашен. Победить страх — это как раз то, что необходимо нам сейчас».

«Ровесник» № 6 за 1989 г.

Под городом

Правило такое: не стоять. Шагать, двигаться, бежать вниз, бывает, и вверх тоже. Есть станции, где на эскалатор уходит больше двух минут, а так — секунды. Впрочем, не в секундах дело.

Утро. Бегу. Ступаю на эскалатор. Мгновенное ощущение удвоенной скорости, иллюзия: следующий шаг — полет, скольжение в струях упругого теплого ветра в наклонной шахте. Но — никакого полета. Справа вереница затылков и спин. Поворот головы — женский профиль — условный рефлекс, никакого смысла. Мимоходом заголовки газет, обрывки фраз — ПЛОХ ТОТ ПОЛИТИК — ТРАХ-ПЕРЕТРАХ — ХОРОШО ЛИ ВЫ СЛЫШИТЕ — ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ — обрывки фраз, летучий отпечаток на коре головного мозга. Это пройдет. Никакой информации.

Потом оказываешься на дне, среди мрамора, колонн, картин, статуй, оказываешься раньше многих, но ведь и они рано или поздно туда прибывают. И, если не успел к поезду, как бы ничего не выигрываешь, сталкиваешься с ними на платформе. Лиц не видел, опознаю по одежде, по фигуре. А они, если заметили меня, могут подумать злорадно, или равнодушно, или, редкость, сочувственно: дурак, бежал, суетился, а ведь хренушки! Могут. Но ошибутся.

Движение, конечно, не все, у движения есть цель, но иная. Вы подчиняетесь ритму, а я стараюсь его сломать. Выйти за пределы монотонности можно двумя путями: либо ускорившись, либо затормозив, второе обычно не по мне. Но выход возможен только на отдельных участках, а вот он поезд, нагретая гусеница выползает из тоннеля,

она проглотит нас всех, и тут уж ничего не поделаешь. Город примется за нас всерьез — утренний сеанс дрессировки.

Не стоит о традиционно-тоталитарных метрокрасотах, о каменных партизанах и бронзовых матросах, о мозаике в стиле старых мультфильмов, о барельефах, горельефах, мегарельефах, озаряемых лицами временно шмыгающих здесь говорливых интуристов. Не стоит описывать интерьеры. Труп, право, без разницы, раскроили ему череп дамасским клинком или прострелили висок из пистолета ТТ. Просто метро — сегодня и ежедневно. Метрометрометр. Желудок города: это банальность, но правда. Пару раз в сутки переваривает почти всех. Процесс постепенный, но и спешить некуда. Солидность и постоянство. Годам к 25 достигаешь нужной кондиции, некоторые раньше, позже немногие. Дется-то некуда.

О, говорить об этом можно красиво. Спрут, удав, электрический пес — все образы к моим услугам. В метро ОНО активно трудится. Здесь вообще нет неба, деревьев и птиц, отвлекающие моменты введены к минимуму. Сумма давления саркофагов зданий на поверхности, проткнутого трубопроводами, приуроченного и освоенного слоя планетарной породы над сводом тоннеля — хороший способ отсечения ненужного. Нужное легче входит в голову на глубине десятка метров. КУПИМ — КУПИТ ОРГАНИЗАЦИЯ — ВАША МЕЧТА ОСУЩЕСТВИМА — АКЦИИ ОБЕСПЕЧЕНЫ НЕФТЬЮ. Это она, высокая эффективность рекламы в метро. Так это называют.

А Пес (пусть будет пес, не спорьте!) все вгрызается в стены. Это стены ваши, его курс снаружи вовнутрь. Желтая краска, умерший свет, пестрая схема с установленным раз и навсегда порядком станций. Закрывать глаза. Открыть глаза. Закрывать крепче. Бесполезно. Остается отражение в стекле — лица мои, твои, соседей. Остается носом в книгу, я становлюсь наркоманом. Я почти полюбил то, что нагружает книжные лотки. Это не литература, а средство выживания. Иллюзорное, естественно.

Но бывают и темные вагоны, один-два на поезд. Кое-кто (наблюдаю, как расслаивается толпа при посадке), кое-кто избегает их, бросаясь к соседним дверям, кое-кто наобо-

рот, решительно шагает в распахнувшийся полумрак. Несравненное наслаждение — не видеть стен, соседей (лишь силуэт, о котором можно что хочешь вообразить), не видеть схем, плакатов, отражений. В темноте страхи другие: иногда на длинных перегонах дрожащее сияние на полу, вроде бы отпечаток ближайших светлых окон, начинает расширяться, тихо переползая к ногам пассажиров, а прожектора, бьющие из-за сетки КЛЭП, преследуют вагон, не выпуская из своего синего луча, доказывая тем, кто может их видеть, существование грозного пространства Метро-ноль.

Но это все поэзия, а действительность прозаична. Мы трясемся в тесном, горячем замкнутом пространстве. Людей, естественно, что селедки, утром-днем-вечером — количество неизменно, вот разве что ночью, с обеих ее концов... Мне, в общем, совсем не хочется видеть их, куда приятнее изучать печатные знаки, процессы за стеклом или изнанку собственных век. Кроме некоторых случаев, кроме конкретных девушек, например. Здесь есть время их рассмотреть, не то что наверху, на бегу, вполоборота, нет. Здесь они, как бабочки в коллекции, припиглены к месту. Хотя все мы здесь в равном положении, но их жалко. Мне кажется, их похитили. Не у меня, у того вольного широкого мира, о котором изредка (часто — вредно) я мечтаю. А похититель: метро — часть его тела, глазищи его — иллюминация реклам, граница с его территорией иногда режет лезвием, иногда неощутимо мягка, а иногда рвет до крови, как колючая проволока, плоть бегущего. Пес! Выдающийся генетик, тотальный селекционер, он выводит себе людей. Хотя бы клерков вот этих, неизвестного цвета воротничков (не разбираюсь), костюм-униформа, подтянутый галстук, а может это сам бизнесмен, забрел в метро по устарелой привычке, этаким бизнесмен-шатун, по какому-то поводу без мерседеса. Но мне до него дела нет, а вот до девушек есть. И ему тоже есть, вот забавно. Как бы для него, на глазах прогрессивного человечества, выведена новая порода секретарш-референтш-брокерш и т.д. Женский стиль допускает больше разнообразия, но все равно униформа очевидна. Все эти темные туфли-колготки, отутюженные пиджаки, маникюр-бижутерия, все

подогнано не ниже определенного уровня, не ярче определенного стандарта, обезжиренная и обезвоженная красота-вектор. Вот и в этой стране она в моде. Все мы проданы, некоторые более. Все мы вынуждены продаваться, в этом нет конкретной вины, впрочем, оправдать можно многое, было бы желание.

А электрический пес все вгрызается в стены. Когда-нибудь его челюсть замкнет красный контакт, и неслабый фейерверк увидят счастливики, которым будет дано! Взорвется он вместе с городом, уже сейчас миллионы бессознательных камикадзе ведут кропотливую конспиративную борьбу за его уничтожение. И временами кажется мне, что и он хочет того же. Стоишь, например, после нуля часов на пустом перроне, и вдруг на табло после цифр 9.59 начинают выскакивать буквы Y,O,X... Они не складываются в слова. Возможно, это чужой язык, или стон и вздох огромного усталого зверя.

А однажды, тоже поздним вечером, я видел, как метро убило человека. Он стоял на платформе просторной и теплой станции, приближался поезд, гипнотизируя его сиянием желтых глаз, человек шагнул вперед, поезд переехал его и через десяток метров остановился, возбужденно скрежеща тормозами. Потом его доставали перепуганные машинисты, милиционеры, дежурные, открывали какие-то люки, спускались с фонарями под колеса и наконец извлекли окровавленное тело с неестественно вывернутыми ногами. Группки полных пассажиров бродили по платформе, переживая и обсуждая. Поезд замер, притихший, довольный. Сказали, что человек был пьян.

Девушки не виноваты, — думаю я в обычное душное время, утром в сторону центра, вечером в обратную сторону, — они нежные и красивые, они не виноваты. Вот сидит их несколько штук, вперемешку с прочим народом. Меня не замечают, думают кто о чем, но похожесть их мыслей в этом поезде запрограммирована, ну а я о них думаю. Без всякого сексуального подтекста. Они не виноваты, не они сотворили город и метро под ним, в отличие от парней с крутыми затылками, военных, бизнесменов, цыган и прочего населения горячей гусеницы, несущейся под асфальтом на глубине десятка метров. Они пленницы, с нежностью ду-

маю я, хотя, конечно, ошибаюсь относительно многих.

Я в этой духоте загнан в угол, приплюснут к стеклу. Через сколько-то мне выходить, как и другим, а этим раньше, а тем позже. Но из моего угла их совокупность представляется непробиваемым монолитом. Бывает момент бессилия, когда опускаются руки. Станция — сквозь них — даже если пройду — новые толпы — куда дальше — вверх по эскалатору вместе с толпой — куда дальше?! Кругом тот же город, и в нем, добавим, и даже в большом радиусе за его пределами, власть Пса не ограничена. И вот я в углу, зажатый плотными сегментами противодействующей массы.

Случается: такое, наверное, чувствует шахтер под обвалом — безысходное подземное одиночество. Будь во мне больше человеческого, тут бы и конец, но, видимо, природа-мать снабдила меня некоторыми навыками выживания в супер-животе. Ледяной сталактит тоски втыкается в сердце, а на лице ничего. Ничего особенного не должны заметить граждане пассажиры, а ведь, сложишь иначе, кого-то из них уже выносили бы... бритва, нож, пистолет... МАНЬЯК В МЕТРО — другой схватит завтра заголовок из газеты, пробегая по эскалатору.

От погружения в отчаяние меня удерживают глаза. Взгляд прямой, внимательный, но не изучающий. Вопросительный. Кто? — летучей мышью шарахается в голове паническая мысль. Кто здесь, в зоне анонимных рабов города, пытается нарушить мое инкогнито? Враг? Друг? Случайность? Это девушка. Незнакомая девушка наискосок от меня, ее лицо в промежутке толстых стоящих — прекрасный портрет в аморфной уродливой раме. Чем я привлек ее, чем заслужил... ах да, ясно, она готова спросить, она крикнет сейчас, что с вами, вам плохо? Она вежливая девочка и отзывчивая... а у меня какой-то прокол... и, быстро возвратив на место бесцветную маску подземелья, сигнализирую осторожно, чтобы не показаться наглцом: спасибо, все в порядке. Взгляд становится чуть-чуть виноватым: просит прощения, вмешалась не в свое дело, уединение нарушила. Потом опускает глаза, там у нее, наверное, раскрытая книга. Свидание окончено.

Между нами расстояние метра два, густо наполненных различными препятствиями. Даже если... но места рядом

с ней никогда не будет, не может быть... а если выйти с ней? И вот она встает и пробирается к дверям, мелькают среди затылков ее волосы, профиль, чуть повернутый ко мне, будто хотела еще раз посмотреть — но это невозможно! — но оборвала, не завершила движение. Поезд тормозит, меня бьет о спину впередистоящего. «Выходите?» — обернувшись, услужливо спрашивает тот. Это чудо, и это меня останавливает. Так не бывает. Ловушка? Нет-нет. А она уже стоит прямо возле дверей, двери, шипя, распаиваются, она исчезает, и ей на смену в вагон врывается новая порция тел.

Гляжу на стоп-кран, гляжу на них, окружающих. Скорость успокаивает, успокаиваюсь постепенно, возвращаюсь в привычное состояние индуцированной усталости. Стремительный бег поезда в тоннеле, мелькание КЛЭП за стеклом. Мне нравится слово КЛЭП — кабельные линии электропередачи. Перед пассажирами схемы, реклама, отражения, а я нередко наблюдаю за КЛЭП. И поэтому не сомневаюсь в существовании Метро-ноль. Термин мой. Элемент пижонства в нем есть, но все-таки ноль, кольцо, форма совершенная, бесконечная, непознаваемая. Значит, все верно.

Даже из мчащегося поезда замечаешь залы, освещенные перекрестки, боковые коридоры. Писали о них: метро КГБ, метро армии, гигантские подземные склады и прочее, черная мошकारа слов, где правда одно на десять, или все неправда. Потому что есть сияние на полу вагона — я уже говорил — есть прожектора, бьющие сквозь КЛЭП, есть момент тишины во внезапно остановившемся поезде, и, возможно, там есть своя жизнь, а о ней никто не писал. Только пугали крысами-мутантами да карманами газа. Нет, там другое. Я иногда чувствую это. И, иногда — на исходе приступа подземной тоски, когда она острее всего, как ночной холод перед рассветом — хочется дернуть стоп-кран, разжать, вышибить автоматические двери, спрыгнуть в темноту, отбежать (если зал или перекресток — оглянуться: поезд, золотые окна, как пароход на ночном рейде), и уходить, уходить, ведь уже прозвучал сигнал тревоги. О, какое начнется веселье, зазвонят телефоны, лампочки мигают, и отряды подземного спецназа в спецкостюмах и со спец-

оружием попрыгают в свои спецтранспортные средства — какие-нибудь бронированные супердрезины. И, думаете, отчего такая суета? Из-за человека? Спасать беднягу от метана, вырывать из крысиных челюстей? Ничуть. Просто некий микроб, не имеющий допуска, проник в запретный сектор, и способен там наломать дров (они-то наверняка решат, что я сумасшедший!). Это побег! Стоять, руки за голову, стоять, сука! Кроме того, они испугаются, что Метро-ноль не уничтожит меня, потому что оно все-таки не мир Пса. Иногда я это чувствую.

Мне, какой я есть сейчас, разумеется, там не выжить, но там, в конце тоннелей должен быть свет, должен быть какой-то выход. Наверх, в светлую и просторную страну без городов, или в какое-нибудь сказочное измерение Реализации желаний, или еще куда... Но одному пройти почти невозможно. Вот если подойти к девушке, сказать — бежим! Бежим, не думай, не бойся, это возможно только сейчас! И она посмотрела бы прямо, без страха, и тут же — стоп-кран. Бред, бред. Поставь себя на ее место.

Ну вот. Ну вот я в вагоне, прижатый коленями к сидящим коленям, вишу на поручне, цепляясь обеими руками; манера пьяного, меня за пьяного и принимают, но мне плевать на их мысли, устал. Вот выхожу, пересекаю вестибюль, обгоняя своих экс-соседей, бегу на переход, два десятка ступенек вверх и короткий коридор, и утыкаюсь в пробку спин, медленно всасывающихся в следующий ярус. Это не самолюбование, просто фиксация — а ведь кадры уникальные. Но все равно никому не интересны.

На эскалаторе, или в телокипении платформ, или в вагоне, или на входе-выходе бывают лица, почему-то мне важные. Дети, мужчины, женщины; лица, на которые вдруг хочется смотреть. Я останавливаюсь, расслабляюсь, нащупав лопатками полированный камень — надежно, поток не снесет — и наблюдаю, как исчезает в водовороте человек, который мог стать кем-то для меня, или я для него, или просто могли встретиться еще раз, но не встретимся, две щепки в море, две песчинки Великой пустыни, если угодно поэтически. Догадываюсь, что такова одна из разновидностей пыток, применяемых здесь. Надо сказать, бывает и наоборот — когда вздрагиваешь от счастья, с какими-то

лицами разминувшись через несколько шагов, как выключаешь экран триллера. Таким образом, кнут и пряник; но кнут чаще.

Не стоит драматизировать, обычно все без последствий. Каждую ночь, когда под пологом сна исчезают город, люди, необходимость, защитные механизмы мозга стирают опасную информацию. Защитная броня сердца тоже не отстаёт, наращивает толщину; ещё немного, и сам Электрический пес станет мне невидим, неосязаем, по крайней мере неинтересен. Другой, наверное, мог бы и в самом деле сбежать, а про меня — о, Пес не отпустит, он знает, кто пытается ломать ритм движения по утрам, он присматривает за мной. Вы скажете: чушь, ничего этого не существует. Воля ваша, да пусть не существует и меня тоже. Но только я езжу каждый день в метро, бегаю по эскалаторам, ввинчиваюсь в переполненные вагоны, замираю в углу, погружаясь в дешёвые истории без иллюстраций, или закрываю глаза, пытаюсь вызвать видение мокрой травы на горном склоне, или скольжу рассеянным взглядом по рабочим, военным, цыганам, инженерам, девушкам... Вот студентка читает конспект, шевеля губами. Вот юная секретарша, нога на ногу, демонстрация колготок. Вот девушка приезжая... Ага — оживитесь — понятно теперь. Возможно, вы и правы. Возможно, всё сказанное ранее — всего лишь послание одной из них, телеграмма в две тысячи триста слов. Возможно. Если я стану отпираться, вы всё равно не поверите мне. Вы ведь знаете всё про всех нас, и про меня тоже.

июль 1993 г.

(первая публикация - «Наперекор» № 3 за 1996 г.)

Игра

Осень. Ветер срывает листву с деревьев и швыряет на раскисшие дорожки. Осень. Ветер тащит над городом, над холмами, над излучинами реки тяжелые тучи и с размаху вспарывает их серые животы о клык гигантского здания Университета. Напрасно ветер грызет его потемневшие стены, бросает в стекла песок с далеких карьеров, разбивает прожектора подсветки, пытается расшатать шпиль — гигант устоит. Он незыблем. Он молод, ему сорока нет, но для меня он был всегда — как церкви без крестов, как Кремль, как Великая Стена. Главное здание всегда было перед нами.

Это целый мир, особая страна, охраняемая бдительной государственной стражей. Мало кто знает ее всю — от золотой звезды, воткнувшейся в атмосферу, до сырых и сумрачных технических этажей, расположенных близ поверхности планеты, и еще ниже, до таинственных подвалов и секретных шахт.

Он красив, он построен на костях тысяч безымянных ээка. Я люблю его, но когда думаю об этом, мне страшно. Я люблю его, но ему это все равно. Я — микроб в его железобетонном желудке. Один из многих.

— Зачем?

Вроде, простой вопрос из пяти букв, а как на него ответить?

Надя, Надя-теннисистка, стройная и стремительная студентка престижной кафедры. Она не перепутает «янь» и «инь», ее изящная рука уверенно выводит иероглифы. Надя уезжала на практику в Шанхай. Мы случайно встре-

тились на 21 этаже, и я рассказал про визит Ли Пена, про голодовку солидарности с китайцами, про то, как приходили к нам ночью их студенты, не имевшие права к нам приходить.

— Не понимаю, — сказала Надя, — чего они боялись. — Расстрелы были год назад, но теперь их уже не преследуют.

Она — специалист, но по этому вопросу у меня были другие данные.

— Ладно, — сказала она в конце концов, — но какое вам до этого дело? Зачем это?

Я ответил что-то, она хмыкнула.

— Это все несерьезно. Игра. Игрушками занимаетесь.

— Поиграла бы с нами, — сказал я.

— Спасибо, — сказала она, — я уже не маленькая.

Я знаю — у нее другая дорога. За Великую Стену.

Кубики, кубики, параллелепипеды с выступами, как будто огромной рукой расставленные по простору равнины — вид на юг с 18 этажа Главного здания. Каждый кубик — дом. Крошечные оранжевые автобусы везут человечков по Ломоносовскому проспекту. Ненастоящие краны загружают что-то в пластмассовые грузовички. Все такое игрушечное...

— Думаешь, свинтят? — спросил я, отворачиваясь от окна.

Он старательно обводил красной тушью слова «...прав человека», повернулся, поправляя сползшие на нос очки.

— Кто знает. Пикет не должны — корреспонденты будут. Впрочем, нет гарантий. «Эмнисти» ведь не ВЦСПС.

— Но и Москва — не Пекин.

— Да уж, с этим нам повезло.

Я его знаю два года, он всегда такой был — скромный, вежливый, аккуратный, этакий тихоня-отличник. Он таким же был, когда пришел однажды на физкультуру наутро после первого ареста... или задержания как это называют они. На митинге было дело. Его случайно выпустили. Теперь он — в московской организации «Международной амнистии».

— Дим, как ты дошел до жизни такой? Когда, например, почувствовал, что в этом мире все не так, как нас учили?

— Когда? Не знаю. Понимаешь, у меня такая семья. Я в 5 лет научился читать, хотя, конечно, толстые книги еще не для меня были, но имена-то на обложках разбирал: Солженицын, Авторханов... С детства все это помню — вечные споры на кухне за чаем, вечная боязнь телефона. Конечно, и я был конформистом. Мой конформизм — это красный галстук, затем комсомольский билет. Они были противны мне, но я их носил. Только после того, как второй раз схватили, я решил — хватит прятаться — и обнажил свое истинное лицо.

Он смеется. И я смеюсь. Нам действительно смешно, хотя лишь недавно нас перестали приветствовать в компаниях сверстников ритуальным вопросом: «Как, тебя еще не посадили?» Нас не посадили, поэтому смешно. Может, и в самом деле все это только игра?

— Игра? — переспрашивает Дима. — Игра кошки с мышкой. Или тигра. Только теперь мы стараемся играть по своим правилам. Тигр по-прежнему может выиграть, но тогда он должен показать клыки. И всем становится видно, что он — тигр.

«Ван Сичже — фабричный рабочий из Гуанчжоу, осужден на 14 лет тюрьмы за контрреволюционную деятельность», — гремит мегафон одного из пикетчиков.

Стоим, ноябрьский холод пробирается сквозь одежду, заползает в сапоги. У рыжей девушки Алены на ветру руки покраснели как обожженные. Отдаю ей свой плакат, про права человека в КНР. Его вешают на шею, руки можно спрятать. Беру ее «Освободить Ван Сичже...»

— Что ж ты без перчаток на такое дело?

— Я так не привыкла, — улыбается она застывшими губами. — Привыкла: 30 секунд — и в теплый автобус.

Автобус здесь, из-за занавесок выглядят хмурые лица милиционеров. Мы ждем, пока выйдет секретарь посольства, чтобы передать ему обращение с подписями. Они ждут приказа.

Стоим. За спиной — парк, пруд, где гуляющие кормят хлебом нахохлившихся уток, впереди — улица, охранные будки, советская милиция и Китай. Посольство — террито-

рия государства. Входят и выходят люди, смотрят на нас удивленно, некоторые делают несколько шагов, чтобы разглядеть плакаты, но не приближаются. Холеные дипломатические автомобили притормаживают на развороте. В одном замечаю красивую женщину в красном платье, в другом — военного в темной форме; наверное, моряк. Нас рассматривают как диковину. Ясно почему — мы ведь стоим, нас не бьют пока.

Китай. Было время, пели: «Сталин и Мао слушают нас». Было время, когда маленький мальчик Дима перелистывал яркие глянцевые страницы неведомо как попавшего в Союз журнала «Шпигель» с пейзажами «культурной революции»: трупы беженцев вылавливают из пролива, за которым — Гонконг. Было время, когда эфир громыхал: «Остановить пекинских гегемонистов». Было время, когда шутили: оптимисты учат английский, пессимисты — китайский, реалисты изучают автомат Калашникова. Настал день, когда сказали наконец: «Отношения нормализованы, можно расслабиться». Но мы уже знали, что эта огромная страна, которую мы постоянно ощущали рядом, о которой не могли забыть — да нам и не давали — не только страна рисовых полей и Великой Стены, но и страна площади Тяньаньмэнь.

В апреле 1990 года Москву посетил с официальным визитом премьер Госсовета КНР Ли Пэн.

Флаг над посольством просвечивал красным пятном сквозь робкие листья парка. Мы шли с холма от Главного здания, от памятника Ломоносову. Нас ждали.

Это сохранилось в памяти кусками рваной видеопленки. Люди с рациями, люди с дубинками; автобус, крадущийся по аллее, готовый к прыжку, — и оттуда вдруг посыпались, как солдатики, серые береты; и разбегающиеся демонстранты; руки за спину механически заученным движением; лицо пожилой женщины, кричащей: «Отпустите их, фашисты!»; и глаза детей, которые играли здесь — в войну, а вот война пришла.

Бегут через проспект, визг тормозов, настигают на раздельной полосе, девушку за волосы, кровь в лицо,

стиснуты кулаки, камень! Поднимает камень с земли; брось, дурак, они этого и ждут! В глазах застыл вопрос; но это будет по их правилам, пойми, — и рука разжимается... Это будет по их правилам, пойми, лучше скажи этим детям, смотрите, вам и ходить никуда не надо, смотрите! Запоминайте, дети, что такое «хорошо».

Там была в основном молодежь — от анархистов до металлистов. После разгрома мы погрузились в 34-й троллейбус. Мы не плакали и не были напуганы, в общем, мы злые были. Смирные граждане пассажиры вжались в кресла, уставились в окна, отгораживаясь апрельским городом от шумной компании. Мы громко объявили, в чем дело: только что, сказали, разогнана демонстрация у китайского посольства против визита Ли Пэна.

Серж, чудаковатый сюрреалист в черной шляпе, заиграл на флейте. Остальные оживленно тусовались на задней площадке. Остановка за остановкой, мимо домов-стен, мимо строя разных посольств. Вошли двое. Серж толкнул меня локтем:

— Глянь! Это те, кто нас гонял.

Двое неопределенных мужчин в куртках. Я посмотрел.

— Да что ты... Нет... Вряд ли...

Тогда один из них, поняв, в чем дело, улыбнулся сытой улыбкой удачливого охотника, выполнившего норму, и сказал:

— Мы это, мы, не сомневайтесь.

— Суки, — громко сказал Серж.

Они промолчали. Может быть, народу было слишком много вокруг. Или обиделись: за что? Мол, поиграли, теперь и поговорить можно. Но они ехали домой, их ждал дома обед. За нашими товарищами закрылась дверь камеры.

Мы ждали, пока высохнет красная тушь. Я спросил Диму:

— Когда ты про Тяньаньмэнь услышал?

— Я еще с апреля следил, сперва по западному радио, потом, когда Горбачев туда поехал, и наши стали репортажи давать.

— А про расстре... когда?

— В ночь 4 июня. В два часа ночи по радио «Свобода», лежа на койке в Одессе. Шла передача, фоном была трансляция площади. Слышно было, как стреляли.

Я думал: как рождается приказ? Вот такой приказ. Наверное, вначале — слово. Скорее всего, стандартно-безликое «решение принято». Потом подбирают исполнителей. Потом кто-то невидимый берет трубку черного телефона, и на другом конце провода раздается звонок. И завертелось: побежали по тихим коридорам посыльные, засуетились, прилаживая наушники, невыспавшиеся радисты, полетели сигналы, несущие стерильные кодированные фразы, их принимают, записывают, не желая думать о страшном смысле, который за ними стоит. «Рота, подъем! Тревога!» Гром сапог по деревянному полу казармы, «Строиться у оружейной комнаты!» Автомат, подсумок, два магазина... И это набухает в ночи, до поры незаметное глазу, пока не выползают из гаражей танки прямо на широкие городские бульвары.

Те ребята... Они жили, сдували на экзаменах, стояли в очередях, ездили в электричках, слушали записи рокера по имени Цзян Цой. Они говорили, что готовы встретить смерть, они не могли не понимать, что такой исход возможен, но ведь не верили, никто не может поверить, пока не настанет его час.

Тяньаньмэнь, Тяньаньмэнь. Тяньаньмэнь десятки раз повторено в подписях к фотографиям. Ворох журналов. Ватман, клей, ножницы.

— Можно я эту картинку вырежу?

— Режь.

— А не жалко?

— Что делать.

Группа пропаганды оккупировала аудиторию на 18 этаже. Несколько часов спустя начнется голодовка солидарности, газон покроется палатками, и люди, которые придут глазеть на нас, как на редкостных идиотов (это ж надо — сутки не жрать, и за что?)... Нет, конечно, там не только такие будут, такие просто не придут. Но надо, чтобы зрители понимали, что происходит, хотя бы попробовали понять.

И поэтому — Тяньаньмэнь, Тяньаньмэнь, Тяньаньмэнь. Любой из нас видел много фотографий трупов, но мало кто примерял их к себе. Может быть, только тот, за кем уже закрывалась железная дверь.

Желтым по черному головоломные иероглифы Цзюс Ши — голодовка. Главное — не перепутать: эту загогулину сюда, эту вот так, сверху. Где вы, китаеведы?

За стеклом — зеленые волны крон, дальше — чаша стадиона и Москва — широкая, беспорядочная, от горизонта до горизонта. Вид из Главного здания на север. Внизу у газона-прямоугольника собираются лилипуты с российским флагом.

— Интересно, — вдруг говорит Дима, — а те китайцы... Наверное, год назад они вот так же плакаты рисовали...

— Наверное, — сказала художница Аня.

Нам пора было вниз, к маленьким людям. Когда мы вышли из подъезда, я оглянулся: луч закатного солнца блеснул на золотой звезде. Как будто на миг приоткрылся огромный глаз, устремленный на микробов, копошащихся в бесконечной дали. «Что это за игру вы затеяли? Кто решил?» — но, кажется, кроме меня никто на это не обратил внимания.

Москва — не Пекин. Собственно, было ясно, что голодовку не разгонят. Собственно, провести сутки на свежем воздухе, на зеленом лужку — чем не развлечение? Игра... Только близко к краю.

Его зовут на американский манер — Тим. В начале мая, перед акцией, он шел по улице Горького и бурно рассказывал про студенческий форум, про какое-то экологически-зарубежное совещание, как он с «уоки-токи» в каждой руке командовал стадом «Икарусов». Он излучал детскую, светлую радость жизни. И мы шли по улице Горького, направляясь к старому зданию Универа, где должна была состояться какая-то организационная тусовка. Мы встретили еще студентов, они рассекали уже в белых повязках, он тоже одел повязку, а я не стал. Зашли в кафе на Кузнецком.

— А ты в Моссовете был?

— Что-то тянут с разрешением.

- Во, гады. Если запретят...
- Придется лезть под дубинки.
- Ментов на всех хватит.

Это — во весь голос, на все кафе, наслаждаясь напряженным интересом настороженно притихшей очереди. Я физически ощущал, как ему это нравилось. Нравится, поставь себе волосы ирокезом, подумал я тогда. Слишком это дешево выглядело, слишком это на публику.

Но потом, 13 мая, когда часть голодовщиков вдруг сорвалась пойти маршем на посольство, он был против, он спорил с ними до конца, но пошел первым с мегафоном. Он не знал, что будет, если их ждут, но шел первым. Их не ждали, но кто мог знать это наверняка? Игра...

— Свободу узникам совести! Свободу Ван Сичже! — гремит мегафон и вдруг захлебывается. Кругом смеются: советская техника, врежь по нему!

Стоим почти час. Пальцы онемели. По-прежнему щелкают фотоаппараты газетчиков и других фотографов.

— Простите, — кричим одному из них, — вы из какого издания?

— Да я, ребят, из службы охраны, — неожиданно признается он, кажется, смутившись.

Мимо шляется народ. Старушка боевого вида набрасывается на нас: «Нечего тут стоять! Туда езжайте и стойте!» Не отвечаем. Немецкая овчарка, выгуливаемая солидным хозяином, вдруг заходится в лае. Знает, на кого лаять, улыбается Дима. Он дает интервью корреспонденту радио, до меня доносятся обрывки фраз: «Международная Амнистия — неправительственная организация... Лондон... заключенные тоталитарных режимов... дацзыбао... подписи... да, это московская группа „Эмнисти“».

Какой-то осмелевший китаец решительно направляется к нам.

— Ду ю спик рашен?

— Конесна, конесна, — кивает он. Представляется корреспондентом «Синьхуа». Ван Сичже? Такого не знаю. 14 лет? Ну, это не просто так, про него, наверное, уже все забыли. Может, его и нет уже.

— Не забыли, — твердо говорит рыжая Алена. — Видите — мы же здесь.

Привлеченные пикетом, из глубины парка подтягиваются местные рабочие, усталые мужики в оранжевых жилетах поверх ватников. Их агитируют, и вполне успешно, судя по реакции.

Четыре часа. Посольство письмо не приняло, что, в общем, обычно. Пойдет по почте. Сворачиваем плакаты.

— Давайте оставим лозунги на кустах — предлагает кто-то.

— Не надо, — говорит рабочий. — Нам же убирать.

— А вы не убирайте!

— Думаете, завтра его освободят? Пригодятся еще!

Идем к троллейбусной остановке. Приятно ощущать, как с движением в тело возвращается тепло. Минуем автобус, оттуда смотрят на нас, и я ничего не могу прочесть по их лицам. Просто сегодня приказ не поступил. А завтра?

Но сегодня мы выиграли.

— Дим, вот меня одна девочка спросила: зачем? Прimitивный вопрос, да? Зачем мы голодали? Зачем «Эмнисти» берется за эти дела, за Китай, за Сальвадор, за Судан? И тебе лично, что до этого?

— Слушай — он вздыхает. — Что ты привязался?

— Писать мне про это надо.

— Ну и напиши сам, ведь сам этим занимаешься.

— Нет, лучше ты скажи.

— Что тебе сказать? Я не знаю эту девочку, но она, видимо, типичный советский гомункулус. Мне жаль ее. У нее что-то атрофировалось, понимаешь? Такие, когда в Тбилиси стреляли, спрашивали, какое вам дело до Тбилиси? Будут расстреливать в Питере, они скажут, какое вам дело, ведь в Москве вас не трогают... А потом и в Москве. Ну, хотя бы так.

— Но это не все?

— Не все. А еще... Нет, здесь на пальцах не объяснишь. Наверное, если этого не чувствуешь, уже не понять.

«Студентов Китая никто не заставлял выходить на пло-

щадь, никто специально не учил, как голодать, как ложиться под танки и умирать достойно. Это были обычные люди, которые очень хотели жить, но свобода и личное достоинство были для них дороже жизни. Мы тоже хотим жить. Но, как и наши братья в Пекине, считаем позорной жизнь рабскую.

...Мы не хотим дружить с китайским правительством, убивающим свой народ. Мы хотим дружить с китайским народом! Не к ненависти, злобе и насилию, а к солидарности и любви призываем мы в этот скорбный день, повторяя старый лозунг: „За вашу и нашу свободу!“».

13 мая 1990 года. Москва. Международная акция солидарности с китайскими студентами.

Недели через две после голодовки вышла газета с нашими материалами. На полу в мрачном фойе ГЗ, увертываясь от спешащих ног, я мазал эти листы казеиновым клеем и лепил на стенку. Мало кто останавливался, массы бежали мимо — сессия, да и вообще...

— Извините, у вас еще есть это? — Я увидел девушку.

— Вот это, — повторила она на преувеличенно правильном русском, указывая на только что наклеенный мною газетный разворот.

— О, разумеется, сейчас! — засуетился я, бросаясь к сумке. Она торопливо раскрыла кошелек.

— Сколько стоит?

— Что Вы, — сказал я. — Бесплатно.

И протянул ей газету. Она взяла, ничего не сказала, только улыбнулась и посмотрела на меня. И быстро-быстро зашагала прочь, а с ней были два парня, я только сейчас заметил, и они все очень быстро пошли. Я тут сообразил, что надо было им еще дать, напечатали много, а им-то, наверное, нужнее, чем всем прочим, и крикнул: «Подождите!», но они не обернулись, не остановились, и их скрыл людской поток, чужие спины.

Но со мной остался ее взгляд. И улыбка.

Зачем? Вот за этим.

«Аспирин не поможет» № 1 за 1993 г.

НА ВОРГОРАХ ВЕТРЕНО И ПУСТЫННО

День поминовения погибших студентов провалился

Из палатки нахально торчали чьи-то грязные подошвы, перед ними — пустая бутылка от портвейна. «Ноги Муравина», — комментировала композицию меловой рисунок на асфальте.

Коля Муравин — анархист. Он был вчера здесь — у стен МГУ, на Дня солидарности со студентами — жертвами тоталитарных режимов. Кроме Коли по зеленой лужайке, скучая, бродили: другие анархисты с черно-красными флажками, их родные «близнецы-братья» (по собственной — мелом на дороге — оценке) «зеленые», несколько студентов — гуманитариев из РГГУ; зарубежный (но уже год влюбленный в российскую неприкаянность тусующийся по нашим просторам) троцкист в берете а-ля Че Гевара и... дедуля-пенсионер, завернувший любопытствовать на

студенческий митинг, — всего человек 15—20.

Ввиду смехотворно малого количества присутствующих поминальный митинг пришлось тихо отменить.

«Козлы все!» — сокрушались организаторы, ребята из комитета памяти 13 мая. — Год назад на этом газоне какая тусовка «Варшавянку» пела, поминальные свечи жгла — человек 800 из всех московских вузов. А сейчас все только о брюхе и думают: чтоб стипендию прибавили или как бы выгодно спекулировать. А ведь это святое — СВОБОДА! Китайские ребята ради нее в голодовку жизни отдали... А наши... — эх, стыдоба!».

Виктория ЛУКЬЯНОВА

Фото Сергея ШАХИДЖАНИЯ.

ОМОН

Лысюк выслушивает с интересом, где в тот момент находился я, откуда перебежал, за каким столбом лежал, и смеется: — «Ну тебе и повезло. Как же мы тебя не убили?» Ребята из Витязя не убили еще многих других благодаря профессионализму и выдержке, которая ни разу им не изменила.

(«Известия», 9.10.93)

Теплыми октябрьскими вечерами они стояли у метро уже за час до объявленного времени, скромно стояли в стороне, на обочине людского потока, несущегося сквозь стеклянные двери — чем позже, тем быстрее движение, тем меньше автобусов подходит к остановке, тем чаще оглядываются на них, на группу высоких парней с автоматами, которые курят, лениво переговариваются, посматривают на часы, а труба уличного оркестра поет печальное соло мелодии «Битлз», проглатывая ноты, чтобы успеть, пока стрелки не подошли к роковой цифре и не наступил Час Охоты.

У этого племени есть свои анклавы, они находятся близ шумных улиц, но в подворотнях, чтобы не очень было видно и слышно, что там происходит. У этого племени свои обычаи, легенды, тотемы, язык. Есть своя зона охоты — вся Москва. Они всегда вооружены и опасны. Ночь напролет они будут искать любого из нас.

Они и раньше были здесь, уже очень давно, в зависимости от ситуации то более заметны, то менее. Четвертого октября они не сильно бросались в глаза в общей массе запрудившего проспекты военного металла, среди танкистов, десантников и прочих защитников чести и достоин-

ства всенародно избранного, напряженно оглядывавших крыши и верхние этажи, готовясь открыть огонь «на шевеление». Но уже днем пятого октября их оказалось необычайно много. Торжествующее разнообразие пятнистых униформ на солнечном просторе Калининского (камуфляж то зеленый с коричневым, то черный с серым), лихость заломленных беретов, уверенная осанка, твердый шаг, автомат небрежно болтается на плече. Вот толпятся у «комков», не думаю, что платят за покупки (коммерсанты и не настаивают, горды своим умением договориться с любой властью), вот сидят на ступеньках, благодушно жмурятся, не забывая, впрочем, ощупывать взглядом прохожих мужчин на предмет подозрительных выпуклостей, женщин по схожей причине; ускорять шаг перед ними нельзя — подозрительно. Из отверстий служебного транспорта по-хозяйски осматривают столицу — многие впервые попали в Москву из своего Красноярска, Свердловска или Саратова. Вчера горячий был денек, а сегодня можно расслабиться. Экскурсия. Победители. Город оккупирован.

Им наконец-то позволили поиграть в Рэмбо, в Универсального солдата, в Терминатора. В масштабе всей столицы и днем можно, что уж говорить о ночи. Они готовились, вживались в образ: английские надписи на куртках, ослабленные киношные позы, перманентная жвачка в могучих челюстях. Голос — громче, грубее, отрывистее, вот так: «РУКИ ЗА ГОЛОВУ! К СТЕНЕ, СУКА!» Взгляд тренированно-холодный, профессионально-пугающий. Оказавшись на острие такого взгляда, чувствуешь, как в голове под беретом происходит выбор вариантов поведения относительно тебя:

- ОСТАНОВИТЬ
- ПРОВЕРИТЬ ДОКУМЕНТЫ
- УДАРИТЬ
- ВЫСТРЕЛИТЬ

И ты знаешь, что очень слабо его решение зависит от президентов, парламентов, от любых законов. Закон всегда будет на его стороне. Закон — это нестрогие правила долгожданной игры, а играет он увлеченно и патроны у него всамделишные.

Они презирают всех нас. Они ведь настоящие мужчи-

ны, потому что с оружием, которое власть разрешила им применять. Хотя и власть они презируют, этих бумажных политиков, говорунов в дорогих костюмах, обожающих посветиться в телевизоре и на страницах газет. Им непонятны слова, которые иногда достигают их ушей: «конституция», «демократия», «права человека». Им чуждо желание боссов завести каких-то депутатов, каких-то журналистов. Они уверены: настоящая власть — у них. Власть — это когда человек у стены, а палец на курке, и в коротком движении пальца — жизнь и смерть, страдание и блаженство, все его права и вся его биография. Власть конкретна, как удар сапогом. Бывает тоньше: власть-страх, но основа та же. Такая власть есть у них, а к прочей они равнодушны. И потому не особо обращают внимание на схватки сверху, если только не зовут их, а в принципе готовы служить любому, ведь стиль их работы неизменен.

Работу свою они обожают, как и свои игры. Бить людей — тоже нужное дело. Они с удовольствием посещают спортзал: накачанная сила не застоится, найдет применение. Дубинка — продолжение руки. Приятно наблюдать реальный и скорый результат собственных действий: удар — и он согнулся, удар еще — упал. Не видно у них скуки или лени, они сами такую работу выбрали.

А пули одинаково мягко входят и в коммунистов, и в демократов, кости сладко хрустят и у тех, и у других. И ни те, ни другие, ни рабочий класс, ни трудовое крестьянство, ни лица национальностей, ни даже лояльнейшая интеллигенция, советник вождей, не имеют права защищаться — за этим следят (впрочем, за последней зря — она и сама не будет). А не дай бог попытка сопротивления — это приводит их в ярость. Из принципа. Что дозволено им, видите ли...

Иногда их жалко. Их профессионально жалеют пресса и ТВ, периодически предоставляя возможность публично попенять на быт, зарплату, низкую социальную защищенность, на то, что не все еще в достаточной степени их любят. После «штурма» Останкино один из них, честно глядя в камеру, сказал о единственном погибшем с их стороны: «Он был боец. Вся эта толпа не стояла его одного». Действительно, не стояла, особенно раненые, особенно безоружные, особенно женщины и дети. Они так потешно ме-

чутся по освещенной площади, и можно из своего укрытия с третьего этажа спокойно, ну, может, не спокойно, а дрожа от праведного возмущения, но руки-то все равно не дрожат, этому учили, — целиться, выбирая или не очень выбирая, чья следующая жизнь не стоит жизни бойца.

Но все-таки они не монстры, не терминаторы. Они читают некоторые книги, держат дома канареек и собак, слушают музыку, Шевчука, например, и, оказавшись весной за городом, вдыхают полной грудью — хорошо-то как! Они способны любить, у них есть родители, подруги, жены, есть дети, которые, когда папы приходят с работы, бросаются к ним, радостно крича, а папы подхватывают их на руки, прижимают к себе, щекочут усами. Они дарят своим женщинам цветы, своим детям игрушки, празднуют свадьбы и дни рождения. Но мы почти не видим их семьи. Видим — раньше редко, а теперь чаще — когда на экранах ТВ жены, всхлипывая, вытирают слезы, а повзрослевшие дети сидят смирно, с каменными, неживыми лицами, глядя на их портреты в траурных рамках, на заваленные цветами государственные гробы.

«Вуглускр» № 1 за 1994 г.

26 ОМОНовцев

(народная сказка)

Поймали как-то раз карельские партизаны 26 омовцев, отобрали оружие, шлемы, бронежилеты, щиты и дубинки, и построили у длинной стены сельского клуба. А сами напротив стоят — мужики здоровые, бородатые, затворами трофейных автоматов щелкают. «Кранты нам», — смекнули омовцы.

1-й омовец пробовал молиться, да слов не знает.

2-й косил под Бельмондо: «Спрошу закурить, — думает, — а потом и скажу им: Я еще не докурил свою последнюю сигарету!»

3-й стал кричать что все расскажет, но никто его не слушает...

4-й омовец обмочился, как 6-й и 17-й.

5-й был скрытый мусульманин и к проблеме относился философски.

Упал на колени 7-й омовец и говорит человеческим голосом: «Пощадите, карельские партизаны, у меня дома дети малые».

Омовцы с 8-го по 11-й заплакали горячими слезами.

12-й вспомнил вдруг девчонку, которую он изнасиловал.

13-й тихо радовался: «Значит, пытать не будут».

14-й решил: «Приготовятся партизаны, а я заору, как Рэмбо, брошусь вперед и погибну героически».

15-й ломал однажды ребра парню какому-то, круто работал, старался очень, а тот ему: «И ты, фашист, до весны не доживешь!» Неужели прав был?

16-й и 18-й, не сговариваясь, как завоют: «Не смотрите,

господа партизаны, что палачи мы кровавые да продажные, душою мы завсегда с вами были, и вам пригодимся еще!»

19-й представлял, как бы он этому партизану уши отрезал, а потом... ну, глаза бы выколол, и это еще не все.

20-й тоже партизан разглядывал, казни им выдумывал лютые, такие, что и в сказке не сказать.

21-й прытким оказался, прыг в сторону, да по зубам получил — притих.

Говорил 22-му омоновцу отец: «Ежели пошел в менты, так хоть в ОМОН не суйся, добром не кончишь!»

23-й старался считать ворон в небе.

У 24-го глюк: «Господи, — умоляет, — прости, не буду больше», а господь ласково так: «Ага, не будешь. Верно, товарищ Люцифер?»

25-й партизана просит: «Ты, дед, точнее целясь, а промажешь — добей, сделай милость, я ведь ваших добивал, не мучал сверх меры».

У 26-го омоновца и язык отнялся, и ноги не слушаются, и рукой не шевельнуть — словно одеревенел весь.

Приходит тут Главный Партизан, тоже с бородой, в очках только, и говорит: «Вы, господа омоновцы, вовсе нам не товарищи, однако извините, что на морозе вас держали — ключ от клуба найти не могли, да вот нашли уже. Сейчас вам лекцию прочту про Махно, про Сартра, про генерала Айдида и про задачи всякого сознательного землянина в протекающей народной революции». Вошли омоновцы в клуб, прослушали лекцию, а после отпустили их партизаны на все четыре стороны. Такой вот у сказки конец. А вы думали, какой будет?

«Вуглускр» № 1 за 1994 г.

Словарь ОМОНимов

А — Адрес?	Ш —
Б — Бегом. Бл..., быстро.	Щ —
В — В машину. Встать.	Ъ —
Вперед. Выше.	Ы —
Г — Где остальные.	Ь —
Д — Документы. Два.	Э — Это что?
Е —	Ю —
Ё —	Я —
Ж —	
З — За голову.	
И — Иди.	
Й —	
К — Кому сказал. Кругом.	
Л — Лечь. Лежать.	
М — Молчать.	
Н — Не понял? Не двигаться. Ниже. На землю.	
О — Открой.	
П — Положи.	
Р — Руки. Расстегни. Раз.	
С — Стоять. Спокойно.	
Сюда. Считаю до трех.	
Т —	
У —	
Ф —	
Х — Х...во слышишь?	
Ц —	
Ч — Читай.	

Боль

Четвертого вечером я попал в перестрелку в каком-то дворе между Смоленской и Калининским. Пятого утром в том же дворе местный житель рассказал мне, как умирал на чердаке его дома раненый снайпер. Девятого я написал этот рассказ.

Миллион лет назад горячий вихрь отшвырнул его от чердачного окна и бросил на пыльный бетон пола. Карабин, отлетевший в сторону, наверное, сгнил, проржавев насквозь, распался на молекулы, но еще существовал где-то далеко в кобуре на поясе пистолет Макарова, и о нем он мечтал тысячелетиями, с тех пор как понял, что жив.

Сначала ему везло — боль, когтистое чудовище, впившееся в него кусками свинца, отдалялась, глохла, он плавно уходил и даже позволил себе улыбнуться, не ощущая, впрочем, губ, не ощущая ничего, кроме вкуса собственной крови. Улыбался; ведь боль вот-вот станет бесплотной абстракцией, как уродливая рыба юрских морей, а он уснет, ускользнет за черту и узнает наконец, есть ли там боги, а если один бог, то чей — но вдруг что-то случилось, и он вернулся.

Он обнаружил, что у него сохранилось тело — безрадостное открытие. Тело оказалось чужим, оно было навязано ему, как орудие пытки, как приставленный к спине раскаленный утюг, и внутри вольготно разгуливал его палач Боль. Стало так обидно, что слезы хлынули из глаз — значит, сохранились и глаза. Глазами он увидел часть окружающего мира, то есть скат крыши, весь в рваных отверстиях от очереди крупного калибра. В дырах и в окне тускло светило небо.

Позже, прошло всего-то несколько веков, прошумел десяток войн, разрушивших цветные города и воздвигнувших поверх развалин невесомую бледно-зеленую империю — а на трон в императорском дворце с готовностью вскочил палач — выяснилось, что ему оставлен и голос. Не его. Голос зверя, в отчаянии и муке которого могли утонуть все материки этой планеты. Так и случилось, и черные стены цунами встали над пальмовыми рощами, а зверь завыл:

— БОЛЬНО МНЕ! БОЛЬНО! ОО-О-О!!

Пришел огненный человек, осветивший чердак слабым багровым сиянием. Огнедышащая голова склонилась над ним, обжигая кожу, превращаясь в лицо толстяка с отвислыми бульдожьими щеками. Толстяк говорил что-то злорадное, слюняво ухмыляясь, а превращения продолжались, образуя из огненной фигуры другие кошмарные видения, но все это оказалось уже совсем неважно, настолько захлестнуло его невыносимое сознание бессилия и обреченности.

— БОЛЬНО, БОЛЬНО! КАК БОЛЬНО МНЕ!

Войны, революции, моры и катастрофы носились над мирами, но тщетно просила смерти опустевшая земля. Извергались, набухая, вулканы и лишь один, огромный, шесть тысяч метров, никак не мог взорваться, а на вулкан была вся надежда, потому что в этом взрыве исчезнет все, и палач тоже.

Из метаний в хаосе народов и государств он вдруг выскочил на знакомый чердак и удивился тому, что небо осталось прежним — значит, продолжается все тот же жуткий понедельник, а может, следующий? Из тела вытекала кровь. Он почувствовал или представил, что лежит в луже крови, а кровь теплая, как море. Он, маленький мальчик, входит из холодных комнат, из раннего зимнего вечера в теплую светлую ванную (зеркало запотело), раздевается и в воду — плюх! Брызги падали на кафельный пол. Мама вытирала лужи, строго объясняя:

— Не смей так делать.

— Почему?

— Тетя снизу придет. У нее потолок промокнет, она станет тебя ругать, понял?

— БОЛЬНО, БОЛЬНО!!! — кричал и выл зверь, а голос в глубине мозга отстраненно рассуждал: интересно, просочится кровь сквозь перекрытия, дом ведь сталинский, не блочная пятиэтажка... но старый он уже, наверное, просочится. Недолго это получалось, блаженное раздвоение было вновь прервано ударом плети. Он пытался бороться со своим палачом единственным доступным способом — достать пистолет. Показалось, что сможет пошевелить пальцами, но бдительный палач тут же принялся крошить кости мятежной руки стальными клещами.

— ОО-О-О! Господи, господи... черт, дьявол, сатана, ну кто-нибудь! Юля, Юленька... комбат, Игорек, Алеша, помогите, помогите кто-нибудь, ну пожалуйста, — то орал он, то молил шепотом. Очень тихо становилось на чердаке, если ему удавалось замолчать. Только с улицы долетал сюда рев двигателей военных машин и издалека — прерывистые звуки перестрелки. Один раз он услышал хлопанье крыльев и возню на крыше, обрадовался — наконец-то ангел — но это был всего лишь жирный фиолетовый голубь, и тогда он окончательно решил, что бога нет и его снова обманули.

Раньше или позже — понятие времени постепенно теряло для него всякий смысл, как и любые другие понятия, кроме пистолета Макарова — перед глазами встало лето, зной, бревенчатая стена садового домика, стол в тени стены, на столе, кажется, обед, изображение плавало в жарком воздухе, разглядеть трудно. Мама сидела возле стола и пристально смотрела перед собой, сложив на коленях загорелые руки.

— Мама, — попросил он, — мам, помоги... тугой замок, но ты справишься... и там такой рычажок есть, сдвинь его... и отдай мне, хорошо?

Мама не отвечала. Он понял уже, что ничего не выйдет, но заговорил торопливо, стараясь ухватить ускользающее видение:

— Мама, мам, только дай мне его, не знаю, есть ли у меня руки, ну уж одна-то точно есть, дай его, дальше я сам, скорее, скорее... МАМА!

На него обрушилась месть палача. Его терзали долго — в наказание за попытку побега. Охрипнув от крика, он

бился о прутья своей тюрьмы, пока внезапно не проскочил наружу и, не задерживаясь в камере, провалился сквозь пол. Под ним, в тесной квартирке с выбитыми пулями стеклами, среди грузных шкафов и комодов, хранилища разрозненных остатков сервиза с вензелями РККА, жила старушка Мария Сергеевна. Он увидел, что его кровь розовой сыростью проступает на потрескавшемся кухонном потолке, и услышал голос зверя:

— БОЛЬНО, БОЛЬНО, БОЛЬНО МНЕ!!!

Увидел, как перепуганная Мария Сергеевна разговаривает на лестнице с соседом-бухгалтером и как тот, натянув поверх тренировочных штанов брюки, опасливо начинает спускаться. В этот момент его, уже совсем было отделившегося от орущего зверя на пыточном одре, опять нащупали жестокие пальцы палача. Он, однако, получил новую надежду: на спасительную поступь тяжелых ботинок спецназа, на свежее прикосновение прохладного ствола, на радость последнего мгновения, которое они называют контрольным выстрелом. Но столетие за столетием летели над ним, время возводило и разрушало замки, союзы и содружества, а он оставался один. Наедине с палачом.

Спецназ на бульваре, шурша опавшими листьями, дружески потыкав бухгалтеру в живот дулом автомата, охолопав его карманы, не прекращая жевать резинку, не вынимая из зубов дорогой сигареты, снисходительно выслушал суть прошения и отрезал:

— Пусть милиция разбирается.

Телефон отделения милиции не отвечал. Скорая переспросила: «Это где?» И после паузы: «Постараемся что-нибудь сделать».

Вновь текли столетия, эпохи, зоны, то погружая дом в океанскую пучину, наполняя чердак диковинными обитателями соленой воды, то вздымая эту надстройку земной коры выше Эвереста, загромаждая пространство скользкими гранями ледников под лиловым бескислородным небом с метеорами, проворно шмыгающими среди звезд (только однажды он вспомнил, что видит проем окна и, вероятно, красные трассеры). Палач карал за саму мысль о пистолете, но он разобрался, как можно сорваться с гигантских качелей, как уйти в путешествие без угрозы

возвращения, и начал учиться этому — нелегко, но время у него было. Он догадывался, кто первым встретит его за чертой — офицер, которому смерть пришлось ниже края каски, выше бронежилета. Возможно, еще один омовец. Он надеялся, что больше никто. Он надеялся, что эти люди на него уже не в обиде, потому что обиды там не имеют никакого смысла. Он учился путешествовать, и к утру у него начало получаться.

На рассвете трое милиционеров в неуклюжих бронежилетах поверх серых шинелей, в армейских касках, с автоматами на взводе, пыхтя и ругаясь, добрались до чердака и, попинав для порядка тело ногами, вызвали санитаров. Тело закинули на носилки и отнесли вниз, предварительно содрав ремень с кобурой, в которой лежал новенький пистолет Макарова. Обойма осталась целой.

«Вуглускр № 1 за 1994 г.»

Краткий словарь традиционной лексики отдельных армейских коллективов Севера

От составителя:

Специфика жизни армейских коллективов, в значительной мере изолированных от внешних влияний и зачастую занятых совершенно неестественной, с точки зрения гражданских лиц, деятельностью, позволяет их уподобить неким замкнутым квазиплеменам. Нам представляется, что такое уподобление особенно правомерно для частей, размещенных вдали от географических центров цивилизации. Эта своеобразная среда, в которой элементы родовых, кланово-феодалных и абсолютистско-этатистских отношений сосуществуют в группах людей, работающих с современной военной техникой, еще ждет своего Миклухо-Маклая. Некоторые данные об объекте грядущий исследователь сможет почерпнуть из предлагаемого краткого словаря. Сбор материала проводился в середине 1980-х годов. В словарь не вошли слова и выражения, ставшие в настоящий момент широко известными, например, последовательность ступеней неуставной иерархии: ДУХ — ЧЕРПАК — ФаЗАН — ДЕД — ГРАЖДАНИН, а также мат, отличающийся в армии от общегражданского лишь частотой и обоснованностью употребления.

Л.Шмидт

БОЛЬШОЙ ТАНКОВЫЙ СИГНАЛ (*офицерск.*) — резкое выражение отказа («Вот вам, товарищи рядовые, большой

Краткий словарь традиционной лексики отдельных армейских коллективов Севера

От составителя:

Специфика жизни армейских коллективов, в значительной мере изолированных от внешних влияний и зачастую занятых совершенно неестественной, с точки зрения гражданских лиц, деятельностью, позволяет их уподобить неким замкнутым квазиплеменам. Нам представляется, что такое уподобление особенно правомерно для частей, размещенных вдали от географических центров цивилизации. Эта своеобразная среда, в которой элементы родовых, кланово-феодалных и абсолютистско-этатистских отношений сосуществуют в группах людей, работающих с современной военной техникой, еще ждет своего Миклухо-Маклая. Некоторые данные об объекте грядущий исследователь сможет почерпнуть из предлагаемого краткого словаря. Сбор материала проводился в середине 1980-х годов. В словарь не вошли слова и выражения, ставшие в настоящий момент широко известными, например, последовательность ступеней неуставной иерархии: ДУХ — ЧЕРПАК — ФаЗАН — ДЕД — ГРАЖДАНИН, а также мат, отличающийся в армии от общегражданского лишь частотой и обоснованностью употребления.

Л.Шмидт

БОЛЬШОЙ ТАНКОВЫЙ СИГНАЛ (*офицерск.*) — резкое выражение отказа («Вот вам, товарищи рядовые, большой

танковый сигнал!»). Нередко сопровождается специфическим жестом.

БРОСИТЬ ПИДЖАК — то же самое, что **ЗАЛЕТЕТЬ** — быть застигнутым в момент совершения наказуемого деяния, своим поступком подвести командира или коллектив подразделения.

БУРОСТЬ — наличие комплекса свойств, оправдывающих высокое положение военнослужащего в неуставной иерархии; обычно присуща старослужащим.

БУРЫЙ — обладающий **БУРОСТЬЮ**.

ВЕШАЙСЯ! — распространенное междометие, способное служить в зависимости от интонации и контекста как угрозой, так и приветствием давно не встречавшихся старослужащих, либо добрым пожеланием.

СОВЕРШАТЬ ПОЛОВОЙ АКТ С ВОЛОМ — то же, что **ШАРОЕБИТЬСЯ** — бездельничать.

ЗАЛЕТЕТЬ — см. **БРОСИТЬ ПИДЖАК**.

МАНДАВОШКА — кусок войлока или бархатная тряпочка для придания блеска бляхе солдатского ремня; применяется также нарицательно: «Чего болтаешься, как мандавошка в проруби?»

МАШКА — 1. Мифическое существо, символизирующее женское сексуальное начало: «Можно Машку через ляжку, да и то на гражданке»; 2. Тяжелая колода со щетиной, предназначенная для натирки полов.

НАВОДИТЬ ПЭХЭДЭ — ремонтно-уборочные работы в течение парко-хозяйственного дня (субботы).

ОДИН-КА — высшая степень качества.

ПИЗДОПАР — пища, приготовленная нелегально; обычно предварительно украдена.

РУБАТЬ — лопать, есть, жрать, кушать, принимать пищу (официально).

РУБОН — объект рубания, не обязательно съедобен. **РУБАНОК** — военнослужащий, который рубится.

РУБИТЬСЯ — завоевывать расположение командования, корыстно выпендриваться.

СЕКА — специфическое качество, сходное с находчивостью, характеризующее приспособляемость индивида к армейским условиям.

СЕКА ДВА НУЛЯ — полное отсутствие секи.

танковый сигнал!)). Нередко сопровождается специфическим жестом.

БРОСИТЬ ПИДЖАК — то же самое, что **ЗАЛЕТЕТЬ** — быть застигнутым в момент совершения наказуемого деяния, своим поступком подвести командира или коллектив подразделения.

БУРОСТЬ — наличие комплекса свойств, оправдывающих высокое положение военнослужащего в неуставной иерархии; обычно присуща старослужащим.

БУРЫЙ — обладающий **БУРОСТЬЮ**.

ВЕШАЙСЯ! — распространенное междометие, способное служить в зависимости от интонации и контекста как угрозой, так и приветствием давно не встречавшихся старослужащих, либо добрым пожеланием.

СОВЕРШАТЬ ПОЛОВОЙ АКТ С ВОЛОМ — то же, что **ШАРОЕБИТЬСЯ** — бездельничать.

ЗАЛЕТЕТЬ — см. **БРОСИТЬ ПИДЖАК**.

МАНДАВОШКА — кусок войлока или бархатная тряпочка для придания блеска бляхе солдатского ремня; применяется также нарицательно: «Чего болтаешься, как мандавошка в проруби?»

МАШКА — 1. Мифическое существо, символизирующее женское сексуальное начало: «Можно Машку через ляжку, да и то на гражданке»; 2. Тяжелая колода со щетиной, предназначенная для натирки полов.

НАВОДИТЬ ПЭХЭДЭ — ремонтно-уборочные работы в течение парко-хозяйственного дня (субботы).

ОДИН-КА — высшая степень качества.

ПИЗДОПАР — пища, приготовленная нелегально; обычно предварительно украдена.

РУБАТЬ — лопать, есть, жрать, кушать, принимать пищу (официально).

РУБОН — объект рубания, не обязательно съедобен. **РУБАНОК** — военнослужащий, который рубится.

РУБИТЬСЯ — завоевывать расположение командования, корыстно выпендриваться.

СЕКА — специфическое качество, сходное с находчивостью, характеризующее приспособляемость индивида к армейским условиям.

СЕКА ДВА НУЛЯ — полное отсутствие секи.

СЛОН — офицер или прапорщик; произошло от названия шахматной фигуры, в дальнейшем стало ассоциироваться с одноименным животным.

ЦЕПОЧКА — цепочка как можно большей длины, предназначенная для ношения как можно большего количества ключей; один из символов БУРОСТИ.

ЧАЙНИК — военнослужащий, лишенный секи.

ЧМО — опустившийся чайник, то же, что доходяга в лагере.

ЧМОРИТЬ — действия, направленные на низведение до положения чма.

ШАЛФ — 1. Съедобные полуфабрикаты, доступные рядовому и сержантскому составу; 2. Процесс потребления шалфа в значении (1); 3. Место продажи шалфа в значении (1).

ШАМОТА — мифическое существо, воплощение нечистоплотности: «Грязный как шамота».

ШАРИТЬ — каким-либо способом уклоняться от государственно-полезной деятельности.

ШЛАНГ — военнослужащий, который шарит.

От редакции:

Сознавая, сколь бездонна и многолика лишь слегка затронутая Л. Шмидтом тема, мы призываем компетентных и пытливых читателей к дополнению и углублению.

«Вуглускр» № 2 за 1994 г.

СЛОН — офицер или прапорщик; произошло от названия шахматной фигуры, в дальнейшем стало ассоциироваться с одноименным животным.

ЦЕПОЧКА — цепочка как можно большей длины, предназначенная для ношения как можно большего количества ключей; один из символов БУРОСТИ.

ЧАЙНИК — военнослужащий, лишенный секи.

ЧМО — опустившийся чайник, то же, что доходяга в лагере.

ЧМОРИТЬ — действия, направленные на низведение до положения чма.

ШАЛФ — 1. Съедобные полуфабрикаты, доступные рядовому и сержантскому составу; 2. Процесс потребления шалфа в значении (1); 3. Место продажи шалфа в значении (1).

ШАМОТА — мифическое существо, воплощение нечистоплотности: «Грязный как шамота».

ШАРИТЬ — каким-либо способом уклоняться от государственно-полезной деятельности.

ШЛАНГ — военнослужащий, который шарит.

От редакции:

Сознавая, сколь бездонна и многолика лишь слегка затронутая Л. Шмидтом тема, мы призываем компетентных и пытливых читателей к дополнению и углублению.

«Вуглускр» № 2 за 1994 г.

Ямал

Повезло с погодой, думает сумасшедший. Дождь, ветер, а потом колючий снег — настоящее ноябрьское ненастье, да только здесь всего-то середина сентября. Ветер в лицо, и голову приходится нагибать низко, еще ниже, чтобы не выцарапало глаза, а глаза ой как нужны, им еще долго смотреть на тундру, намечая путь среди озер и болот, пока трудятся ноги, погружая сапоги в чавкающий мох. Хуже было ночью, сейчас, наконец, рассвело и сумасшедший смог рассмотреть безрадостную холмистую равнину, отделяющую его от побережья.

Ветер ослаб, кончился снег, белой крупой усыпав травы и мхи. Днем растает, дни стоят еще теплые. Сумасшедший перешел мелкий ручей, и, выбравшись на противоположный берег, позволил себе передохнуть — присел возле старого кострища. Видимо, была стоянка ненцев — оленеводы проходят здесь дважды в год, летом на север, осенью к югу.

Тундру, о которой столько поют под гитару у костров в лесах средней полосы, сумасшедший ненавидел. Конечно, она красива, особенно осенью. Многим нравится, а ему нет. Дело не в холоде. Дело в том, кто как сюда попадает, а он попал не по своей воле. Потому и сошел с ума.

Тишина. Когда идешь, нормально, сапоги хлюпают, слышно собственное дыхание — облаком пар изо рта — но стоит остановиться, аморфной слепой тушей наваливается тишина. Тишина мерзлого пустого пространства, мягко пружинящего под стопой, как будто там застыла в ожидании вязкая могила трясины. Каждый шаг — над бездной, это для сумасшедшего не метафора. Мох лесов другой, в лесу деревья — друзья, твердые, надежные, а здесь они

ниже травы: видишь, береза — несколько прутьиков с мелкими листьями. Здесь все иначе, когда проваливается под ногой податливая кочка, а вокруг на десятки километров никого. А те, что есть, хуже трясины.

Короток привал, надо спешить. В животе урчит, но сумасшедший привык к голоду в последние месяцы. Да, вот за это можно им спасибо сказать. Банки тушенки и хлеб в вещмешке могут лежать спокойно, эта тяжесть уменьшится только в полдень, если все пойдет по плану. Остальное — шинель в скатке, гражданский нож на ремне, фляга — сохранится до конца. До юга. До Урала. До лесов. «Да ты просто псих», — сказал ему друг, который его предал. Своя. Ладно, отдых окончен, пошел.

Море блеснуло после следующей гряды холмов широкой молочной полосой вдоль горизонта. Через полчаса сумасшедший остановился над пляжем, осмотрелся, прыгнул в ближайший ручей и, шлепая хорошо смазанными сапогами по руслу, вышел на осушку — асфальтовую твердь плотного сырого песка, только что оставленную морем. Время отлива. Он осторожничал, опасаясь отпечатков своих подошв, хотя через час их все равно задует ветром. Но сверху его на пляже отлично видно: серо-зеленая фигурка у грязной ломаной линии прибоя. Он надеялся, что вертолет не взлетит; если взлетит — пройдет стороной; если нет — он сможет его вовремя услышать и спрятаться. Чтобы лучше слышать, он снял шапку, сунул ее за пазуху бушлата и побежал.

Он легко вошел в ритм, он бежал размеренно, как по дорожке стадиона, как по хрустящему гравию аллеи летним солнечным утром вдоль синей реки. Он не спал ночь и ничего не ел с вечера, но усталости не чувствовал. Может быть, от холода и страха. Может оттого, что этот бег выбрал он сам. Не в колонне под тяжестью оружия, в духоте противозаза, под мат похмельного прапорщика, которого и самого гонит та же безличная сила. Он выбрал свой бег, но для этого понадобилось сойти с ума.

На осушке лежали водоросли, щепки, небольшие раковины, в мусоре ковырялись чайки, взлетали, крича, при приближении человека, скользили в тучах белыми крестами. Берег слева менялся: то желтые песчаные откосы, то серые

глиняные; в волнобойные ниши у основания намело сугробы ночного снега, то черные торфяные, с торчащими из-под оползней стволами доледниковых деревьев, то подходила к самому пляжу бурая плоскость прибрежных лугов. Справа было серое, суровое, малоподвижное море, вялые бугры волн, клочья пены, светлый горизонт под тучами. Пляж классный. Если море подогреть, будет курорт круче Крыма. Отгородить дамбой, сунуть под воду реактор, и греби валюту. Сумасшедший усмехается. Слышал, что разные греки вынашивали гениальные мысли в движении, а у меня вот, всякая чушь в голову лезет.

Впереди, там, где пляж сливается с низиной, два ярко-белых пятна. Тормози, «сбережешь секунду — потеряешь жизнь». Не все на Севере видели белых медведей, но всякий наслышан об их дурных манерах. В августе приплыл один по морю, хотя и не сезон. Часть сидела на территории, сержанты хотели завалить, но — охота запрещена. Отогна-ли очередями в воздух. Сержанты в сушилке потом долго обсуждали размер лап и площадь шкуры, если бы повесить ее на стену.

Человек остановился. Дыхание рвалось наружу, бухало сердце. От него, говорят, не убежишь, скорость такая машина на коротких дистанциях развивает больше, чем Карл Льюис... Шевельнулось... Одно и второе... Взлетели, пошли над тундрой... Полярные совы, черт бы их побрал!

Около полудня сильно потеплело, тучи стали выше, хотя дождь моросил не переставая. Сумасшедший издали заметил метеостанцию на высоком берегу — несколько балков, высокий шест с флюгером. Там смена. Кто знает, что за люди, вооружены, а может, и собаки у них есть... Никому здесь верить нельзя, если хочешь выжить. Если хочешь дойти — верь только себе. В обход.

Уклоняясь в тундру, сумасшедший долго брел по топким лугам, изъеденным, словно короеды грызли, озерками и лужами самой разнообразной формы. Вышел к реке. Какая-нибудь «яха», все они тут «яхи», как в Мексике «рио». Реку пришлось переплыть, раздевшись на ветру. Не очень приятно, но есть вещи и похуже. После такой потери тепла он просто обязан был поесть. Набрал плавника вдоль берега, расколол ножом, сложил костер. Разогретая тушенка,

хлеб, речная вода. «Перекур» — понятие условное, обозначает краткий отдых. Он никогда не курил, хотя в последнее время задумывался, а не проще ли закурить? Не лучше ли вообще просто делать то, что от тебя хотят? Но его с самого начала сочли ненормальным, и он лишь подтвердил свою репутацию. Теперь — беги, сумасшедший, нет у тебя другой дороги.

Он неплохо подготовился, правда, не смог достать даже самой ерундовой карты. Карту он видел, но давно, когда еще не все с ним было ясно. Он помнил только контур береговой линии и несколько больших рек, по-настоящему больших, через которые ему предстоит переправиться по пути на юг. А юг — это свобода. Свобода там, где можно выйти из-за стен, смеяться, двигаться, дышать, свобода там, где есть дом, где вообще есть дома, а не ящики-балки, не казенные бараки на сваях, упирающихся в вечную мерзлоту. Туда надо дойти наперекор тундре, вертолетам, болотам, чайкам, кочевникам, метеостанциям, наперекор всему этому тоскливому краю.

Поднявшись по склону речной долины, он подумал, как все же хорошо идти вдоль моря. Здесь болото, кочки, осока и разумеется никаких троп. А море — мой единственный компас. Он пошел вниз по реке. Метеостанция уже не казалась ему опасной, чувство страха притупили еда и усталость. Он не собирался подходить близко, просто ему захотелось увидеть, как живут здесь люди. Увидеть людей.

Тундру от станции отделял ручей. До жилых балков отсюда метров двести, а всякий технический хлам, ржавые трубы, корпуса вездеходов, металлические бочки — вот они, рукой подать. В приземистом сарае, от которого к балкам тянутся провода, тарахтит дизель. На пустыре перед станцией воткнуты в землю четыре флажка, когда-то красные, а теперь белые скорее. Посадочная площадка.

Тарахтение дизеля на первых порах съело шум двигателей вертолета и это, наверное, спасло сумасшедшего — он не успел пошевелиться, броситься прочь, превратившись в отчетливо различимую движущуюся мишень, не успел сообразить, почему звук приблизился, удвоился, а лишь поднял голову и увидел, как из облаков вывалилась гигантская крылатая сигара МИ-6, проскользнула, грохоча, над

ручьём, над свалкой, и зависла напротив станции. Упав за кочки, вжавшись в мокрую траву, сумасшедший смотрел, как сорвало воздушным потоком выцветшие флажки, как подхватило и понесло какие-то палки, куски рубероида, швырнуло о стенку сарая черного пса, отважно бросившего навстречу небесному чудовищу. Три человека, выскочившие из балка, стояли у двери как приклеенные и, казалось, не могли сделать и шага.

Приземлившись, вертолет сбавил обороты, но двигатели не выключил, поэтому последующая сцена, лишенная осмысленного звука, выглядела для сумасшедшего немым кино. Из люка скинули трап, по трапу слез, придерживая фуражку, офицер в полевой форме, а следом пружинисто, спортивно прыгнули трое автоматчиков. Офицер подошел к полярникам, те, выслушав, отрицательно замотали головами. Автоматчики неторопливым, как бы прогулочным шагом тоже попытались приблизиться к станции. Положительный персонаж, черный пес, бросился на одного из них, тот отскочил, вскрикнув, и офицер, отвлекшись от беседы, махнул рукой — отходи. Офицер вынул что-то из кармана и передал полярнику. Отсюда не видно, что, но догадаться несложно — фотография. Из личного дела. Анфас.

Кино, а я главный герой, пока, к счастью, за кадром. А им ведь нужен только труп, — думает сумасшедший, лежа в двухстах метрах от черных стволов трех автоматов, уходящих, не найдя его. Ускорило вращение грандиозных винтов, обрубающих кубометры тумана с дождевой пылью, вертолет подпрыгивает вверх и, продолжая набор высоты, уходит в сторону моря. В конце концов, только тело, вспоминает он, наслаждаясь теплом, легкостью, безопасностью, ощущением жизни и даже свободы, хотя на самом деле здесь никакая не свобода. Здесь необходимость. Тело, запаянное в цинковый гроб. Любой бы сошел, хоть ненец, хоть полярник. Не стоит об этом. Об этом потом, на юге, теплыми ночами, в ходе любования иллюминацией кораблей на рейде. Все, пошел.

Он побежал, пригибаясь, чтобы не заметили со станции — еще вздумают рассматривать в бинокль... Потом долго блуждал по оврагам, слезал вниз, срывая каблуками моховой покров, взбегал на противоположный борт, спускался

в следующий. Показалось — потерял направление. Испугавшись, он поднялся на водораздел и убедился, что море совсем рядом. Над морем уже сияло солнце, грузные тучи уползали на восток. Головой он тучи пожалел, но душа радовалась. Давно не видел солнца.

Сухие холмы были здесь срезаны тридцатиметровыми песчаными обрывами. Сумасшедший шел по самой бровке, вдыхая ветер, разглядывая морскую даль. День был в разгаре. Хороший день для чаек, оленей и песцов. Для него — посмотрим.

Тяжело волочить сапоги по мягкой поверхности мхов. Проще идти по пляжу, но лень спускаться... Местность ступенями спадает к новой реке, широкими петлями прорезавшей дно долины. Река? Снова плыть. Вдруг не выдержали ноги. Сумасшедший сел, а потом лег тут же, где стоял. Он перевернулся на спину, глядя в небо, затем повернул голову и увидел морошку. Сочная, пухлая малиновая ягода, бесстыдная, вызывающая, как накрашенные женские губы, а на деле водянистая, безвкусная. Кто-то говорил ему, что этим летом тепла совсем не было и потому морошка только воду набрала. Но для него это лето на севере — единственное, и морошка такой останется для него навсегда. Безвкусной. Он все-таки потянулся к ягоде ртом, ухватил, проглотил, не разжевывая. А чего там разжевывать.

Припекает. Уснуть, забыть обо всем. Вертолет свое отлетал. Ты действительно сумасшедший, подумал он, нельзя же так расслабляться. Нет, надо поспать, пока тепло, ночью — идти. Вдоль моря и ночью можно, море — мой единственный компас. Спать, только не здесь. Он с трудом поднялся, добрел до сухой ложбины, постелил шинель, достал кусок хлеба, торопливо сжевал, лег. Сквозь устье оврага, как через прицел, он видел обрамленный желтыми косами изгиб реки, дальше пологие холмы, над холмами небо, в небе — стаю птиц. Наверное, гуси летят на юг.

Проснулся — было еще светло, но солнце сильно склонилось к западу, и он оказался в тени. В тени холодно. Приподнялся на локте — на том берегу по холмам бродили пасущиеся олени. Черт! Он резко вскочил и столкнулся с оленем, как говорят, нос к носу. Морда у оленя была точно такая же, какую сумасшедший видел когда-то в музее,

только там шерсть между глаз была протерта добела, всем хотелось потрогать, когда отворачивалась старушка-служительница — а здесь все цело, к носу прилипла травинка. Глаза печальные. Олень передернул ушами, фыркнул, и сделал несколько быстрых шагов в сторону.

Где же пастухи? — думал он, скатывая шинель. Олени часто бродят сами по себе, но все-таки... Уходить, уходить за реку, но сначала под обрыв к морю. Зеленое море переливалось под усталым вечерним солнцем. Сначала — к берегу. Ноги сами несли его под уклон. Он притормозил, споткнулся, рухнул в песок за бугром у самого пляжа. Холодная струйка, шурша, потекла в сапог. Что это я распрыгался, удивился сумасшедший. Ясное дело, ненцев здесь нет. Он снял сапог, песок вытряхнул, стал перематывать теплые портянки, но внутри росла неудовлетворенность, будто он не сделал вещь очень важную. Шинель! Ну конечно, шинель забыл.

Сумасшедший, босой ногой по песку, другая обутая — вполз на бугор и выглянул из-за края. Вон она лежит, серая шинель, сам пришивал петлицы и пуговицы, пальцы исколол тупой иглой. Надо пойти и взять. Надо... На склоне появился человек. Сумасшедший осел, сжался, живот село. Кто это? Ненец-пастух, коренастый, черноволосый, в их традиционной куртке, кухлянка, кажется. Тесак на поясе, болотные сапоги, в руке длинный посох. Проклятый чукча! Сперва ткнул своей палкой, затем наклонился и потрогал шинель, его шинель. Медленно огляделся. Присел. Не заметил меня? Заметил? Предаст? Внезапно ненец выпрямился, держа шинель обеими руками, а палку зажав подмышкой. Спрыгнул в овраг, скрывшись из виду, а когда появился на другой стороне, руки его были пусты. Через секунду до ушей сумасшедшего донесся рокот вертолета, а еще через две стальное чудовище вывалило из-за холмов, проплыло над долиной и зависло здесь, прямо здесь, чуть выше пастуха. Винты месили воздух с такой силой, что и возле сумасшедшего закручивались вихри песка, пыль мешала ему смотреть; там же, где стоял ненец, наверное, вообще находиться было невозможно, но он стоял, прикрывая лицо рукой, ветер остервенело трепал его короткие черные волосы. Потом пастух отбросил палку, медленно развел руки в стороны и замер — крест на фоне неба.

Пилотов не разглядеть за темными стеклами кабины. Это сверхорганизм, понял сумасшедший. Пастух знает, как себя вести — неподвижность и повиновение. Но монстр... Что нужно ему, чтобы расплющить человека? Вовсе не усилие, керосиновое сердце не испытает перебоев, броневая плита днища рассчитана не на такое сопротивление. Глубоко вонзятся в мох шасси-лапы, и коричневая жижа, сок вечной мерзлоты, брызнет наружу. Одна возможность спастись, плавный указующий жест — туда, там, возьмите его! И — герой в кадре — нелепый рывок по пляжу, между бревнами и поплавками, к той ржавой бочке, оставляя отпечатки одной босой ноги, одной обувью. Пули, влажно хлопнув, воткнутся в сырой песок, вторая очередь ударит в спину. Он упадет лицом в лужу, оставшуюся от прилива, в горькую воду полярного моря.

Он никогда не выйдет из тундры, никогда не увидит лесов. Безумием была сама мысль об этом. Да, безумием, безумием, я излечился наконец и если я сдамся сейчас, меня не убьют! Нет, убьют все равно. Мое тело покажут нормальным — вот как бывает с теми, кто смеет сойти с ума. Так будет, потому что все здесь заодно: звери, ветер, песок, мох, люди. Все они предают, о, как я сразу не догадался!

Но... Но монстр вдруг качнулся, сдвинулся, круто взмыл вверх, его скрыл край нависшего обрыва, а потом он показался снова, уже над морем. Вертолет уходил на базу, на север и с каждым мгновением глох грохот его страшных винтов. Сумасшедший зажмурил слезящиеся, продутые ветром глаза, вслушиваясь в угасание звука. А когда глаза открылись, все было уже тихо и все на месте — и долина, и холмы, и олени, и ржавые бочки, только ненца на склоне не было.

Страхнув оцепенение, он спрыгнул с бугра, торопясь, обулся, подхватил вещмешок и шапку и побежал вверх. Шинель нашел сразу — она лежала в расщелине, с вертолета не заметили бы. Поднял ее, отряхнул, а когда выпрямился, увидел над собой пастуха.

Ненец молча разглядывал его. Потом произнес:

— Один идешь? Одному нельзя. Пропадешь один.

Отвернулся и исчез. Сумасшедший стоял на дне оврага, сжимая в руках шинель, вещмешок за плечами, на ремне

нож. Один. Постоял, бросился вверх и выскочил на обрыв. Красное солнце сползало за море. Ненец ждал.

— Верно говорю, пропадешь один. Иди за мной.

И двинулся в тундру. Ненец шел уверенно, не оглядывался, как будто точно знал, что сумасшедший идет следом.

«Вуглускр» № 2 за 1994 г.

К староверам на Бирюсу, или Путешествие район- ного масштаба

— Дело, в принципе, несложное, — сказали мне. — Всего-то час самолетом. Но на острове, куда самолет садится, сейчас копны ставят. Можно, конечно, отвезти вас в Усть-Кайтым, это ниже по течению.

— Давайте в Усть-Кайтым, — согласился я.

— Но вовсе не факт, что оттуда попадете в Луговую. Там и неделю можно просидеть. Не часто сейчас ездят по Бирюсе — бензин, понимаете...

— Могу и ногами дойти вдоль берега, — предположил я.

— Что вы! Тридцать километров, и никаких троп! А к реке выходят звери. Недавно в Кирсантьево медведица напала на двоих рыбаков. Один убежал, другой не успел.

Да, перспектива малопривлекательная.

— А как-нибудь сообщить обо мне в Луговую вы можете?

— Видите ли, рацию у них забрали на шелкопряда. Мы бы доставили вас в Чигашет, это всего в десяти километрах, но пока нет бензина...

Целью моего путешествия была Луговая, маленькая деревня на реке Бирюсе — одно из «более чем пятидесяти» (если верить статистике) старообрядческих поселений Красноярского края. Чтобы достичь Тасеева, центра соответствующего района, мне не пришлось воспользоваться ни оленьей упряжкой, ни вертолетом, ни вездеходом, ни прочими сибирскими национальными видами транспорта — из Красноярска по отличной дороге в Тасеево ходит

в меру комфортабельный «Икарус». Но все хорошо в жизни не бывает — и в кубообразном здании районной администрации (бывший райком, конечно) удача временно покинула меня, сославшись на тотальное отсутствие бензина. На несколько дней я оказался пленником райцентра.

Жара в Тасеево

Куда пойти? Что делать? — такие вопросы встают перед человеком, отославшимся за всю суету городской жизни в номере тасеевской гостиницы «Тайга». Рядом с гостиницей — центральная площадь, голова Ленина на гранитном столбе, памятник героям гражданской. По чахлому скверу слоняются коровы, шуршат листьями, вздыхают — жарко. Дальше, перед кафе «Тайга» (просто столовая) расположился вещевой рынок с небогатым ассортиментом пестрых китайских товаров. Есть несколько каменных зданий — внушительные корпуса больницы, дом быта, редакция газеты «Сельский труженик». А вокруг раскинулось огромное, старое, пыльное сибирское село. Сначала меня поразило отсутствие зелени: нет ничего похожего на улицы-аллеи сел европейской России, все голо, открыто. Позже, оказавшись непосредственно в тайге, я понял, почему так получается. Меньше деревьев — меньше убежищ для комаров, гнуса, мошки и прочей крылатой сволочи, которой славится сибирская земля. Первые поселенцы стремились вырубить и вытоптать все подчистую. Село давно разрослось, редкая мошка долетит до середины, а улицы такими и остались.

Через село, вспарывая холмистые берега песчаными обрывами, то распадаясь меж плоских островов на рукава, то с шумом прорывая нагромождения каменных глыб, течет река Усолка. На травянистых откосах пасутся гуси, поголовно меченные масляной краской, и лошади. На улице Большевистской, возвращаясь с речки, я наткнулся на интересный дом. Его ворота украшены орнаментом из деревянных звезд, лошадей, всадников, а на фасаде, над окнами, укреплен лубочно-яркая застекленная картина: красный кавалерист поднял коня на дыбы. Не для себя старался хозяин, не двор украшал — для людей. «Кто же все это создал?» — спросил я проходившую мимо женщину. «Дед здесь жил,

всю жизнь в колхозе с лошадьми проработал, вот и вырезал их. Помер он, сорок дней будет».

Что еще в Тасееве есть? Есть библиотека, место приятное и на удивление посещаемое. Есть краеведческий музей, не знаю, каков — при мне все время был закрыт. Был турклуб, ребята ходили в Саяны — больше не существует. Сейчас даже кино почему-то не привозят. Была бесплатная танцплощадка на месте церкви, сейчас двухметровый крест будущей церкви на месте танцплощадки. Однако жизнь продолжает бурлить по выходным на дискотеке в Доме культуры. Но (из «Сельского труженика»): «Коэффициент брачности (число браков на 1000 чел.) у нас сократился с 11,7 до 5,4». Тот же труженик сообщает, что по району на 1000 мужчин приходится 815 женщин. На дискотеку я не пошел — уж очень сложная демографическая ситуация... Есть стадион. Случаются соревнования.

Молодежь, конечно, курит коноплю, произрастающую в округе; взрослея, переключается на водку — наркотик более привычный, но и более разрушительный. И, кажется, все тасеевцы, от мала до велика, находятся в наркотической зависимости от телевизора. Телевизор может убедить в чем угодно — в том, например, что в Москве из-за невыносимого гнета преступности и носа на улицу не высунешь. Считается, что и в Тасеево преступность растет. Я, правда, ничего такого не заметил, то ли потому, что мирный сон граждан стережет райотдел милиции, разбухший в последние годы с тридцати до более чем ста человек, — как и по всей России, многие честные граждане стали больше бояться милиции, чем каких-то уголовников, — то ли просто не сезон.

Пребывая в райцентре, я неустанно расспрашивал каждого встречного и поперечного о недостижимых старообрядцах.

— Староверы? Не знаю ничего о них. — А, живут в нашем районе. — Да все деревни по Бирюсе и Чуне староверские. — Не пьют, не курят, матом не ругаются. — Женщины у них красивые, хотя и ходят в платочках, как старушки, а мужики все с бородами. — У молодых староверчиков три волосинки, а все равно борода, не должно ее железо касаться — когда в армии служат, тогда и бреются. — Не те уже староверы. Сами признают: «Не та вера уже». — Но все-таки хорошие они люди, добрые.

Складывалась романтическая картина патриархальной жизни в таежно-речной стране рыбаков и охотников. Бородатое мужское население летом зарабатывает деньги на лесосплаве. Женщинам работать запрещено, да им и по хозяйству дел хватает. У староверов, уверяли меня, муж имеет полное право «учить» жену («Да убоится жена мужа своего!»), что встречает полное понимание тасеевских мужчин: «Правильно, у них бабы хоть не спиваются. А здесь, знаешь, как бабы пьют!»

— Староверы откуда взялись? А вот откуда: дернул белогвардеец в тайгу, бороду вырастил — и готов старовер! — Нет, давно они здесь живут, еще с Екатерины.

А действительно, подумал я, что же происходило в этой местности при Екатерине, а также раньше и позже? И отправился к краеведу Петру Ивановичу Новицкому. Что он мне сообщил, то и пересказываю.

Краткий курс районной истории

В 1619 году несколько тунгусских родов ушли с Енисея, от казаков, требовавших ясак для «белого царя», вверх по Ангаре, Бирюсе (Виру) и Манзе. И на Манзе основали новое стойбище. Вождя тунгусов звали Тасей, и его имя осталось на карте этих мест дважды — названиями реки, в которую сливаются Бирюса и Чуна, и острога, построенного русскими на Манзе 50 лет спустя. Но непокорные тунгусы и здесь не нашли спокойной жизни. После столкновений с казаками Тасей и его братья Коян и Сойт увели свой народ в северную тайгу, где тунгусы и по сей день живут под именем эвенков, как, собственно, они сами себя всегда и называли.

На Манзе промышленник Жилин обнаружил соляные ключи и наладил соледобычу. После его смерти и земли, и соль отошли к туруханскому Троицкому монастырю. Здешняя соль попадала даже в Москву, на царский стол. Для защиты Троицкого солезавода от лихих набегов степняков и был основан выше по Манзе, теперь Усолке, укрепленный острог. Казакам, засевшим в нем, жалование платили той же солью. Вскоре служивые доказали, что свою соль получают не зря: в 1677 году орда тувинского хана, успешно спалившая Канск, споткнулась на Тасеевском остроге и так и не добралась до солезавода.

На соли вкалывали каторжники: еще в середине XIX века с них даже на время работы не снимали кандалы. А само Тасеево и окрестности стали для самодержавия одним из любимых мест ссылки политических противников. Здесь побывали представители всех этапов русского революционного движения, от декабристов до Дзержинского. Феликс Эдмундович, впрочем, провел в Тасееве всего неделю, а на восьмой день сел в сани и махнул в Лондон. Крестьяне, симпатизанты социал-демократов, так заморочили голову уряднику, что о побеге будущего первого чекиста органы царского режима узнали лишь через месяц.

Но ехали сюда и добровольно. Сначала, после отмены крепостного права, на свой страх и риск, затем при Столыпине — по государственной программе колонизации селились по Усолке крестьяне. Рядом со старожилами-«чалдонами» строились переселенцы-«лапотоны», жители Смоленской, Вятской, Тверской губерний, чуваша, татары, белорусы, украинцы. При Сталине снова потянулись этапы; «вождь народов» широкими мазками дополнил национальную палитру района немцами, поляками, латышами, литовцами... Многие прижились и уезжать не собираются, хотя дорога открыта. Всех перемешало время, все теперь считают себя сибиряками. Лишь изредка услышишь в деревнях окающий волжский говор или отследишь в разговоре украинское выражение.

Много интересных людей видело Тасеево. Жил тут крестьянский богатырь Виктор Мурашкин. Ростом два метра и 18 сантиметров, он поднимал на плечах лошадь и совершал другие подобные подвиги, а позже выступал борцом в цирке. Не владея никакой техникой, Мурашкин просто расшвыривал соперников и неизменно выходил победителем. Он умер в марте 1930 года, молва утверждает, что его отравили враги, но есть и более прозаическая причина: богатырь не имел никакого понятия о здоровом образе жизни и, как положено народному герою, любил выпить.

Но здесь даже священники были уникальные! В «незабываемом 1919-м» белогвардейский капитан Мартын, командир разгромленных карателей, объяснял свое поражение тем, что в Тасеево необычайно сильны «красные» агитаторы: «Например, знаменитый священник Орлов, кото-

рый с крестом и Евангелием произносил большевистские проповеди; обладатель большого артистического таланта, он заставлял слушателей рыдать и клясться быть всегда защитниками Совдепа... Его последователь, священник Вашкорин, идя по стопам учителя, призывал записываться в Красную армию и сам первый начертал свое имя». (Для колчаковцев все противники были большевиками, но Вашкорин, видимо, призывал вступать не в армию, а в партизанские отряды Тасеевской республики, существовавшей в тылу у белых в 1918-1920 годах.)

Выяснилось, что рядовой, казалось бы, райцентр имеет богатую историю, которой позавидовал бы не один город в какой-нибудь Оклахоме. После разговора с Новицким я другими глазами взглянул на уже ставшие привычными тасеевские улицы. Но по главному моему вопросу — староверам — Петр Иванович ничего добавить не мог. «Что ж, доживем до понедельника», — подумал я.

Какая тайга без мифов и легенд?

В понедельник фортуна вновь явилась мне в образе Петра Мефодьевича Еременко, охотоведа. Еременко, колоритный сибирский человек, погромыхав своим раскатыстым голосом на всех этажах администрации, лаконично сформулировал результаты: «Порядок». Еще плавилось над селом вязкое дневное солнце, а охотоведовский уазик уже — наконец! — помчал нас на восток по шоссе, вскоре превратившемся в грунтовку, количество ухабов на которой возрастало пропорционально удалению от райцентра. Исчезли поля, к дороге вплотную подступил лес.

Экипаж уазика состоял, за исключением меня, из людей, имеющих прямое отношение к охотнадзору (охотовед, зам. охотоведа Паша, представитель общественности Евгений) и официально именовался «оперативным патрулем охотнадзора».

Тайга пролетала за окнами, все браконьеры попрятались, и экипаж развлекал меня и друг друга легендами и мифами:

— Здесь и золото есть, но где, никто не знает. В Троицком охотник жил — как его звали-то? — приходил из тайги всегда с мешочком песка. Пропивал, конечно. Отлежится

и снова в тайгу. Однажды зимой пришел совсем больной, помирает. А он одинокий был, так и умер, никому золото не открыл. Долго потом искали; у нас места глухие есть, но все же не Саяны, люди везде ходили. Братья Лаптевы наткнулись на его избушку. Никакой тропинки к ней не было, он каждый раз с разных сторон подходил. В избушке сита, лопата, все, что для промывки нужно, а рядом ручей. Пробовали там мыть, а все без толку.

— А я думаю, он не мыл, на золотой обоз наткнулся. Белые с золотым обозом отступали по Казачинскому тракту. За Вершининым этот обоз в тайгу вошел, и больше его никто не видел. То ли партизаны напали, то ли белые сами не поделили... А золото в болоте осталось.

— Да! В этих лесах столько могил, столько людей здесь никогда не жило. Проходишь — холмики, холмики... Мы копнули из интереса — действительно, кости. После Колчака это или тунгусы вымерли от какой-то эпидемии? Не знаю.

Переезжаем неширокую, заросшую камышом ленивую речку. «Кайтым», — говорит Еременко. Уазик съезжает с дороги, взбирается на поросший березняком холм.

Среди берез на невысоком постаменте стоит выкрашенный облупившейся серебряной краской печальный мужик со знаменем.

— Здесь летом 1919-го был Кайтымский бой. А тут, где памятник, белые окружили командира партизанской разведки с семьей, ведь с семьями отступали. Он застрелил жену, хотел и сам застрелиться, но партизаны в атаку пошли. Слышал про наших партизан? То-то.

Все горит

Машина пожирает километры. Еременко рассуждает о доле охотоведа: — Видел по телевизору егерьей в Африке. Техника и оружие — с нашими не сравнить, но и браконьеры другие. Показали, как окружили их охотоведа — настоящий бой! У нас до такого не доходит. Но больше становится браконьеров, больше. Сколько стволов я поотбирал! Есть люди, которые сильно на меня обижены. Вот едем, а машина приметная, из любого куста могут долбануть... Конечно, раньше баловаться в тайгу ходили, а сейчас — потому, что

жить надо. Все воруют и продают. Я знаю ребят, зарплату им выдают техническим спиртом, к продаже запрещенным. А что делать? Продают. Хорошо хоть мне деньгами платят. Но нет у егерей ни льгот милицейских, ни денег их, а работа опаснее. Милиционеры, орлы наши, очень даже хорошо свою храбрость безоружным людям показывают. А в тайге-то все по-другому.

Вдоль дороги мелькают странные, будто обглоданные деревья.

— Смотри, червяк поел. Шелкопряд то есть.

То лето в Красноярском крае выдалось небывало жарким. От жары ли, от солнечной радиации — это непредсказуемо, как ритм нашествий саранчи, — вновь после полувекового перерыва появился в лесах сибирский шелкопряд. Черные мохнатые гусеницы длиной в палец поглощают хвою со скоростью огня — недаром шелкопряд получил поэтическое прозвище «живой пожар». Гусеницы живучи, как киношные ниндзя: без пищи могут ползти до 5 километров, 96 часов существовать в горячей воде, и даже заморозки им не помеха, а личинки вообще переносят мороз до двадцати. Естественных врагов у шелкопряда почти нет, наука считает, что поедать его способна только кукушка, а где столько кукушек найти? Выход один: бомбардировка пораженных районов препаратом «Дэцис». Когда вредитель оккупировал староверский поселок Бурный, жители закрылись в домах, задраили все щели и вызвали самолеты. Говорят, улицы были черны от мохнатых трупов. Непонятно, какую воду пили потом люди и какие овощи собирали с огородов... но все это считается несущественным в сравнении с победой над шелкопрядом; ведь не будет леса — ничего не будет.

Весной из пораженных площадей сумели обработать лишь треть, денег не хватило. Враг выжил и превратился в жирных белых бабочек; от этих тварей даже в Тасеево деться было некуда. Деревья после шелкопряда стоят голые, серые, верная добыча для короеда. Леса не будет — ничего не будет. Поэтому бороздят районный небосвод кукурузники-разведчики, готовят новый авиаудар.

— Дождей бы нам, — говорит Еременко. — А если жара продержится, разве что тополя на площади спасем.

Миновав очаг «живого пожара», мы вскоре получили возможность познакомиться с пожаром обыкновенным. Узик подпрыгивал на колдобинах, скатывался вниз, с натугой заползал на крутые увалы, тогда — видна даль — я различал над бескрайними лесами потемневшее небо. «Туча — ду- мал я. — Наверное, будет дождь?»

— Дым! — сказал Еременко. — Ой как горит! А ведь нам туда.

Через пару километров воздух стал непрозрачным, в си- зой дымке тайга по обочинам выглядела тревожно.

— Горит, — констатировал охотовед. — Там гореть-то не- чему! Гляди-ка, бульдозер прошел. Ну и что он сделает?

— А что вообще можно сделать?

— Да ничего. Человек бессилен. Ну проложат просеку, или ту же просеку взрывом сделают, или встречный пал устроят — так все это может помочь, а может нет. Самолеты эти... Они хороши в Норильске — сбросил свои полтонны воды, сел на Енисей, заправился, снова пошел. А тут лететь до Бирюсы, что ли? Да и где самолеты? Не поджигать надо, вот что!

Справа тянулся редкий сосновый бор над черной землей — уже прошло низовое пламя.

— Сколько лет в тайгу хожу, — продолжал Еременко, вра- щая баранку, бросая узик из стороны в сторону по рыхлой колее — хоть бы раз у меня что загорелось! Само не горит, нет, человек поджигает. Ну не бросай ты свой бычок... Или бутылку выбросили, солнышко на нее посветит, и поехало, по такой-то жаре. Все знают, что можно, чего нельзя, но лета не было, чтобы леса не горели!

Дым густел, но казалось, что пожар еще не перекинулся через дорогу. Справа стлались по мху, хрустели кустарни- ком, облизывали корни сосен языки огня. Еременко прижи- мал машину к левой обочине, но проскочить не удалось — горело совсем рядом.

— Не нужен такой героизм, — сказал охотовед. — Пойдем посмотрим, что там дальше. Паша, отгони машину.

— Понял, — сказал Паша.

Женька взял карабин, Еременко пристегнул кобуру с пистолетом — «Из огня всякий зверь может выскочить». Мы двинулись вперед, в белый горячий туман. Ноги вязли

в песке, дым ел глаза. Женька заметил, как занялись сухие кусты на левой стороне дороги, выругался и стал ломать лапник. Мы присоединились и минут пять ожесточенно хлестали упрямое пламя.

— По-моему, бесполезно, — сказал Еременко, откашлявшись. — Ветер поднимается, все равно перетащит.

Так и получилось. Потянуло ветром, огонь начал взбираться вверх по стволам, заметался по мгновенно вспыхивающей хвое и на глазах у нас перескочил через дорогу, а там уже и так горело. Пожар стремительно переходил в верховой. Тугое пламя свивалось в спираль и одним рывком охватывало дерево от корней до кроны. И раньше было не холодно, но только теперь я ощутил настоящий жар, какой, наверное, можно почувствовать лишь возле мартевской печи. Прямо по курсу дорога, как в ворота, ныряла меж двух высоких сосен; одна пылала, по другой огонь уже поднимался. «Пробежимся?» — предложил Еременко. Ему не пришлось повторять предложение дважды. Я видел перед собой только спину Женьки, кожей фиксируя приближение и удаление пламени. Мы вырвались из эпицентра, сбавили темп и метров через триста оказались на прогалине. Здесь выгорело почти все, что могло гореть, и дыма было поменьше.

— Сколько зверей гибнет! — сокрушался охотовед. — Молодняк, они же сидят до последнего, выжидают, а выберутся — уже поздно. А птиц сколько...

— Ну ладно, за машиной пойду, прогорит — проедем, — он скрылся в дыму, а мы с Женькой, с трудом отыскав среди пепелища клочок травы, присели и стали ждать. Над пожарищем висела тишина. Медленный дым поднимался к мутному красному солнцу. Иногда где-то неподалеку с треском и глухим уханьем лопались и падали перегоревшие стволы.

— А бульдозер куда пошел?

— Просеку к болоту пробивают, — ответил Женька. — Отчаянные ребята, но вряд ли у них получится.

Однако, возвращаясь с Бирюсы, мы встретили это желтое чудовище. Возвышаясь над окружающей средой в кабине-аквариуме, монстром правили двое небритых мужиков. Завидев бульдозер, Еременко затормозил, бросился напе-

перез сверкающему лезвию ковша, взлетел по выступам желтой туши к аквариуму, и сквозь рокот двигателя мы услышали его приветственный вопль. Говорили недолго; охотовед слез, а огнеборческий монстр продолжил путь.

— Все-таки отрубили! — провозгласил сияющий Еременко. — Отрубили огонь от реки, теперь заглохнет! Вот молодцы! А ведь прямо по огню ездят, масло чуть протекло, и считай, живьем поджарились. Они в лесу все время, сейчас им хоть продукты подвозят, а раньше забросят в тайгу, и никого не волновало, сгорели или нет. Отрубили! Вот молодцы!

Но, проехав еще с десятков километров, мы вновь заметили над тайгой расплывчатое дымное облако. Не бывает лета, чтобы леса не горели.

Речка Бирюса

Солнце сползло за гребень увала. Поворот за поворотом — и узик влетает на разбитую улицу населенного пункта. Распугивая кур, проскакиваем мимо кафе «Бирюса», магазина «Бирюса» и вдруг распахивается за домами вечерняя матовая ширь большой реки.

— Вот она, речка Бирюса! — восклицает оперативный патруль. — Уже староверские края. Вон, вон, смотри, какие бороды!

Стемнело, когда мы достигли поселка Чигашет. Ночь провели на берегу, а утром отправились на поиски лодки. Река — единственный путь сообщения между здешними старообрядческими поселениями. «В Луговую? Нет проблем!» — бодро сказал нам владелец моторки Михаил Гудовщиков.

Староверы появились на Бирюсе не в темном XVII веке и даже не до 1917 года; они бежали на притоки Енисея с Дальнего Востока от репрессий, обрушившихся на них после гражданской войны. Конечно, не дали им отсидеться в лесах, при Сталине записали во «враги народа» — но ничего, выжили. И по сей день живут обособленно, обходятся без многих достижений цивилизации — электричество не везде есть, телевидения нет вообще, но староверам и приемников хватает, чтобы о ситуации в стране иметь свое суждение. Отказались, например, получать ваучеры — ни один не получил.

Сейчас «в верхах» их почитают за районную достопримечательность; в Тасеево в администрации я даже видел настенный календарь с бородатым мужиком в лодке — старовер с Подкаменной Тунгуски... Не то было в застойные годы: ненадежны, считали, эти староверы, к тому же у каждого родственники за границей. Рассказывают историю о бородатом гражданине Австралии, который еще при Брежневе приехал туристом в Москву, ушел от «хвоста», сел в красноярский поезд и в итоге оказался у родных на Чуне. Когда наконец его «вычислили», группа захвата из вооруженных до зубов московских и канских гэбэшников явилась в поселок на спецвертолете. Диверсант сопротивления не оказал, наоборот, обрадовался: «А я-то думаю, кто же меня назад отвезет?» А теперь свободно приезжают сюда гости из Америки, Италии, Норвегии... да чуть не из Парагвая, были бы деньги, дорога стоит недешево.

Блестящая вода Бирюсы неслась навстречу вместе с ветром, плавно разворачивались зеленые горы по обоим берегам. Из протоки между островов возникла другая моторка. «Из Луговой», — сказал Гудовщиков. Лодки поравнялись, заглушили двигатели: обмен новостями. «Зачем в Чигашет-то?» «Долг отдать надо», — туманно ответили луговские бородачи. Могучее течение тащило лодки под скальной стеной, живописно поросшей соснами. К моему удивлению — вот уж не ожидал в такой глуши — скалы оказались исписаны разнообразными словами и словосочетаниями. «Грамотен русский народ», — сказал я. «Слишком грамотен», — отметили староверы.

Честное слово, казалось, что беседуешь где-нибудь на московском бульваре с интеллигентами, только что вышедшими из театра. Их речь, правильная, литературная, разительно отличалась от того, что я привык слышать в сельской (да и не только в сельской) местности; чувствуется, что люди по вечерам не глазеют в ящик, а книги читают. И никаких особых сибирских выражений я от них не услышал. Возможно, такова специфика Луговой — в Бурном, говорят, пришельца встречают приветствием вроде: «Однако чо, паря, в мире делатся? Кака-ни-кака новость есть?», а перед тем, как испить браги, приговаривают: «По единой мере не возбранно» (курящих староверов действи-

тельно не видел, но мирскую водку они просто заменяют брагой собственного производства).

За очередным изгибом русла, на высоком правом берегу, показались дома Луговой. Лодка пропахала дном отмель, проворный Женька выскочил на пляж, подтянул моторку за нос. По земляной лестнице мы поднялись на своеобразную деревенскую набережную, отгороженную забором от бровки обрыва. Первое, что я увидел в Луговой, — детей, которые играли между крепких, на века рубленных из сосны и лиственницы изб то ли в прятки, то ли в салочки, но уж явно не в черепашек-мутантов. Детей в старообрядческих семьях много, бывает и по десять человек. Уже лет с семи начинается их трудовая жизнь — сначала помогают на покосе, в огороде, а потом и выходят со взрослыми на рыбалку. Школы у староверов свои. Но в Луговой только начальная. Продолжать образование приходится в миру, сейчас староверы отпускают детей даже в городские вузы. Утверждают, что все возвращаются. Учительница в Луговой школе — Зинаида Зорина, внучка Павла Никитича Мартюшева, деревенского патриарха 1917 года рождения.

Павел Никитич, седобородый, в красной косоворотке, встретил нас, сидя на кровати под смотревшимся совершенно экзотически (рядом с русской печкой, иконами и толстой библией в потемневшем переплете) ковром с томными сеньоритами и сеньорами при гитарах и сомбреро. «Это ему из Уругвая привезли», — шепнул Гудовщиков. Я сомневался в терминах — называть ли староверов староверами или, может быть, «истинно православными»? Так и спросил. «Можно старовером звать, я и сам так себя назвать могу», — ответил Мартюшев. — Вот если бы перестали меня так называть, я бы призадумался».

Луговские староверы, как и старообрядцы по всему Енисею, — часовенного согласия. Часовенное согласие основано еще в начале XVIII века; отличие его от других согласий Павел Никитич объяснять не стал («Да у всех у нас тут вера одна»), но, стоило Женьке упомянуть тополевское согласие, грохнул крепким кулаком по столу: «Это ересь! Ересь!» Глаза под очками грозно блеснули; на миг я увидел в нем ревнителя старой веры, одного из тех, кто сжигал себя в скитах на болотах, чтобы не попасть в руки «никониан».

Но о расколе он повествовал довольно спокойно: о том, что патриарх Никон и протопоп Аввакум были родом из одной деревни и «даже дружили в детстве, а потом Никон спелся с царем Алексеем...» «Чего придумал, писать: И-и-сус! Сказано в библии: Исус, нет там никакого второго „И“!»

Всякие помпезные формальности, играющие столь важную роль в официальном православии, у старообрядцев на Бирюсе, Чуне и в Тасеево сведены к минимуму. Они — беспоповцы, нет у них ни храмов, ни священнослужителей. Молятся просто в избе, обряды там же проводят. Крестить младенца может и сам отец; имена, кстати, у луговчан вполне обычные, за исключением, наверное, Макара и Лазаря. «А может старовер зайти в церковь?» «Отчего же, может. Только молиться не будет. Кому там молиться?» Колхозов в старообрядческих поселениях никогда не было, живут общиной. «Как же так, — спрашиваю, — а кто же у вас руководит?» «Кто может, тот и руководит», — ответил дед Мартюшев, как настоящий народный анархист.

Но в жизни общины сохраняются ограничения, возникшие в те давние времена, когда старообрядцы скрылись в лесах от внезапно ставшего «антихристовым» внешнего мира. Жениться можно только на «своих», поэтому, кажется, все староверские роды по Енисею и притокам уже породнились. В последнее время парни, говорят, осмелели и берут жен «со стороны», но для девушек такой вариант по-прежнему исключен. Общение с «никонианами», которого в прежние годы всячески старались избегать, сейчас происходит повседневно, но и сегодня гостю из мира подадут особую посуду, из которой после ни один старовер есть не будет.

— А давно вы здесь живете? Давно существует деревня?

И Павел Никитич Мартюшев поведал нам историю своей жизни.

Автобиография Павла Николаевича Мартюшева, ровесника Октября

В этой деревне я первый кол забил. А почему мы здесь поселились, расскажу, если интересно. Родился я на Дальнем Востоке, под Спасском. Мал был еще, когда отца моего расстреляли, а с ним еще семерых. За что? Да кулаки или

как там... Нашли за что. Потом ушли мы в Маньчжурию, много народу тогда уходило. Жили там под городом Мугодзяном нашим, русским поселением. С японцами никаких споров не было. Японцы и оружие нам разрешали носить, даже нарезное. Пришла в 1945-м году Красная армия. Опять бы уходить, да разве уйдешь? Сначала ничего... а потом попросил нас один командир лошадей перегнать; мы пригнали, загнали во двор, куда нужно было, смотрим — а они за нами ворота закрывают и кругом уже с автоматами стоят. Дали мне десять лет по статье 58. Восемь лет просидел на Чукотке, где кобальтовый рудник, из них три года в самой шахте. Ну а в марте 53-го, как Сталин умер, меня вроде освобождают. А когда домой, спрашиваю, гражданин начальник? Никогда, говорит, здесь жить будешь. А у нас в поселке был немец, самогонщик. Все к нему ходили — и мы, и начальство. Вот он и устроил мне встречу с комендантом. Выпили вместе, а уж тогда комендант и объяснил: у тебя, говорит, жена в Маньчжурии осталась. Вот если бы она в СССР переехала — мы тебя в первый самолет и к жене, в любую точку Союза. Хорошо. Написал письмо — письма уже доходили — и хозяйка моя сделала все как нужно. Ей предложили на выбор: Алтайский край или Красноярский. Приходит подтверждение от Канского КГБ — гражданка такая-то прибыла, и в самом деле меня сажают в самолет.

А сюда прибыли в апреле 1956-го. Я и еще несколько мужиков с семьями, контракт с леспромхозом заключили. Ну, те не выдержали, скоро сбежали — летом от мошки было не продохнуть, место ведь неуютанное. А нам и уезжать некуда. Работали. Потом к нам другие люди переселились, староверы с Енисея. А я тогда еще поднадзорным числился, два раза в месяц ходил через тайгу 80 километров в Тасеево отмечаться, зимой на лыжах, летом так, дорог тогда здесь совсем не было. И вот как-то раз — четыре дня, как я вернулся, — приходит с оказией повестка: явиться снова! Я уж слышал о таком, поддержат на свободе, и в лагерь по новой. Но жена мне говорит: времена уже не те. Пошел. Добрался, прихожу к коменданту; обычно-то я у двери садился, а тут, смотрю, берет он стул и ставит прямо перед своим столом: садись, пожалуйста, Пал Никитич. И читает мне бумагу... короче, полная реабилитация. Можно, говорит, больше не

приходить. Ну вот. С тех пор жили здесь спокойно, никто нас не трогал. В тайге промышляли, в реке рыба всегда есть... Да только отказала нам тайга.

Отход на север

В новые времена Павел Мартюшев успел поездить по свету — на Аляске побывал, в Канаде. Здорово, говорит, у них, горы красивые, лес хороший, дома богатые — а не то, не то. Отдельно от мира там жить никак не выходит. «Австралийцы в перестройку в Луговую приезжали — все им понравилось, загорелись: давай, мол, всех наших из Австралии на Бирюсу перетащим! Насилу отговорил: подождите, ребята, пару годов. А потом всем стало ясно — не стоит с переездом спешить.» Жизнь на Бирюсе меняется не в лучшую сторону. Несколько лет, как прекратился сплав — значит, нет работы. Не обменяешь рыбу на бензин — дорог бензин, да и рыбы стало меньше. Есть еще в тайге медведи, рыси, волки, но вот соболя уже почти нет, пропал соболь. Есть у деда Мартюшева пасека — «С пасекой прожить можно» — но болезнь какая-то поразила пчел, а лекарства не достанешь. И, как назло, главные очаги поражения лесов сибирским шелкопрядом оказались рядом со старообрядческими поселениями. «Уже и вам здесь жить нельзя, а нам тем более», — говорят староверы мирским.

Года три как начался исход староверов с Бирюсы и Чуны. Строят баркасы, сколачивают плоты, сплаваются по Ангаре и Енисею до Ярцева, где впадает с левого берега река Сым. Там места еще нетронутые. Вверх по течению ставят дома, осваивают участки, налаживают хозяйство. Работа тяжелая, поэтому первыми уезжают на Сым мужчины, когда обустроятся — перевозят и семьи. Пустеют старые поселки, исчезает таежная страна староверов, чтобы возродиться на севере.

Свет фар бежит впереди машины; взлетают какие-то птицы, сразу растворяясь в темноте. Еременко, бессменный рулевой, с энтузиазмом поучает Женьку, перечисляя его действительные, мнимые и ожидаемые проступки, для лучшего усвоения оснащая речь мощными энергонесущи-

ми конструкциями. Бесполезно: Женька дремлет на заднем сиденье, насколько это позволяют ухабы. Дорогу перебегают зайцы, мечутся в луче света, лезут под колеса. Еременко бьет по тормозам.

— Зайчик! Смотри, Коля, зайчик побежал! Маленький какой! — умиляется охотовед. — Люблю я их. А еще бурундуки у нас есть. Ты, Коля, бурундучков видел?

«Вокруг света» № 6 за 1996 г.

Черный фронт

В детстве были долгая зима, ночь, желтый свет прожекторов, сугроб до карниза, холодное море, морошка и полярное сияние. Был отец, веселый и добрый; когда он входил, мороз прятался в складках его бушлата. Потом появились школа, дневник, пионерский галстук. Потом Таня с мамой сели в большой гражданский самолет и оказались в другой стране, где прожили почти два года. Таня запомнила широкие проспекты, аллеи пыльных пальм, базары и крепостные башни, ослов и верблюдов, разбег истребителей по раскаленному бетону, их старт в яркое небо.

Потом они вернулись на Родину, а отец остался. Однажды Таня прибежала домой с газетой в руке: «Мама, мама, там, где папа, — война!» — «Папа в тылу, — строго сказала мама. — Его хорошо охраняют». — «Но почему он там, если война?» — «Это его работа», — сказала мама.

Отец вернулся, привез много подарков и зазубренные куски металла, которые долго лежали в серванте среди хрусталя. Потом он уезжал на два-три месяца и каждый раз возвращался загорелый, всегда с подарками, однажды привез деревянную африканскую маску. Тогда они жили в Ленинграде, а вскоре переехали в Москву: маска потерялась при переезде.

Таня выросла, стала влюбляться, осталось гадкое воспоминание о партнере в танцевальной студии. Она закончила школу, поступила, куда захотела (впрочем, она вовсе не была уверена, туда ли ей хотелось на самом деле), стала изучать никому не нужные науки и чужие языки, и так прошел еще год, пока она не встретила Мануэля.

Таня никогда не задумывалась о том, что вот она белая,

но бывают еще черные и желтые. А тут вдруг она подумала: «Может, я расистка?» — ощутив недоумение, укол легкого неудовольствия, когда он протянул ей руку, почти черную, только ладонь светлая. Ее узкая белая кисть легла в теплую сухую ладонь, и черные тиски мягко сомкнулись — но тут же разжались, не показав своей силы, и белые зубы на черном лице сверкнули в улыбке.

Это случилось в Доме дружбы. Интересное словосочетание, Таню оно забавляло: в детстве ей казалось, что Дом обуви построен из ботинок, а Дом обоев, естественно, — из обоев. Дом дружбы на самом деле — дворец, мавританский замок на Калининском, высокие лепные потолки, роскошные люстры, ковры, система лестниц и зеркал, кафе в подвале. В Доме дружбы на торжественном собрании сидел Мануэль и скучал. Таня наблюдала за ним сбоку... не наблюдала, а просто так вышло, что с ее места взгляд, свободно скользящий по людям в зале, неизбежно натыкался на красивого африканца в штатском. Таня сразу поняла: военный, уж военных она насмотрелась. Она пришла сюда ради практики в языке и старалась внимательно слушать все выступления пожилых штатских и военных, а речь там шла — где явно, где скрыто за гладкими официальными формулировками, — о войне. Тане стало скучно. Она вышла покурить (недавно научилась), а на лестнице уже стоял он, и она прикурила от его зажигалки. Он попытался сказать что-то по-русски, настолько исказив фразу, что она не удержалась от смеха и ответила на португальском. Он протянул руку: «Мануэль», и ни на миг не задержал ее пальцы в своей ладони дольше, чем необходимо для вежливого знакомства, и Таня, не колеблясь, назвала свое имя.

«Я правильно выразилась по-вашему?» — спросила Таня. Мануэль улыбнулся. «По-нашему лучше и не пробовать, у нас столько народов! Балози, балунда, баконго... Но ты правильно выразилась по-португальски».

Ей нравилось говорить, нравилось облекать невесомые простые слова в необычную форму шикающих звуков и посылать в пространство, зная, что сигнал будет принят, а ответ получен и расшифрован. Получилась игра, развлечение; сначала это было главным. Потом главным стало прикосновение его черной руки.

Сперва-то довольно рядовая история: вот, еще один... заморское диво. Кафе, музеи, выставки, просто прогулки (надо же ему Москву показать), даже банальное кино. Время текло себе, и скульптуры, картины, фильмы, улицы незаметно таяли в нем, прекращали самостоятельное существование, становились лишь фоном к перехваченному взгляду, поводом к возможности прикосновения, к волнующим двуязычным оговоркам.

Роман. Даже его сюжет как в литературе: она — генеральская дочь, он — черный. Нет, не совсем черный. У него большие карие глаза, черты лица почти европейские и шоколадная кожа. Он не негр, он Мануэль. Все, что могло разделить их, Таня бессознательно отторгала, не воспринимала, но, увидев глазки швейцара, отразившиеся в ресторанном зеркале за ее спиной, уловив краем уха слова прохожего, она снова сжималась от предательского чувства вины. Белая шлюха с богатым негром... Но Мануэль не богат, он летчик, летчик с фронта в далекой стране! И он не черный, разве что если погашен весь свет в комнате, в окне лишь отблеск огней Москвы, и вот тогда действительно черна его большая, сильная, ласковая рука...

Он дарил ей цветы и иногда вещи. Домашние его никогда не видели, но знали о нем. Таня пережила неприятный разговор с отцом. Кончилось скандалом, и она несколько дней ночевала у подруги. Она бывала в общаге у Мануэля. Обычная общага: тараканы, стены с картинками. У Мануэля над кроватью висела деревянная маска. Тане показалось, что маску она узнала, и показалось также, что маска узнала ее. Она долго водила пальцем по дереву широких губ, по едва прикрытым темным лаком глазам, по поверхности скул с глубоко врезанными в них шрамами.

«Зачем это?» — спросила она. Мануэль сказал, что шрамы наносят во время обряда посвящения в мужчины. «Балози, балунда, баконго... они черные», — рассеянно сказал Таня.

Нет, Манэль не такой, как те, у кого на лице ритуальные шрамы и татуировки, кто молится духам воды и леса, носит амулеты из когтей и клыков. Конечно, нет. Правда, у Мануэля тоже есть амулет на тонкой цепочке — пуля, подарок кубинского друга, говорит он. Он учился в Португалии. Он мало рассказывает о себе, не любит это. Но он не такой,

как черные, не такой, как курсанты, которые с ним учатся, у него ведь даже кожа светлее. Таня кое-что прочла про Африку, и теперь ей снились в невообразимых сочетаниях саванны и сорго, бабуины и баобабы. И еще она прочла отцовские книги, где говорилось про самолеты в антипартизанской войне и про зенитные ракеты.

Наступило лето, они расстались на время. У Мануэля начались полеты где-то на Кавказе, а Таня уехала на дачу, потом на море. Атмосфера, пронизанная желанием и флиртом, растлительно шептал прибой, и пьяный красавец тоже шептал ей в ухо слова, которых на русском она никогда не слышала, и совал в руку нацарапанный на пачке сигарет ленинградский адрес. Откуда у тебя такие шрамы, спросила его Таня, а он сказал что-то про нашу войну... Когда вернулась в Москву, увидела сон, который постаралась запомнить и пересказать Мануэлю.

В том сне Таня летала. Летала сама, скользя в тугих воздушных струях под лазурным куполом над чашей саванны, буша, вельда. Раскинув руки, смеясь, над холмами волшебной страны, сонного и загадочного королевства Нгола. Ленивые бегемоты на отмелях тенистых рек поворачивают головы ей вслед, слоны трубят, приветствуя ее. Ей легко и празднично, и хочется бесконечно лететь вперед над желто-зелеными волнами равнины.

Длинные рыжие раны окопов перед деревней — скоплением круглых хижин под соломенной кровлей среди прямоугольников полей. Линия фронта, думает Таня, испуганно глядя вниз. Вдруг, потеряв способность к движению, она зависает над деревней мертвым крестом в жаркой тишине дня. Страх, проникший снаружи, тянет к земле липкими щупальцами. Черные люди в хаки. Хриплый смех, грубая речь, сильные руки, привыкшие к оружию, и само оружие, удобное, привыкшее к рукам. Ниже, все ниже; а они не смотрят вверх, и Таня, задыхаясь, пытается кричать, лишь бы скорей это кончилось; но вот один из черных медленно поднимает голову, их глаза встречаются.

Таня проснулась от собственного крика и пролежала несколько минут, вновь привыкая к теплой, безопасной надежности окружающих вещей.

Мануэль появился в середине сентября. Он стал сдер-

жаннее, они теперь реже виделись — ясно, у стажера не так много времени. В октябре случилось несчастье — погиб его друг Жозе. Таня поразилась, как изменился Жозе после смерти — губы натянулись, заострились скулы, кожа посветлела. Всю дорогу обратно в город Мануэль молчал. Таня испугалась.

Он церемонно попросил разрешения говорить только по-португальски. Он курил сигарету за сигаретой, словно пытаясь спрятаться от нее в облаках дыма. Пойми, сказал он, мне здесь немного осталось. Пойми, этого все равно не избежать. У нас разные судьбы. Ты останешься здесь, так будет лучше, сказал он. А Таня кричала: у тебя другая, другая, другая! Потом плакала. Пусть другая, сказал он, зря мы этот разговор затеяли.

Через неделю Таня получила письмо. Мне нужно все-таки объяснить тебе, писал Мануэль. Дело не в другой. Дело даже не в цвете кожи, хотя для тебя он важен, согласись, это так. Но ты считала, что я не похож на остальных черных, а я один из них, и война — моя работа (Таня закрывает глаза и видит Мануэля, произносящего эти слова). Мы все принадлежим фронту, это наш фронт, черный. А у тебя все иначе. Ты найдешь себе хорошего человека. Но, если встретишь кого-нибудь, вроде меня, — не подпускай его к себе, беги, спасайся. Я желаю тебе счастья.

Таню душили слезы. Ну что же он, ведь можно пожениться, а война — кончится эта проклятая война, уже сколько лет воюют, они что, с ума все там посходили? Таня прибежала к подруге, единственной, оставшейся со школы. «Не убивайся, не стоит он того, — сказала подруга. — К тому же, прости меня, черный. Мужчина что автобус, следующий подойдет. Да сама подумай». Таня попробовала подумать, и — удивительное дело — ей стало легче. Она обнаружила, что внутри слез уже не осталось. Действительно, у них с Мануэлем (у меня и у него, подумала Таня) — разные судьбы. Она будет смотреть в окно на снегопад, входить в метро, пить шампанское и как порядочная девушка выйдет замуж. А он... Вряд ли Таня могла это правильно представить, но представила. В тумане облаков в сезон дождей, в прозрачном небе сухой зимы, карающий африканский бог на стальных крыльях — наверное, таким он должен казаться

балози, балунда, баконго. Таким он и будет, посылая к земле огненные стрелы, испепеляющий жар, вихри металла. Он будет летать, пока не остановит его удар какой-нибудь ракеты, которую приволокли на позиции на плечах через пограничные болота... Но какое мне дело! Какое мне дело до этого черного, до их самолетов, до их войны!

Он исчез, как обещал. Она осталась. Она стала жить дальше. Просто положено жить... вот уже полгода, уже семь месяцев, уже год без Мануэля — и вновь зима, и горы серого снега вдоль городских трасс. Тане жить весело и интересно. У Тани новые друзья, все белые (впрочем, какое значение имеет цвет кожи? Теперь — никакого).

Есть, правда, среди них непонятные люди, например, Тим. Занимается какими-то странными делами с латиноамериканцами и палестинцами. «Слушай, Тань, а у тебя ведь португальский?» — спросил он ее однажды.

Она пошла с Тимом в госпиталь. Да, эти парни не понимали английского, и португальского тоже почти не понимали. Они были крестьяне-овамбо, молчаливые и перепуганные, простые солдаты «черного» фронта. У этих ребят в основном были оторваны ноги — противопехотные мины, пояснил Тим. Война, надо думать, для них закончилась, последним ударом отбросив в страну снега, самолетов МИГ и автоматов АК.

Они плохо ее понимали, тогда Таня стала рисовать в тетрадке по философии слонов, крокодилов и черепах, заставив одного из овамбо объяснять, как это будет на их языке. Постепенно вся палата втянулась в игру. Тут на костылях вернулся с процедур высокий бородатый «комиссар» (так называли его овамбо) Эдуардо. «Эдуардо», — сказал он Тане, протягивая руку. Она послушно вложила свою узкую белую кисть в его ладонь... Он держался уверенно, говорил понятно. Ему повезло — оторвана лишь ступня. «Если сделают хороший протез, буду как новый, — улыбнулся он, проследив за таниным взглядом. — Даже повоевать еще смогу». — «Ты хочешь воевать?» Он пожал плечами. «Принеси газеты, Таня, мы совсем отстали от жизни. Хотя бы “Аванти” принеси». Таня кивнула.

Газеты она купила и передала через Тима. Потом Тим сказал ей, что Эдуардо очень хотел ее видеть. «Зачем?» —

спросила она. Тим сказал, что толком не понял, какая-то фронтовая история, что-то про самолет, который то ли сбили, то ли сам упал, и еще некий амулет есть у Эдуардо, и он хочет его передать и говорит, что это важно. Таня пообещала подумать. Ночью у нее заболело сердце, день не запомнился, вечером снова позвонил Тим и спросил, так как насчет госпиталя. Она придумала предлог, отшутилась.

А на следующий день уже ехала в поезде на Ленинград. Таня сидела у окна, смотрела на бегущие столбы, на снежные поля и частокол леса, но изображение постоянно расплывалось, дрожало, теряя резкость, а стальные колеса вагона выстукивали по промороженным рельсам: балози, балунда, баконго.

«Ровесник» № 6 за 1995 г.

Латинская Америка

Воскресение

I

Аргентинский писатель по имени Хорхе, большой веселый человек с черными усами, сидел за столиком в кафе Дома журналистов на Суворовском бульваре и говорил по-испански.

— Ты, наверное, знаешь, что партизанская война у нас продолжается, — переводил мне Рамон, — сейчас в Сальвадоре, Гватемале, Колумбии и Перу.

— «Светлый путь»?

Хорхе быстро заговорил, жестикулируя.

— Это не путь, а тупик, — перевел Рамон. — Это движение не может и не должно победить. Партизаны вообще уже не могут победить.

Хорхе имел право так сказать. Он был большой, веселый человек, переживший диктатуру, написавший несколько книг и объехавший Америку и пол-Европы. А я не мог ему поверить. Я тогда носил на куртке защитного цвета значок с портретом Че Гевары.

II

С Аугусто мы познакомились на «неформальной» московской квартире, где собиралась тогда веселая шумная русско-латиноамериканская компания, где играли гитары, постоянно царил экзотический беспорядок, а по стенам вместо ковров были развешаны бескомпромиссные рево-

* «Светлый путь» в переводе с испанского «Сендеро Люминозо» — название левозэкстремистской коммунистической организации, ведущей партизанскую войну в Перу

люционные плакаты. Он был немного странный, поклонник поэта Сесара Вальехо; он почти без акцента говорил по-русски и дерзко спросил советскую девушку Галю, любит ли она соленые огурцы. Я притащил магнитофон, чтобы записывать латинскую супергруппу «Уайрапанканта». Аугусто с интересом наблюдал за их репетицией, он и сам играл и мог петь, только пел очень редко. Мы их записали. Но когда потенциальные звезды слегка охрипли, выпили кофе и отчалили к себе на Юго-Запад, я поставил кассету с записями нашей, советской группы «Воскресение»:

Кто виноват, что ты устал,
Что не нашел, что так искал.
Все потерял, о чем мечтал.
Поднялся в небо и упал.
И чья вина, что день за днем
Уходит жизнь чужим путем...

— Никогда не слышал такого, — сказал он, когда вновь повисла ночная тишина, — никогда. Это как Вальехо. Не знал, что в Союзе есть такие песни.

Тишина. Только шумела вдали улица Горького да капала из крана вода в немые тарелки. Ветер за окном раскачивал уличный фонарь, и в неверном свете, казалось, ожил на плакате Че.

III

Никто из нас, советских, естественно, не был там, мы представляли их Америку по-разному. Нас влекли стихи, книги. Фильмы про Чили заводили нас. И была — наверное, для многих главное — музыка. Плач ветра в тростниках горных озер. Раскаты подземного грома. Тоска и смех гитар между солнцем и камнем, между льдом и вулканами, между сельвой и степью.

Этой музыкой владели люди оттуда, они создавали ее на наших глазах. У них была радость жизни. И они приносили с собой частицу живой, незабальзамированной революции, заряд не вполне понятной нам и потому притягивающей энергии — но и запах раскаленного металла, запах тлеющей одежды, запах смерти, стреляющей в живот или в затылок.

А мы тогда не умели их понимать, мы хотели помочь революции.

IV

Весельчак Карлос, прежде чем попасть в Союз, успел проучиться несколько лет в Перу в университете Сан-Маркос.

— Пишу как-то на стене «Смерть Пиночету». Знаешь, стараюсь, большими такими буквами, красным по белому, очень красиво получается. Вдруг оглядываюсь — ба, фараны! Медленно подходят, гады, знают, деться мне некуда. Но я быстро дописал: «Смерть Пиночету, когда он будет очень-очень старый».

— И что?

— Ничего. Отпустили. Так, пару раз дубинкой.

— А дубинки у них какие?

— Обычные. Да что здесь, что там — дубинки везде одинаковые. А полицейских этих я запомнил, одного потом убили «сендеро».

Мне нравилось приходить к ним вечерами после работы, пить из граненых стаканов крепкий горячий чай, всегда с сахаром, но часто без хлеба. У моих сверстников были свои компании, в одних пили портвейн, в других — чинзано, а мне не нужно было это. Я пьянел от рассказов и песен.

— У нас дома много фашистов, — рассказывал Рикардо, красивый индеец с большими грустными глазами. — Однажды мы проводили на шахте профсоюзное собрание. И пришли они, партизаны. Грязные, увешанные оружием. Нас — президиум — вывели во двор и поставили к стене. Или пугали, или вправду собирались расстрелять, но передумали. Вернули на прежнее место и спросили разрешения выступить.

— Слово им предоставили?

— О да. Без регламента. Но они, из сьерры, вообще очень мало говорят, чаще стреляют. Народу, сказали, угрожают два пса. Один дряхлый, но опасный — империализм США, другой молодой и еще опаснее — советский империализм. После ушли, никого не убили.

Я хотел спросить, что чувствуешь, стоя под автоматом, но не стал. Наверное, все равно не понять.

V

То ли в самом конце ноября, то ли в начале декабря, когда над Москвой, сменив короткие холода, восторжествовала серая оттепель, и сугробы, промокнув, осунулись за одну ночь, случился воскресник на стройке кинотеатра «Ханой». Среди нас было много латинов и несколько советских, работали в фонде Коммунистической молодежи Перу. Работа досталась творческая — выгребать разнообразный мусор из углов зябкого лабиринта этажей и коридоров. Через пятнадцать минут мы согрелись, через полчаса стало жарко, через час я вдруг осознал, что понимаю испанский и даже говорю. Мы вместе ругали хрупкие совковые лопаты, ворочали кирпичные глыбы, таскали тяжеленные носилки, и меня охватывало странное, фантастическое чувство — человек больше не один, никто из нас больше не одинок, айсберг вечного одиночества растает в этом теплом море.

По окончании в будущем фойе состоялся митинг. В речи их молодежного вождя я разобрал только отдельные слова, гулко отраженные бетонными перекрытиями: «империализмо...», «фасисмо...», «партидо коммуниста...». Потом скандировали лозунги, один начал, все ритуально подхватывали, а мне вспомнилось, как суетился перед совсем другим мероприятием мужчина в галстуке, комсомольский лидер, повторяя: «Группа скандирования рассаживается здесь». Группа скандирования... Кто кого пародирует, подумал я, мы их или они нас?

На рахитичном автобусе добрались до метро, станция за станцией скользили в стекле. Они вышли, а я остался. Когда я выбрался наверх на другом конце столицы, уже стемнело. Исчезло теплое море. На месте были большая зима и усталый город.

Сохранилась фотография. Лица, лица, лица... Все улыбаются. Я многих не знаю на ней, а кого знаю, не увижу больше.

VI

Шли месяцы. Ничего не менялось ни в Чили, ни в Перу, ни в СССР, революция как-то не спешила. Но мы жили, мы действовали, и это главное. Мы, советские мальчики и девочки, с яслей приученные — кто больше, кто меньше —

поступать, как положено, как принято, разрешено государством в его бесчисленных — от родителей и учителей до милиции — воплощениях, поняли, что сами что-то можем. Да, сами, в инстанциях не советуясь и разрешения не спрашивая. Значит, не винтики. Мы действовали. Правда, бомбы не бросали и даже петь не могли — пели латины, — но мы организовывали им концерты. В основном — в школах.

И когда они стояли на сцене актового зала, привыкшего к кумачовому убранству и правильным холодным речам, нездешние, смуглые в ярких пончо, и барабан задавал ритм, руки касались струн, и музыка стремительной рекой катилась вниз, захватывая ряды, мы ощущали восторг жизни. Здесь были наша Санта-Клара, наш Леон.

И пионеры с октябрятами слушали, раскрыв рты, про чудные страны, про невиданных зверей («Вот, корпус инструмента “чарранго” сделан из панциря броненосца. Да, можно потрогать»), про нещадно эксплуатируемые и хищнически уничтожаемые природные богатства, что происходит при попустительстве марионеточных правительств, про несчастное население, настолько задавленное гнетом, что забастовщиков могут избить полиция или фашисты — если, конечно, те не догадаются вооружиться.

Но, при всей своей сегодняшней иронии, я помню, как дети слушали. Как взрывались фейерверки аплодисментов, как каждый такой взрыв расшатывал мистическую, вечную стену, отделявшую от живого мира Территорию Инструкций, и это было здорово. А для кого-то, может быть, действительно революция.

VII

Боливийца все звали по-детски ласково — Джимми. И в самом деле, был он очень молод, худой, хрупкий на вид парнишка. Но позже выяснилось, что Джимми — его полное имя, записанное в паспорте (вообще латиноамериканские имена есть потрясающие, я встречал эквадорцев, которых родители-коммунисты окрестили Лениным и Горьким). Он приехал учиться, а его исключили. Он считал — несправедливо. Но, не являясь студентом, он не мог оставаться в Союзе, а ехать ему было некуда. В Боливии — отец, старый шахтер, чуть не молившийся на сына, отправлявшегося

в светлое социалистическое завтра, маленькие братья и сестры, безработица, голод. «Не могу туда так вернуться, — сказал Джимми. — Лучше смерть».

Он жил в Москве нелегально, скрываясь в дебрях общаг, играл в ансамбле, пока ансамбль не распался, потом играл один и сочинял песни про горы, солнце, море и любовь. И его любила советская женщина, хозяйка нашей «конспиративной» квартиры, много пережившая на своем тридцатилетнем веку, выдавшая и исторический разгром китайского посольства, и бейрутскую бойню, и многое другое, о чем она не рассказывала. Она вырвалась обратно в Союз и здесь не нашла ничего лучшего, как влюбиться.

Джимми поселился у нее. Он всегда был немного мрачен, но особого напряжения в нем не ощущалось. Мне было удивительно, как может человек, находясь в подвешенном состоянии, не имея никаких прав, постоянно ожидая ареста и высылки, еще и петь.

Джимми надеялся на восстановление.

А пока жил и сочинял песни.

VIII

Зимней ночью мы с Аугусто говорили о том, что такое гражданская война. Предыдущим днем был какой-то праздник, отмечали по-латиноамерикански бурно, с играми, дикими песнями под грохот всех наличных инструментов, танцами, от которых женщины были в восторге, неизбежным битьем посуды. Почувствовав себя как в эпицентре бразильского карнавала, я укрылся в углу и принялся пассивно жалеть советских соседей — а для участия в веселье не хватало темперамента. Впрочем, амигос не забыли меня, каждый счел долгом подойти и чокнуться за нечто глобальное и возвышенное. Приходилось пить.

Очнулся на кухне. Музыка исчезла, свет был погашен, горела только тускляя лампа над столом, за которым сидел Аугусто. Я спросил, где народ. Он сказал, что одни уехали, другие оккупировали всевозможные лежбища и отключились.

— Там еще есть место на полу. Хочешь спать, иди.

Мне спать не хотелось.

Закипел чайник. Обжигаясь, мы выпили по стакану. Аугусто был пьян и суров.

— Не верь, — сказал он.

— Что?

— Не верь, — повторил он. — Ты слушаешь Рикардо, все вы слушаете Рикардо, слушаете этих чиновников, а ты вырос здесь, где все так... Ты привык верить всему, что говорят.

Он не дал мне возразить.

— Тебе говорят: фашисты. Но они не говорят про себя. Они же сами давно ничего не делают, только твердят: парламент, выборы, выборы, парламент... А цены растут. А военные пытаются. Дети в трущобах пухнут от голода. Девочки в десять лет — десять лет, представь — уже проститутки! Я понимаю ребят, которые ушли в сьерру. Они не могли больше видеть глаза голодных детей.

А на днях мне показывали журнал оттуда, с очень яркими, красочными фотографиями: крестьяне, расстрелянные партизанами, и другая — партизан схвачен крестьянским отрядом самообороны; совсем мальчик, на шее — веревочная петля.

— Они победят? — спросил я.

— Победят? Не знаю. В горы пришли каратели, заставляя людей показывать тропы, но окружить партизан непросто, они возвращаются ночью... Много крови. Они одни. Раньше был Мао, была Россия. Очень верили вам...

Он долго говорил про инков, конкисту, страшные и безнадежные индейские восстания, про зарю свободы, про Чили, Бразилию и Кубу, говорил яростно, с хрипом, сбиваясь на испанский и кечуа, переводя дыхание в коротких паузах, — и становилось слышно, как завывает вьюга вдоль вымерших улиц, словно в трубе гигантской печи.

— Их убивают, они должны убивать в ответ.

В сияющем ореоле смотрел на нас сверху вниз со стены фантастически красивый, внеземной Команданте. «Святой Эрнесто», — подумал я.

Под утро буря утихла. Погасли фонари, занялся серый рассвет. Мы смотрели на кружение снежных хлопьев и снова слушали «Воскресение».

— Сколько сейчас времени там?

— Сейчас там вечер, — сказал Аугусто.

IX

Наступил май. Белый лист на черной двери квартиры оказался запиской, адресованной не мне — ей. С дикими ошибками, буквы кривые, но по-русски: «За мной пришли...» Я стоял с этим листком в руках, до меня не сразу дошло, и тут приехал лифт, и на площадку вышла она.

Дальнейшее плохо помню. Мы куда-то бежали, бежали по улице, где спускался романтический майский вечер, она плакала, в отделении милиции на нее орали. Потом вернулись в квартиру, явилась девушка Галя, и они вдвоем принялись звонить по разным телефонам, и там, куда удавалось пробиться сквозь стену гудков, ответ был один: не поступал, информации не даем. Девять часов, десять, одиннадцать. В полночь пришло отчаяние.

И она кричала, что Джимми никому, никому не делал зла, твердила, захлебываясь рыданиями, что любит его, а он никому не мешал, кроме этих. А потом затихла, но, всхлипывая, цедила сквозь зубы страшные кровавые проклятия. Я не мог этого слышать и ушел. Успокаивала ее Галя.

Чили, думал я, это как Чили, человек пропал — взяли, и конец. Информации не даем. Как в черной дыре. Чили. Другие параллели, более близкие, тогда не пришли мне в голову — многого еще не знал.

Но у этой истории финал не трагичен. Разумеется, Джимми нашелся там, где должен был найтись, его не били и не пытали, просто подержали чуть-чуть в общей камере и выслали не в Боливию, а в Швецию — обнаружили там друзья, латины, готовые принять его. В аэропорт я опоздал, увидел только спину Джимми возле таможни, далеко за запретной чертой. По эту сторону барьера остались и ребята в штатском, проконвоировавшие преступника, как того требуют инструкции, до самой госграницы. Несчастная женщина что-то заискивающе лепетала, они снисходительно улыбались, на сытых лицах сияло сознание честно выполненного долга. Перед Родиной, наверное.

X

Мы шли вдоль бесконечного пыльного шоссе, проезжающие автомобили чихали в нас голубой гарью. Было жарко.
— Куда тебя пошлют в армии? — спросил Аугусто.

Я не знал, знал только номер команды, так и ответил: может, в Казахстан, а может, и в Афган.

— В Афганистан я бы поехал, — серьезно сказал Аугусто.

Я понял. Он был старше меня. Он страшно устал. Он видел уже два мира, таких разных, но ни в одном не нашлось того, что нужно было ему. Я считал, что горячие пули, горячая кровь, священная война за большое дело могут вернуть в этот мир счастье. Он, наверное, тоже. Он бы поехал туда. Только на чьей стороне сражаться, я не спросил. Это казалось естественным.

XI

Я ушел в армию.

Потом вернулся.

Когда поезд медленно подползал к вокзалу, мы, прилипнув к стеклам, старались уловить: что изменилось в Москве? И ничего нового не обнаружили, кроме боевой надписи: «Бей люберов!» Позже разобрались: изменилось время.

А Аугусто уехал, не простившись. Просто мне позвонили и сообщили, что все, его уже нет. И не нужно бессонницы, красных глаз, горького вина, бесполезных слов, тонущих в вязком прокуренном воздухе. Может быть, так лучше. Но я многого не успел ему сказать. Ведь я искал ответ.

Кровь за кровь. Удар за удар, пытка за пытку, пуля за пулю. Право у силы, и сильнее — лишь оружие в руках угнетенных. И они уничтожают вампиров и будут справедливы, потому что помнят, как сами были слабы. Все предельно ясно. Так говорил ты и другие парни, заброшенные в Союз с разных фронтов планеты. Так, наверное, думал Че, не сумевший пройти до конца мучительный путь своей революции и посмертно объявленный Героическим Партизаном. Но то же самое нам очень убедительно доказывали два года подряд каждым днем солдатской жизни, и некоторые из нас уже готовы были стрелять. Часто так говорили и после. Сначала я соглашался, затем стал спорить. И ответ возник, но придумал его вовсе не я, а рабочие Польши и студенты Праги. А я всего-навсего не успел рассказать про это Аугусто. Впрочем, он сам наверняка узнал и мог прийти к тем же выводам.

Но уехал не простившись.

Идут месяцы. Вот уже давно и в Чили — не Пиночет, и в Румынии — не Чаушеску. Газеты наперебой пишут о торжестве демократий и очередных переговорах, про новые демобилизации и сокращения, и лишь изредка в телетайпных колонках возникают другие телеграммы. Они коротки и сухи: взрыв, покушение, наступление, облава, ответный удар, количество жертв. И я вспоминаю тех ребят и думаю: в чем различие? Мы с ними так похожи, но почему они не могут понять то, что поняли мы, почему продолжают войну, обреченную на поражение?

Аугусто уехал не простившись.

А мелодия осталась
Ветерком в листве,
Среди людского шума
Еле уловима...

«Ровесник» № 12 за 1990 г.

Музыка чилийской революции

Чилийская революция 1970-1973 гг. — один из самых ярких моментов новейшей истории Латинской Америки. Горькое эхо ее поражения, прокатившееся по миру, пересекло даже границы СССР. Разумеется, брежневская пропаганда использовала чилийские события в своих целях, но для многих советских людей переворот 11 сентября 1973 года действительно стал настоящей трагедией. Позже были написаны сотни статей и десятки книг; проанализированы, правда, в основном в духе советского марксизма, политика и экономика Чили периода «Народного единства», стратегия и тактика левых и правых сил, многообразие форм организации и самоорганизации народа. Но сегодня СМИ, когда-то размашисто «клеившие» фашизм, доказывают, что революция — это исключительно грязь, кровь, «разгул бессмысленного насилия» и «гибель лучших сынов», и настоящим героем выставляют генерала, «наводящего порядок», тем более что на парады генерал надевает белые перчатки, а это так благородно! Нет смысла спорить со сторонниками такой точки зрения, революция от их болтовни не зависит, да, кстати, и генералы с ними не очень-то считаются. Но стоит еще раз вспомнить о том прекрасном и трагическом времени, когда далекая южноамериканская страна, ошибаясь, путаясь, отступая и снова бросаясь вперед, пыталась проложить дорогу к новой жизни для себя и для всех, кто мог бы пойти следом. Чилийская революция — слишком большая тема для статьи. Поэтому вспомним только об одном, о музыке.

Борьба против культурной экспансии

В начале 1960-х годов североамериканские гиганты звукозаписи наладили сброс нераспроданной в США продукции в Латинскую Америку. В Чили тоже наступил «век диск-жокея». Подавляющее большинство радиостанций в стране принадлежало корпорациям, связанным с иностранным капиталом, и англоязычная музыка заполнила эфир. Истэблишмент навязывал свои вкусы всему народу. Против культурной экспансии выступила чилийская интеллигенция; это закономерно привело ее к союзу с социалистами и коммунистами, представлявшими наиболее отчетливую альтернативу проамерикански настроенной олигархии. На выборах 1964 года левый блок выдвинул в президенты социалиста Сальвадора Альенде, но победил христианский демократ Фрей. Однако, не поддавшись унылой атмосфере поражения, чилийские музыканты решили создать некую альтернативу официальной культуре. Так в Сантьяго возник клуб-пенья «Лос Парра». Посетители пеньи, сидя в страшной тесноте в темном прокуренном помещении, готовы были слушать музыку по четыре часа подряд. Выступали артисты, не избалованные вниманием средств массовой информации. Они исполняли фольклорную музыку и свои песни. Организаторы клуба, Анхель и Исабель Парра, знакомили публику с «андерграундом» других стран Латинской Америки, используя доселе почти неизвестные в Чили индейские инструменты — чаранго, сампонио, бомбо. В пенье выступал и молодой театральный режиссер Виктор Хара. Пример «Лос Парра» неожиданно оказался заразителен. К 1967 году пеньи возникли во всех крупных городах. Музыкальное направление, заложенное в пеньях, взялись развивать студенческие группы «Инчи Илимани» и «Килапаюн» — в переводе с индейских языков соответственно «Солнце над горой Илимани» и «Три бороды». Но известность за пределами клубов они получили позже, когда молодежная организация компартии открыла свою фирму звукозаписи ДИКАП — дискотека народной песни. Виктор Хара еще студентом вступил в компартию, которая тогда только что вышла из подполья и, благодаря авторитету Пабло Неруды, пользовалась большим уваже-

нием среди интеллигенции. Надо сказать, что множество чилийских левых имели о советской «коммунистической» действительности представление примерно такое же, какое мы и по сей день имеем о реальных проблемах Южной Америки, то есть практически нулевое, а те факты, которые были им известны о Кубе и СССР (образование, здравоохранение, отсутствие безработицы, противостояние с США) — говорили, конечно, в пользу «реального социализма». Социализм для Чили в их понимании означал политическую и экономическую независимость, демократические преобразования — возможность для трудового народа решать судьбы страны — и перераспределение национального богатства в пользу большинства населения. Идеологические этикетки не имели решающего значения, по крайней мере на первом этапе революции. В начале 1967 года, когда от Гватемалы до Боливии разгоралась партизанская война, Виктор Хара написал песню «Неуловимый» (*El aparecido*), посвященную лидеру континентальной герильи Че Геваре. Песня не понравилась руководству компартии; в Чили коммунисты и социалисты считали возможным осуществить революционные перемены в рамках парламентской демократии и предпочитали говорить о «невооруженном пути». Молодежное движение конца 1960-х годов не миновало Чили. Борьба студентов за университетскую реформу сопровождалась оккупационными стачками. В мае 1968 года состоялся обмен телеграммами солидарности со студентами Парижа. Но, в отличие от Франции, в Чили лидерами движения были коммунисты. Колонны демонстрантов распевали песни «Килы», «Инчи», Виктора Хары; сами авторы были тут же, среди студентов. Демонстрации атаковали «группо мобиль» — чилийский ОМОН; центр Сантьяго становился ареной боев. К октябрю студенты победили; а левые музыканты, завязав контакты с профсоюзами, получили теперь доступ к широкой аудитории в обход враждебных СМИ. Виктор Хара и «Килапаюн» выступили на цементном заводе «Мелон». Концерт имел огромный успех, который многих удивил, ибо тогда еще казалось, что некоммерческая музыка, сугубо чилийская, без электрогитар, не может быть популярной. Но эта музыка уже стала частью социального и политического движения. В 1968 году,

в разгар вьетнамской войны, Виктор Хара побывал в США. Он выступал в студенческих кампусах перед хиппи. Хотя в Чили ничего подобного не наблюдалось, Виктора они не шокировали. Выяснилось, что публика они очень отзывчивая. Но Хара был убежден, что они никогда не совершат революции, даже «цветочной», потому что наркомания лишала движение взрывной силы. «В стране, где в твоих руках весь мир благодаря средствам массовой информации, жить гораздо труднее... У нас не чувствуешь себя столь подавленным бесполезностью своего существования. Здесь нет времени сделать выбор или хотя бы подумать о нем; кажется, что никто не осмеливается быть самим собой... Хотя Чили находится еще в руках США и к тому же имеет другие недостатки, по крайней мере у нас хлеб — это хлеб, а земля — это земля. Будем надеяться, что они никогда не „цивилизуют“ нас», — писал Виктор своей жене Джоан.

Перед выборами

9 марта 1969 года полиция открыла огонь по крестьянам, которые заняли пустырь на окраине города Пуэрто-Монт. Восемь человек, в том числе девятимесячный младенец, были убиты. Всеобщее возмущение этим преступлением вылилось в сражение с полицией на улицах Сантьяго. 13 марта, на демонстрации протеста, Виктор Хара впервые исполнил песню «Пуэрто-Монт», которая окончательно поставила его в ряды смертельных врагов правящей олигархии. Правые пытались срывать его концерты, но безуспешно. На официальном песенном фестивале песни Виктора «Призыв к землепашцу» (*La plegaria a un labrador*) получила первый приз. Тем временем назревали большие перемены — разворачивалась кампания по выборам президента. Левая коалиция «Народное единство» (*Unidad popular — UP*) после мучительных колебаний вновь выдвинула своим кандидатом Альенде. Предвыборные страсти проникли в каждый уголок Чили. Люди теряли работу, ссорились с друзьями, были вынуждены определить свое отношение к целому ряду проблем. Левые имели широкую поддержку среди рабочих, крестьян, молодежи, но не имели финансовых ресурсов; это ставило их кампанию в зависимость от мобилизации народа. Были созданы тысячи местных коми-

тетов *UP*. В их работу включилась и творческая интеллигенция — от художников, расписывающих теперь стены лозунгами, до университетского балета, получившего название «Народный». «Танцевать приходилось в летний зной на пыльных пустырях, или в тесноте деревянной хижины, или в церкви, или на открытой трибуне во время демонстрации... — вспоминала Джоан Хара. — В зависимости от поверхности площадки надо было танцевать в обуви или босиком. Сначала мы потерпели несколько неудач, когда при виде женщин и мужчин в трико зрителей охватывали такие приступы хохота, что на танец они уже не обращали внимания. В дальнейшем мы придерживались обычных брюк или спортивных костюмов. Я наблюдала за зрителями; усталые, изможденные лица женщин вдруг светлели, дети, оборванные и явно страдающие от недоедания, хлопали в ладоши и прыгали от радости, даже грубоватые подростки толпились вокруг нас после представления, спрашивая, как им научиться танцевать. Мы обещали прислать преподавателей; уверяли, что в случае победы *UP* для этого будет больше возможностей... Но часто потом жители тех районов сообщали нам, что они уже организовали собственную танцевальную группу, и спрашивали, не можем ли мы приехать посмотреть и высказать свое мнение». Для избирательной кампании требовалась песня-марш — так родилась песня «Мы победим» (*Venceremos*). Музыку сочинил Серхио Ортега, а слова первого, предвыборного варианта — Виктор Хара. Надо было спешить; песню записывали ночью, в подвальной студии, с участием музыкантов из разных ансамблей. ДИКАП оперативно выпустила и распространила пластинку, и к моменту выборов тысячи демонстрантов уже знали слова или хотя бы припев. Позже песня стала гимном *UP*. Демонстрации сыграли важную роль в избирательной кампании. Все были одержимы идеей массовости, людей непрерывно пересчитывали: на работе, по месту жительства, на больших и малых митингах. «Но гораздо важнее, чем простой подсчет голов, — пишет Джоан Хара, — было чувство, которое мы испытывали, видя друг друга, ощущая физически присутствие стольких товарищей. На каждый призыв выйти на демонстрацию, даже после трудного рабочего дня, являлись все, считая это своим долгом.

А правые никогда не появлялись большими группами на улицах. Их власть сосредоточилась в иных сферах, которые мы по наивности недооценивали». На выборах 4 сентября 1970 года Альенде получил относительное большинство голосов. После нескольких недель острой политической борьбы нового президента утвердил конгресс. В день вступления Альенде в должность в Сантьяго был организован праздник, какого Чили прежде не видели. На двенадцати эстрадах, воздвигнутых под открытым небом, сменяли друг друга артисты и ансамбли. Улицы были закрыты для транспорта, центр заполнили толпы людей. «Отныне вся наша жизнь окрашивалась в соответствии с политическими событиями. Когда дела „Народного единства“ шли хорошо, мы были счастливы; когда же они шли плохо, это касалось нас лично — столь сильным было ощущение причастности к политической борьбе...» — пишет Джоан.

Три года революции

Тысячи студентов на летние каникулы уезжали в село, чтобы помочь при уборке урожая или в кампании по ликвидации безграмотности; артисты участвовали в «поездах культуры», устраивали на станциях спектакли, организовывали концерты и выставки. Правительство распустило «группо мобиль»; началось распределение бесплатного молока детям бедняков, чтобы покончить с недоеданием. Многие люди впервые увидели море — теперь строили хоть примитивные, но все же дома отдыха для рабочих на побережье. Условия жизни беднейших слоев населения заметно улучшились. Исчезли почти все нищие, наводнявшие центр Сантьяго. Сократилась безработица. Национализированное издательство «Киманга» выпустило десятки общедоступных изданий классиков мировой литературы; книги тут же расхватывались. Можно было увидеть в автобусах простых рабочих, читавших Джека Лондона, Томаса Манна, Достоевского. Молодые поэты и писатели впервые смогли опубликовать свои произведения; появилась популярная историческая серия «Мы, чилийцы», — в ней рассказывалась история поселков, рудников, рыбацких деревень, борьбы рабочих и даже движения новой песни. Новые песни Виктора Хары были полны оптимизма, и не потому, что

такова была «линия партии»; люди действительно так чувствовали. Виктор писал: «Мне хочется быть десятью людьми сразу, чтобы успеть сделать в десять раз больше. Нам предоставлена чудесная возможность создать социалистическое общество мирным путем... Мир следит за нами, чтобы понять, возможно ли это». Песенное движение никогда не было оформлено организационно. Его участников объединяло одно — желание развивать новую культуру, которая отображала бы революцию, но мнения относительно первоочередных задач существовали разные. Например, «Килапаюн» утверждал, что цель движения — единение с творчеством академических композиторов. Совместно с музыкантами традиционного плана и актерами «Килапаюн» исполнил кантату Луиса Адвиса «Санта-Мария-де-Инине»; кантата рассказывала о массовом расстреле горняков во время забастовки 1907 года. Сложная форма кантаты вызывала вопрос: действительно ли это «народная» музыка? Но она имела успех в массовой аудитории. У «Инчи-Илимани» была другая концепция. Они тоже работали над серьезными замыслами, как, например, «Песня о программе» — длиннейшее сочинение, основанное на сорока пунктах программы *UP*, но предпочтение отдавали латиноамериканской народной музыке. Виктор Хара был против того, что ему казалось «патерналистским подходом». Он считал, что художник должен не столько стремиться к созданию выдающегося произведения, сколько ощущать себя мастером-ремесленником, чья работа так же необходима, как гвоздь для постройки дома «Мы должны подняться до народа, а не снисходить до него. Наше дело — вернуть людям то, что им принадлежит, их культурные корни, а также средства для утоления жажды культурного самовыражения». «Килапаюн» решил в буквальном смысле размножиться, создав как можно больше групп с тем же внешним оформлением и репертуаром, что и основной ансамбль. Каждый его участник отвечал за формирование новой группы, что позволило им умножиться шестикратно: «Кила I». «Кила II». «Кила III» и так далее; одна группа была женской, другая состояла из подростков. «Кила» говорили, что таким образом они вовлекают большое число людей в состав популярной группы. Виктор, «Инчи» и «Кила» были

наиболее заметными фигурами движения новой песни, но повсюду появились сотни других групп. В Чили произошел взрыв активности людей, которые никогда прежде не имели возможности творить — взрыв, особенно невероятный в эпоху, когда СМИ превращают людей в пассивных потребителей. Движение новой песни стало чем-то большим, чем несколько популярных артистов. Казалось, весь народ начал петь. В 1972 году Виктор Хара, вооружившись магнитофоном и гитарой, провел много недель в поселке Эрминда-де-ла-Виктория на окраине Сантьяго. Результатом стал альбом «Поселок». В фонограмму альбома Виктор включил магнитофонные записи: разговаривают женщины, ребенок читает стишок, раздается лай собак. Обе нити его творчества — музыка и театр — дополнили здесь друг друга. К Виктору обратился крупнейший крестьянский профсоюз — Конфедерация Ранкиль. Делегаты крестьян сказали Виктору, что, по их мнению, он в силу своего крестьянского происхождения является тем артистом, который сможет поведать миру историю крестьянских восстаний и борьбы за аграрную реформу. Виктор совершил поездку по индейским деревням в Кордильерах. Над альбомом, посвященным Конфедерации Ранкиль, он работал вплоть до сентября 1973 года. Как режиссер Виктор Хара поставил в 1972 году три массовых представления на стадионе в Сантьяго. Первые два представляли собой торжества, посвященные компартии и ее молодежному союзу, а третьим стало чествование Пабло Неруды, когда он вернулся из Франции после получения Нобелевской премии. Действующими лицами всех этих мероприятий были трудящиеся, съехавшие со всей страны для участия в праздниках. В начале 1972 года, убедившись, что отстранить правительство Альенде мирными средствами не удастся, оппозиция начала дестабилизировать обстановку в стране. Чили погрузилась в пучину террора. Пабло Неруда призывал всех деятелей культуры предупредить народ об опасности фашистского переворота. На площади Конституции перед президентским дворцом Ла-Монедра состоялся антифашистский культурный марафон, в котором участвовали сотни артистов. Виктор Хара поставил на ТВ серию передач о нацистской Германии и гражданской войне в Испании. Джоан Хара

вспоминает: «Вокруг постоянно шли разговоры о гражданской войне... Вместе с соседками — сторонницами *UP* — мы решили запасти лекарства, перевязочные материалы, научиться оказывать первую помощь, найти надежные укрытия для детей — в общем, сделать все, чтобы быть готовыми к неожиданным событиям. Во вторник 11 сентября 1973 года, когда по радио сообщили о начале переворота, Виктор должен был ехать на концерт в Технический университет. Он все же решил поехать, так как по инструкции профсоюза в подобных случаях всем надо было собраться на рабочих местах. Днем, когда шла бомбежка Ла-Монеды, территорию университета оцепили войска; следующим утром по университету открыли огонь танки. Затем солдаты погнали всех, кто там находился, на стадион «Чили». Виктор Хара выбросил удостоверение личности, но его опознал один из офицеров. Его поместили на трибуну, отведенную для «особо опасных» заключенных. В пятницу 14 сентября Виктору удалось передать друзьям свое последнее стихотворение. Вечером офицеры увели его в раздевалку, превращенную в камеру пыток. Существуют несколько свидетельств о последних часах его жизни. Согласно им, Виктору разбили прикладом кисти обеих рук и приказали петь. По одной версии, он запел «Интернационал», по другой — «Венсеремос». Движение новой песни настолько отождествлялось с «Народным единством», что Пиночет даже счел необходимым объявить «подрывными» индейские музыкальные инструменты. Военные запретили песни Виктора и даже упоминание его имени; запрет касался также музыки всех его товарищей. Помещение ДИКАП разгромили. Если при обысках находили пластинки Виктора, семьи Парра, «Килапаюна» или «Инчи-Илимани», это почти наверняка означало арест. Пластинки бросали вместе с книгами в костры на улицах чилийских городов. Большинству участников движения новой песни удалось избежать судьбы Виктора Хары. Многие прошли через тюрьмы и лагеря, но в итоге все оказались в эмиграции. «Кила» и «Инчи» много раз приезжали в СССР; их музыка сопровождает снятые у нас чилийцем Себастьяном Аларконом фильмы «Падение кондора», «Ягуар», «Санта Эсперанса» и др. Наверное, в каждом из крупных студенческих центров от Москвы до Новоси-

бирска существовали латиноамериканские музыкальные группы, опиравшиеся на традиции новой чилийской песни. В Москве в 1980-е годы проводились песенные фестивали памяти Виктора Хары, очень шумные и яркие мероприятия, собиравшие полные залы иностранных студентов, а также советской левой и псевдолевой молодежи.

Сейчас все это забыто. Чилийские эмигранты давно вернулись к себе, туда, где жизнь теперь какая-то иная. Мы о ней ничего не знаем, потому что сообщения с той стороны планеты уже не достигают Москвы. Здесь остались пыльные полки библиотек, несколько пронирыливых историков, десяток ностальгирующих активистов движения солидарности, пара латиноамериканских ансамблей, пытающихся зашибать длинный доллар игрой на улицах. И осталась еще надежда на чудо... Вдруг случится еще что-то, и затравленный, униженный народ расправит плечи, и разольется людское море по площадям, и тогда для кого-то из нас, а может и для многих, вновь зазвучат гитара Виктора Хары и марш «Venceremos», и мы узнаем эту музыку, хотя, конечно, ритм будет другой и слова другие.

«Свободное слово» № 122

Сальвадор Альенде

Жизнь и деятельность Сальвадора Альенде неразрывно связаны с новейшей историей Чили — страны, которая всегда считалась одной из самых богатых и развитых в Латинской Америке. Несмотря на это, здесь сохранялись нищета, голод и бесправие огромных масс населения, всевластие иностранных монополий и произвол имущих классов. Тем не менее положение в стране долгое время было сравнительно устойчивым: армия не вмешивалась в политику, а переход власти от одного клана крупных капиталистов и землевладельцев к другому являлся результатом свободных выборов. Именно наличие демократической традиции породило своеобразие чилийской революции 1970-1973 гг. — революции, начавшейся с избрания Сальвадора Альенде президентом и прерванной его героической гибелью в горящем дворце Ла-Монеда.

Сальвадор Альенде родился 26 июня 1908 г. в портовом городе Вальпараисо, в семье адвоката. Его отец происходил из небогатого, но старинного, по чилийским понятиям, рода. Предки Альенде активно участвовали в войне за независимость против Испании, в других войнах и восстаниях, сотрясавших страну в XIX в., и пользовались репутацией либералов. Чичо — так в детстве называли Сальвадора — рос крепким, спортивным мальчиком. В 16 лет он стал чемпионом страны среди юношей по десятиборью и плаванию и еще до совершеннолетия пошел добровольцем в армию, в кирасирский полк. Сальвадор был отличным наездником, отменно стрелял. Со времен армейской службы он сохранил страсть к оружию. В юности начали формироваться и его политические взгляды. Не последнюю роль

в этом сыграл сосед семьи Альенде, старый сапожник-анархист, снабжавший Чичо брошюрами Бакунина, Кропоткина, испанских и итальянских социалистов.

В 1926 г. Чичо поступает на медицинский факультет университета в Сантьяго. В Чили, как и в других латиноамериканских странах, студенты традиционно участвуют в борьбе с властями. Впервые молодого Альенде арестовывают за выступление против диктатуры, установленной президентом Ибаньесом, чьим кумиром был вождь итальянских фашистов Муссолини. Новый арест последовал в 1932 г., во время событий, связанных с 12-дневным существованием Социалистической республики Чили (тогда власть на короткое время захватили сторонники социалистического пути развития страны). На несколько дней Сальвадора выпускают из заточения — проститься с умирающим отцом. «Отец, — вспоминал Альенде, — сказал мне и брату, что оставляет нам в наследство имя честного человека, а это больше, чем материальные ценности».

Выйдя из тюрьмы по амнистии, Сальвадор заканчивает дипломную работу на тему «Психическое здоровье и преступность». Начинающему врачу, известному своими левыми взглядами, трудно получить престижное место, и несколько лет он работает в морге Вальпараисо. «Я мечтал о профессии детского врача, стал же всего-навсего потрошителем трупов», — с иронией говорил Альенде. Он соприкасается с жизнью беднейших слоев общества, отмечает связь между болезнями и системой эксплуатации. По его инициативе создается профсоюз врачей. Семейные связи приводят Сальвадора к масонству (его дед, отец и дядя были масонами — членами религиозно-этического общества, стремившегося создать тайную всемирную организацию с целью мирного объединения человечества в братском союзе). «Масоны провозглашали, что борются за свободу, равенство, братство, — рассказывал он. — Я же, будучи масоном, подчеркивал, что при капитализме не может быть равенства, что не может быть братства при классовой эксплуатации, что понятие свобода конкретно, а не абстрактно». Альенде хотел использовать влияние масонства в интересах левых сил. Впрочем, другие политики Чили также использовали масонство в своих интересах.

В 1933 г. возникла Социалистическая партия Чили. Внутрь ее оформилось множество фракций и течений, кипели дискуссии о социалистическом идеале и методах его достижения. Альенде, один из основателей этой партии, выступал за единство действий социалистов и коммунистов. В это же время в стране появились группировки фашистского толка. Для борьбы с фашистами, которые часто пользовались покровительством властей, социалистическая партия создала свою милицию. В Вальпараисо ей командовал Сальвадор Альенде.

В 1935 г., столкнувшись с волной забастовок и выступлениями крестьян, возмущенных притеснениями со стороны крупных землевладельцев, правительство вводит военное положение. Альенде вновь репрессирован: его отправляют в ссылку в глухую рыбацкую деревушку на севере страны.

Товарищи развернули движение за его освобождение и добились своего — Альенде с триумфом вернулся в Вальпараисо, получив общенациональную известность.

Чтобы не допустить прихода к власти ультраправых (сторонников сближения с гитлеровской Германией), левые силы Чили по примеру многих стран Европы и Америки организуют Народный фронт. В 1939 г. его отделение в Вальпараисо выдвигает Альенде кандидатом в депутаты. Энергичный оратор, врач, жертва полицейских преследований, он без особого труда побеждает соперников в предвыборной схватке. (С этого момента на протяжении более чем 30 лет он неизменно будет избираться в парламент.) В правительстве Народного фронта Альенде получает пост министра здравоохранения и социального обеспечения. Вскоре он женится на студентке исторического факультета, дочери итальянского моряка Ортенсии Бусси. Церемония бракосочетания, разумеется, была гражданской. На состоявшемся затем торжестве Альенде не присутствовал — в тот день проходили важные дебаты в сенате.

В 1952 г. Социалистическая, Демократическая и тогда нелегальная Коммунистическая партии выдвинули 44-летнего Сальвадора Альенде кандидатом в президенты. Это был чисто пропагандистский шаг, без надежды на успех. Позже, на выборах 1958 г., ему не хватило нескольких десятков тысяч голосов. Но в этом поражении уже была видна грядущая победа.

В 1954 г. супруги Альенде впервые приехали в СССР. Хотя программа поездки была очень насыщенной, Сальвадора Альенде попросили написать статью для «Правды». «Я немедленно примусь за дело», — сказал он. «Как! — воскликнула жена. — У нас через час “Лебединое озеро” в Большом театре! Ты ведь всю жизнь мечтал посмотреть этот балет!» — «Это верно. Но статья в “Правде” для меня важнее». Любопытна и такая деталь: вместо сувениров он купил в Москве галоши, сказав, что чилийские галоши часто рвутся, а советские, из толстой резины, — лучшие в мире.

На президентских выборах 1964 г. Альенде противостоял христианский демократ Эдуардо Фрей, взявший на вооружение лозунг «Революция в условиях свободы». Альенде получил наибольшее количество голосов, которые когда-либо собирали кандидаты левых партий не только в Чили, но и в других странах Латинской Америки. Однако и в третий раз он проиграл битву за власть. После выборов он сказал журналистам: «Когда я умру, на моем надгробии будет высечено: “Здесь покоится будущий президент Чили”».

Правительство Фрея встало на путь преобразований. Оно начало аграрную реформу с целью ограничить крупное землевладение, легализовало независимые профсоюзы, проводило постепенную чилинизацию (так называли национализацию природных ресурсов, которые до этого находились в руках североамериканских монополий). Христианские демократы выступали за коммунитарное (т.е. основанное на самоуправлении) общество. Но реформы проводились медленно и нерешительно. Экономическая обстановка ухудшалась. В результате росло влияние левых.

Перед выборами 1970 г. пять левых партий образовали коалицию (объединение) «Народное единство». Не без колебаний левые решились выдвинуть Альенде кандидатом в президенты в четвертый раз. Предвыборная кампания проходила в обстановке жестокого психологического террора, который развязали против Альенде средства массовой информации — печать, радио, телевидение, контролируемые «мумиями» (так в Чили называют ультраправых). Но и поддержка у него была мощная — левые партии, профсоюзы, молодежь. Пропагандистские бригады имени

Рамоны Парры (молодая коммунистка, убитая полицией) расписывали стены лозунгами Альенде.

4 сентября 1970 г. состоялись выборы. В ночь с 4-го на 5-е стало известно, что Альенде получил относительное большинство голосов. Ликующие толпы заполнили улицы и площади Сантьяго. 18 лет Сальвадор Альенде боролся за право войти в президентский дворец Ла Монеда — и победил. Провалилась отчаянная попытка «мумий» с помощью махинаций в парламенте не допустить социалиста к верховной власти. Тогда правые террористы, стремясь спровоцировать вмешательство военных, убили главнокомандующего Вооруженными силами генерала Шнайдера. Однако сменивший его на этом посту генерал Пратс подтвердил, что армия верна конституции, а 3 ноября Альенде принял президентскую ленту из рук Фрея.

В правительство вошли представители всех партий «Народного единства» — от коммунистов до левых католиков. Началось осуществление программы коалиции. Дети до 15 лет ежедневно получали по пол-литра молока бесплатно, была повышена зарплата, приняты меры по борьбе с безработицей. Альенде отменил более 20 декретов о повышении цен, ввел бесплатное медицинское обслуживание, распустил специальные отряды карабинеров, прославившиеся своей жестокостью при подавлении народных выступлений. На государственных предприятиях были созданы советы с участием администрации, рабочих и профсоюзов. Они получили право изменять условия труда рабочих и решать вопросы экономического планирования.

11 июля 1971 г. парламент единогласно объявил национализацию медных рудников и других природных ресурсов: чилинизация, таким образом, блестяще завершилась. Ослабла зависимость экономики от иностранного капитала. Это было время действительно народного единства, но длилось оно недолго. Леворадикальные террористы застрелили одного из деятелей оппозиции, ответственного за расправу с крестьянами в годы правления Фрея. Активизировалась и фашистская организация «Патриа и либертад». В стране зазвучали выстрелы и взрывы. На улицах стали появляться плакаты со зловещим словом «Джакарта» — призыв к ар-

мии совершить переворот по образцу Индонезии 1965 г. Богачи бежали за границу, вывозили туда свои капиталы. Помещики угоняли скот в Аргентину. Разбухал черный рынок.

Создав гигантские государственные монополии, Альянде рассчитывал с их помощью получить средства на социальные программы. Действительность не оправдала его ожиданий. Экономическое положение ухудшалось, цены росли, деньги обесценивались. Недовольные национализацией западные компании объявили Чили бойкот. Надежда на помощь СССР оказалась призрачной — страна социализма не была готова оплачивать «чилийский эксперимент». Возник конфликт президента с парламентом, выступавшим против передачи экономики под контроль государства. Начались забастовки горняков, торговцев, врачей, владельцев грузовиков (последнее особенно нежелательно для Чили, где большинство перевозок осуществляется автомобильным транспортом).

Альянде работал по шестнадцать часов в сутки, спал по пять часов. Он поседел, редко улыбался. Дня не проходило без его публичных выступлений, встреч с прессой. Президент глубоко переживал, когда обнажались противоречия между народом и возглавляемой им народной властью. После того как карабинеры, по-прежнему не останавливавшиеся перед применением оружия, убили рабочего в пригороде столицы, возмущенный президент отправился пешком на место трагедии, принес извинения жителям района и несколько часов беседовал с ними.

Атмосфера ожесточения в обществе нагнеталась средствами массовой информации, где перевес был на стороне противников правительства. После визита в Чили Фиделя Кастро левым стало труднее доказывать совместимость политики Альянде с демократией. Часть студентов протестовала против визита, захватывала университетские аудитории, чтобы сорвать выступления кубинского диктатора. Но хотя симпатии Сальвадора Альянде к советскому и кубинскому режимам представлялись многим чилийцам серьезной опасностью, все-таки президент не выходил за рамки демократической конституции.

Пытаясь укрепить свое положение, Альянде вводит

в правительство военных. Другой его опорой становится Коммунистическая партия, к сотрудничеству с которой он постоянно призывал социалистов. В отличие от последних, коммунисты не предлагали новой разновидности социализма. Их идеалом был СССР 1970-х гг., и они рассчитывали достичь своей цели постепенно, через своеобразную диктатуру пролетариата с президентом во главе.

На парламентских выборах 1973 г. оппозиции не удалось получить две трети мест, что позволило бы ей конституционно свергнуть Альенде. Теперь непримиримые противники правительства могли делать ставку только на силу. Рассчитывая обуздать террористов, президент санкционировал чрезвычайные действия армии. Однако на практике это обернулось вторжением военных на заводы и в штабы левых организаций, разгромом рабочих отрядов самообороны. В то же время против правых армия действовала крайне неохотно.

29 июня в Сантьяго восстал танковый полк, но благодаря решительным действиям главнокомандующего Пратса мятеж был подавлен. Сразу после сообщения о попытке переворота рабочие заняли предприятия, готовясь оказать сопротивление путчистам. Вечером перед дворцом состоялся 100-тысячный митинг. Президент заявил, что не распустит оппозиционный парламент, но прибегнет к референдуму, чтобы узнать мнение народа.

23 августа под давлением генералов ушел в отставку Карлос Пратс. Его пост занял начальник генштаба Аугусто Пиночет. Он заверял президента, что Вооруженные силы верны конституции, а на деле возглавил заговор военных.

В 6 часов утра 11 сентября 1973 г. в резиденцию на улице Томаса Мора пришло сообщение о восстании флота в Вальпараисо. Это было началом переворота. Простившись с женой, президент отправился в Ла-Монеду. Туда же прибыли его сотрудники, приехали и две дочери Альенде — Беатрис и Исабель. Беатрис была беременна. Увидев ее, отец только покачал головой...

В 7.50 по радио зачитывают заявление военной хунты, требующей перехода всей власти в стране в ее руки. Альенде приказал подготовить дворец к обороне. «Если бы я мог оказаться в другом месте для продолжения борьбы, я бы

это сделал. Но я в Ла-Монеде, и именно здесь я буду бороться и погибну, если потребуется».

В 9 часов в Ла-Монеду позвонил Пиночет. Он предложил президенту самолет и гарантии вылета в любую страну мира, предупредив, что в противном случае начнется штурм. Альянде ответил главарю хунты: «Я не сдамся и не покину дворца. Угрозам подчиняются только трусы. И сдаются только трусы. Такие, как вы».

Авиация противников президента нанесла удар по радиостанциям, призывавшим население выступить в поддержку «Народного единства». В эфире оставалось только радио компартии «Магальянес». Альянде подключился к передатчикам этой станции и, привычным жестом взяв микрофон, произнес то, что стало его последней речью:

– Трудящиеся моей Родины! Я благодарю вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости и который, поклявшись уважать конституцию и закон, сдержал свое слово.

Президент не призывал народ к дворцу — он знал, что фашисты не остановятся перед массовым кровопролитием.

В 11.00 начался штурм. Альянде из гранатомета подбил один из танков, прикрывавших наступление пехоты путчистов. Атака захлебнулась под плотным огнем защитников дворца. Президент категорически приказал женщинам и безоружным покинуть здание. Его дочери отказались подчиниться. «Поймите, — сказал им Альянде, — если с вами что-нибудь случится, противник во всем будет винить меня. Вы нужны матери, вы нужны нашему общему делу. Я приказываю вам как отец и как президент покинуть Ла-Монеду. Иначе вы заставите меня выйти на улицу». «Последний образ отца, оставшийся у меня в памяти, — вспоминала Исабель, — это образ борца, в каске и с автоматом в руке, который переходил от окна к окну, подбадривал соратников, сам стрелял по танкам. Ему предложили надеть бронежилет. Он отказался со словами: “Почему я? Я такой же боец, как и все”».

В 12 часов самолеты начали бомбить дворец. Здание загорелось, дым проник во все помещения. Среди защитников появляются раненые и убитые, сам президент ранен

осколком стекла. В 13.30 танки протаранили главные ворота. Защитники Ла-Монеды забаррикадировались на втором этаже. Неравный бой длился еще два часа.

Долгое время считалось, что Сальвадор Альенде погиб от пули командира штурмовой группы. В 1991 г. правительственная комиссия объявила, что он покончил с собой. Сопратники посадили его в президентское кресло, одели президентскую ленту и покрыли плечи национальным флагом. Ворвавшиеся путчисты в упор расстреляли уже мертвое тело. Вскрытие обнаружило 13 пулевых ран.

Несмотря на политические просчеты, Сальвадор Альенде навсегда вошел в историю как человек, отдавший жизнь за свои принципы. Все 18 лет правления Пиночета его имя оставалось символом сопротивления диктатуре, символом борьбы за восстановление подлинной демократии.

Монолог человека с автоматической ВИНТОВКОЙ

Необязательное предисловие. Рассказ основан на реальном событии, имевшем место в тот самый день в той самой географической точке; детали не во всем совпадают, но близки. Речь идет об Анастасио Сомосе, диктаторе Никарагуа до революции 1979 года (можно напомнить, что почтенная династия Сомос владела Никарагуа почти полвека, и именно о ее основателе Рузвельт сказал крылатую фразу: «Конечно, сукин сын, но это наш сукин сын»). Операцией руководил знаменитый аргентинский партизан Энрике Горриаран. За достоверность его мыслей автор поручиться не может — к сожалению, не знаком с ним лично.

Да, это мой монолог, никакого диалога не намечается, разговора у нас с тобой не будет и не могло быть ни при каких обстоятельствах. Даже при обстоятельствах, так сказать, обратных: например, я валяюсь на бетонном полу в луже собственной блевотины, а ты стоишь над, и я вижу тебя снизу вверх, последовательно ботинки, брючины, что-то выпирающее между ног, дальше внушительный бугор живота и уж совсем в заоблачной выси усатая голова, обращенные ко мне глаза за темными стеклами. Ты же заходил на допросы... Но и тогда разговора бы не получилось, я уверен.

Раннее утро, солнце, весенний месяц сентябрь, день семнадцатый, ты уже выглядывал из-за занавески наружу оце-

нить погоду — погода отличная — и я успел поймать твою лысую макушку, приклеить к ней волосинки оптического прицела, но не время, не время еще. Еще несколько минут, которые, предположительно, понадобятся тебе, чтобы отдать рутинные распоряжения управляющему или как ты его называешь — к возвращению нагреть воду в бассейне? охладить? — пересечь пару-тройку комнат, спуститься по лестнице и появиться на веранде, едва различимой сквозь ветви деревьев в саду, но все же различимой. И когда ты выйдешь, отсчет пойдет на секунды, там уже не до монологов. Бассейн что ж, пусть греют, только не будет возвращения.

А пока я много успею наговорить, точнее, подумать, я не фиксирую свои мысли на бумаге и далеко не все обращаю в слова. Вполне возможно, когда-нибудь я расскажу про операцию «Жаба» журналистам или сам возьмусь за перо. Чем черт не шутит, роман напишу. Когда буду уверен, что это никому из наших не повредит, расскажу обо всем. Как нашли меня товарищи из Манагуа, как планировали операцию, как Гильермо придумал название, споров тут не было, «Жаба» — слово подходящее. Споры были позже, но об этом не стоит, это кухня специфическая. Напишу, как готовил группу в Колумбии, и о каждом отдельно, ребята заслуживают. Как добрались сюда кто на чем, интереснее всего получилось путешествие у Марио, из Бразилии по Паране на катере. А мы с Мельбой прилетели самолетом, перед посадкой я просто прилип к иллюминатору, Асунсьон сверху как игрушка, черепичные крыши среди зелени, а я все смотрел, смотрел, будто и в самом деле надеялся тебя сверху заметить.

Никто из группы, кроме Солано, в Парагвае не бывал, никто здесь не светился, и на гуарани, языке здешнем, никто не говорил, кроме опять же Солано. Хотя пару слов мы быстро усвоили. Слова простые: «мау» — контрабандный автомобиль, то есть практически каждый автомобиль на парагвайской территории, и «калабосо» — знаменитые подземные тюрьмы, знакомиться с которыми нет никакого желания, но шансы-то есть, увы. Короче, никаких связей в Парагвае; с подпольем решили в контакт не вступать, и так им несладко приходится... Ничего, ребята, потерпите, доберемся и до вашего генерала, которому везде памятни-

ки понаставлены, смотреть противно. Так как же — дальше пишу «мы» — собирались тебя найти? Ведь не знали даже, в столице ты или в провинции. Придумали пару планов, один другого головомнее, но все разрешилось довольно неожиданно. В будущем романе я не пожалею красок, расписывая, как красотка Мельба, пребывая в уверенности, что уж таксисты все знать обязаны, села в такси и томным голоском произнесла: «В парикмахерскую, что возле дома этого... ну как его?», и шофер, небритый индеец, помчал ее вдоль трамвайных путей, лихо тормознул у полицейского участка, пулей выскочил из машины и скрылся внутри. Оказалось, что насчет твоего дома таксист был не в курсе, но, не желая терять клиентку, заскочил к корешу в полицию и действительно все выяснил. А красавица-то наша перепугалась! Анекдот. Впрочем, и не такое случается, этих анекдотов я с десятков могу порассказать.

Особняк внушительный, трехэтажный, крыша красной черепицы, так здесь принято, не самый роскошный в квартале, твои соседи полковники дворцы покруче отгрохали, но и у тебя сад, бассейн, подземный гараж, охрана. Ее, охрану, долго мы изучали... Едва не прокололись: копы прямо на улице свинтили Рамона, показался подозрительным, и обретение свободы обошлось ему (то есть нашей кассе) в порядочное количество зеленых бумажек проклятых янки. Страна коррумпирована насквозь, как в газетах пишут, «коррупция в ранге национальной политики». Будь оно не так, не знаю, провернули бы мы «Жабу» при традиционно продлеваемом каждые три месяца военном положении.

Много чего еще я опишу в своем предполагаемом романе. Красивый эпизод: Луис, который подрядился развозить подписчикам одну газетенку — редакция в конце твоей улицы, вот этой самой — прибегает ко мне, ну прямо дрожит весь. Я подумал — провал, такое всегда первым приходит в голову. А он столкнулся с тобой нос к носу, ты выходил из авто, ай, какая неосторожность, и зачем, неужто сигареты купить? Сомневаюсь, что ты заметил парня на велосипеде, а парень этот чуть не на коленях передо мной ползал, умоляя разрешить носить оружие в надежде на вторичную встречу. Я не разрешил. Случайность, судьба, удача — пре-

красно, но рассчитывать на них нельзя, как не рассчитывать настоящий писатель на вдохновение, на музу, которая иногда слетает к нему из верхних слоев атмосферы. Иногда слетает, иногда нет, а главное — работать, работать и еще раз работать, так, кажется, классик утверждал.

Что-то я соловьем распелся. Редкость. Слышали бы ребята: «Муза, вдохновение!» Не услышат. Я один в комнате; я сижу перед окном, но не возле, и тень надежно скрывает меня от тех, кто вздумал бы понаблюдать. Такая игра — то мы наблюдаем за ними, то они за нами, кошки-мышки и наоборот. Сегодня мы выигрываем (тихонько стучу по полированному столу, невинное суеверие). Похоже, выигрываем, но прояснится все только через минуты три... семь? десять?

Пока я философствую на своей удобной, прямо скажем, комфортабельной позиции, Марио за стеной, возможно, сочиняет альтернативный роман. Рамону с Луисом хуже, они лежат в кустах под оградой, кусты не сельва, но насекомые встречаются.... и полная неизвестность, они сами ничего не видят, ориентироваться будут на мой сигнал, а ждать вслепую — занятие совсем тоскливое. Если сделаю шаг к окну, увижу их, но не нужен шаг, все проверено-перепроверено, все как в аптеке. Мало операций готовились так же тщательно, как «Жаба», она в своем роде единственная, хотя надо бы потом провести еще дюжину аналогичных. Сначала прикидывали: применить гранатометы или мины, или пластилин прилепить под твой роллс-ройс.... вон стоит перед домом, карета подана, говорят, у тебя была лучшая в мире коллекция автомобилей, а? Да ведь ты — только сейчас подумал — при своем бассейне, трех «мау» и охранниках, наверное, бедняком себя считаешь после всего, что было: целая страна в кармане? Не так?

Решили действовать наверняка. Денег хватает, в Манагуа и в десять раз больше не пожалели бы на это дело, я их знаю. Не без проблем, но приобрели дом почти напротив твоего — поскромнее, без бассейна, но нам не до купаний. Покупали Альдо и Рита, никем даже не притворяясь, колумбийцы в Асунсьоне никого не удивляют, где наркотики — колумбийцы, где контрабанда — колумбийцы, а в Парагвае самый толстый слой контрабанды. Мы здесь

пили исключительно контрабандный бразильский кофе, курили только контрабандные аргентинские сигареты. А пиво, хотя и местное, но с немецкими названиями. Понятно почему — папаша генерала был простым баварским пивоваром. Рамон, выказав редкостное невезение, после истории с полицией еще напоролся на земляка. Легенда легендой, у каждого она разработана, но тут — земляк... Пришлось поволноваться, но он не настучал. Кажется, не настучал. Ладно, сейчас узнаем — в тот момент, когда роллс-ройс выползет из ворот и начнет медленно разворачивать свою тяжелую тушу по направлению к центру, подставляя нам лакированный бок, профиль телохранителя на переднем сиденье, если будет опущено стекло... или не опущено, тем хуже для стекла, хотя какое это имеет значение. Я дам первую очередь, которая послужит сигналом Луису и Рамону. Основная огневая мощь у них, одному из них и будет принадлежать честь завершения операции «Жаба», потом ведь будут разбираться, кому именно, но пусть разбираются, лишь бы потом. Я переносу огонь на особняка, там останутся минимум двое вооруженных, надо дать им понять, что дергаться не стоит. Закончился магазин, пока меняю — секунда — вступает Марио из окна кухни. Поливать их, поливать, пусть будет свинцовый ураган, пусть не высовываются, не к ним мы приехали. А тем временем Рамон и Луис... ну, это понятно, и бегом, все бегом к фургону на заднем дворе, Рита за рулем, Марио прикроет, задраить люки и стартует гонка, какой Асунсьон еще не видывал.

А ты не идешь. Может, это последняя попытка, придуманная тобой для нас? Сколько смертей пресловутых нервных клеток, которые не восстанавливаются, в каждом мгновении ожидания? Нервы! Какая ерунда! Нервы — это прошлое, это когда вздрагивают и потеют руки, губы отсчитывают четким шепотом: «пятьдесят восемь, пятьдесят девять...», когда глаза сосредотачиваются на узоре листа, подсвеченного солнечным лучом, на камне рядом с носком сапога, лишь бы не смотреть туда, вперед, где вот-вот появится человек, тварь божия, тварь, которая загоняет иглы под ногти ближним... ей приказывают, а она усердно выполняет, такая работа... короче, нажимаешь курок и, оглушенный выстрелом, смотришь, как уникальное сочетание молекул пере-

стает существовать, а потом является во сне. Вот — нервы. Но это давно прошло, а после тебя я уж точно буду спать без сновидений. Ну, давай! Меня уже начинает пробирать, волнуюсь, как перед первым свиданием, да простит меня та девушка, я поставил вас рядом, трудно вообразить большее кошунство. Она простит, она давно умерла.

Пуста заветная веранда, вхолостую урчит табун лошадей в моторе роллс-ройса. Или — подсказывает проснувшийся страх, показывает услужливое воображение — и не выйдешь, тебя загнали в безопасный изолированный подвал, и мы, наивные, считаем, что в засаде, а на самом деле засада на нас. И эти как бы прохожие, как бы шофер, как бы окна нарядных соседних домов, повинуюсь неслышной команде, ошестинятся стволами всех калибров, и дальнейшее действие будет развиваться в зависимости от того, есть ли приказ брать живыми. При такой постановке проблемы и от нас кое-что зависит, но это утешение слабое. Спокойно! Взгляд на часы — убеждаюсь, что пока все в пределах нормы. На пределе.

Забавно, если задержит тебя какая-то мелочь, расстройство пищеварения, зашел в туалет, это предчувствие, проявившееся на физиологическом уровне, подозреваю, что у людей твоего типа все сводится к физиологии. Ну что же, пока сидишь на унитазах, скажу — мысленно скажу — еще одну вещь. За что я тебя казню. Нет, в Манагуа приговорили правильно, у них есть длинный список, там перечислены и вспоротые животы, и вырванные сердца, и фамилии сброшенных с вертолетов в вулканические кратеры (почему именно туда? — нам никто не мог объяснить), и голод крестьянский, и малолетние проститутки, и много, много другого. Но я добавлю: главное твое преступление — твоя власть. «Власть — все, человек — ничто», это вдолбили тебе в детстве. Если копнуть, получится, что и ты жертва диктатуры своего папаши, а потом старшего братца, но не до этих тонкостей сейчас. Ты искренне считал себя хозяином людей, имевших несчастье родиться в границах проглоченной вашим кланом республики. Тебе казалось, имеешь право казнить и миловать. Потому я и получил право убить тебя. Взятый меч — от меча погибнет. Аминь. Считай это зачетом приговора.

Здесь — допустим, состоялся бы процесс по типу Нюрнбергского, вообразим такую фантастику — взвились бы твои адвокаты. Как! А вы сами что, людьми не распоряжаетесь? Не манипулируете или не убиваете? Не за власть вы воюете что ли? Не знаю, что сказали бы товарищи, а я бы ответил: не за власть. За право каждого человека на собственную судьбу. Наверное, нам придется взять власть, но, что до меня — я сделаю все, чтобы ее вовремя уничтожить. Если не сумею, уже не буду революционером, и революции, видимо, придется меня расстрелять. Но это все наши вопросы, тебя они совершенно не касаются.

А то, что касается — оно вот, у меня в руках, и у Марио, и внизу у Луиса и Рамона... Как это просто: отворилась дверь, ты на веранде. Белый костюм, черные очки, плешь сверкает, в желудке кофе и булочка с маслом, завтрак аристократа, я так много о тебе думал, что, кажется вижу насквозь. Каблуки по ступенькам бум-бум-бум, быстро спустился, здоровье отменное. Телохранитель распахивает дверцу роллс-ройса, внутри мягкие сиденья, запах хорошей кожи. Давай, давай. Я не вижу, но слышу — дверца захлопнулась. Завтра, извини, уже сегодня твое имя опять достигнет ушей мирового сообщества: «Экс-президент (сочувственная форма); бывший президент (ближе к нейтральной); бывший диктатор (нейтральная — констатация факта); беглый диктатор, тиран, палач и т.д. (наши могли бы и сдержать риторику, дело-то говорит само за себя) убит неизвестными в пригороде Асунсьона 17 сентября 1980 года». Это будет некролог для тебя. По-моему, неплохой, лучший из возможных.

Роллс-ройс, черный блестящий зверь, начал движение. Охранник, открывающий ворота, свободной рукой почесывает переносицу, вижу сквозь прицел. Монолог окончен. Нет, последняя фраза: цени, что не электрический ток, не кратер вулкана и не виселица. Ты и глазом моргнуть не успеешь. Стреляем мы прилично и патронов жалеть не будем.

«Наперекор» № 2 за 1996 г.

Колумбия: партизаны и наркомафия

Колумбия одна из крупнейших стран Южной Америки, находится в состоянии хронического социально-политического кризиса. При этом к проблемам, общим для всей Латинской Америки, прибавляются еще две: тлеющая гражданская война и деятельность наркомафии, которая достигла здесь небывалого размаха.

По долинам и взгорьям

Вооруженные конфликты между двумя основными политическими силами Колумбии — либералами и консерваторами — нередко вспыхивали в прошлом и в начале нынешнего века. Гражданские войны и «виоленсия» (насилие) прочно вошли в традиции и даже в фольклор страны. Но в новейший период истории рубеж противостояния прошел между колумбийской правящей верхушкой в целом и беднейшими слоями населения, которые стали опорой партизанского движения — герильы.

Первые партизанские отряды организовали крестьяне восточных департаментов в 1948-1949 гг., когда, после убийства популярного лидера либералов Хорхе Гайтана и подавления вспыхнувшего вслед за этим стихийного народного восстания, власть захватила военная диктатура. Либералы повстанцев не поддерживали, а предпочли заключить с консерваторами соглашение о создании «национального фронта». Теперь власть на всех уровнях полюбовно распределялась между функционерами партий, а роль избирателей окончательно сводилось к простой формаль-

ности. Позже «национальный фронт» отменили, но фактически ничего не изменилось. «Всенародно избранные» президенты в 1950-1970-х годах не прекращали репрессии против партизан и всех сил, выступавших за хотя бы нормальную буржуазную демократию. Президент Турбай Аяла, например, прославился высказыванием о том что политзаключенных никто не пытается, а увечья они наносят себе сами.

Однако с партизанами справиться не удалось. Территория Колумбии, рассеченная горными цепями Анд, покрытая густыми тропическими лесами, позволяла им легко укрываться от авиации и карателей. Возникло множество отрядов; даже в центре страны, неподалеку от столицы, существовала партизанская «республика Маркетания». Основным партизанским организациям в разное время помогали Куба, СССР и Китай, но вооруженное сопротивление власти никогда не было результатом происков каких-то «внешних сил», а порождалось самой колумбийской действительностью. Отчаянная нищета народа (ниже черты бедности до сих пор живет половина населения страны) и неверие в возможность мирных преобразований, толкали в ряды партизан не только бедняков, но и студентов, интеллигенцию, и даже церковников. Священник-бунтарь Комило Торрес, ушедший в горы и погибший в бою, стал народным героем Колумбии.

«Грязная война» по-колумбийски

Стало ясно, что ни герилья, ни армия победить друг друга не могут. В 1984 году президент Бетанкур заключил мир с повстанцами, гарантировав им безопасность и возможность включиться в легальную политическую жизнь. Но армия, которая подчинялась гражданской администрации с большими оговорками и была воспитана американскими советниками в духе бескомпромиссной борьбы с «коммунизмом», имела другое мнение. Спецслужбы разработали план «Кондор», аналогичный тому, который осуществляли аргентинские военные в 1976-1982 гг. — было решено не тратить время на аресты, пытки, суды, концлагеря, а просто физически ликвидировать как можно больше противников режима. В Аргентине это время назвали «грязной войной».

Первой жертвой «Кондора» стал Карлос Толедо, лидер Движения 19 апреля (М-19), по профессии — детский врач. Он был убит после выступления в парламенте. Террор армейских «эскадронов смерти» заставил большинство партизан к лету 1985 г. с большими потерями вернуться в горы, и только крупнейшая организация герильи — Революционные Вооруженные Силы Колумбии (испанское сокращение — ФАРК), которую считают «вооруженной рукой» просоветской колумбийской компартии, соблюдала перемирие. ФАРК и «мирные» левые создали Патриотический Союз (УП), который быстро стал набирать влияние, грозя расшатать двухпартийную систему.

6 ноября 1985 г. отряд М-19 захватил Дворец Правосудия в самом центре Боготы. В заложниках оказались 500 человек, в том числе члены Верховного суда. Целью акции было добиться опубликования фактов, свидетельствующих, что не партизаны, а правительство и спецслужбы, развязавшие «грязную войну», виновны в срыве перемирия. Но без всяких переговоров начался штурм здания. 7 ноября войска овладели развалинами дворца. Погибло более ста человек, среди них — все 35 боевиков М-19 и 12 членов Верховного суда, многие из которых вели дела о наркотиках. Правые тут же заявили, что партизаны работали на наркомафию. Но судей с тем же успехом могли расстрелять армейские командос; ведь тогда у наркомафии было гораздо больше связей и «своих людей» во властных структурах, чем среди повстанцев.

Кокаиновый бум

Производить наркотики на экспорт в Колумбии начали в середине 1970-х. После вьетнамской войны наркомания широко распространилась в США; потребляли в основном марихуану (коноплю). Плантации этого растения возникли в Штатах и в Мексике, но в 1976 году дефолиантами удалось уничтожить большую их часть. Тогда американская мафия обратила внимание на пустынный колумбийский полуостров Гуахи́ро. К 1979 г. Колумбия вышла на первое место в мире по производству марихуаны. «Товар» доставлялся в США через багамские острова на яхтах и легких самолетах. Но вскоре колумбийская армия оккупировала Гуахи́ро

и бизнес «маримберос» — торговцев марихуаной — стал очень уж рискованным. Тогда вспомнили о кокаине.

Кустарник коку уже несколько тысяч лет культивируют индейцы андских нагорий в пределах современных Перу и Боливии. Листья коки — стимулирующее средство; без них ежедневная тяжелейшая работа андских крестьян и шахтеров была бы невозможной. В столице Боливии Ла-Пасе (3500 м над уровнем моря) приезжего обязательно напоят чаем из коки, чтобы быстрее адаптировался к высоте. Кока — не наркотик; чтобы получить действие, эквивалентное 1 г кокаина, надо было бы прожевать 15 кг листьев! Плантации коки на горных террасах требуют не меньше крестьянского труда, чем кофе или хлопок, но выращивать ее оказалось гораздо выгоднее. Кокаиновый бум совпал с сельскохозяйственным кризисом в Перу и Боливии, когда, в результате рыночных реформ, производить продовольствие оказалось нерентабельно; для многих крестьян кока осталась единственным источником средств. В Боливии стали собирать в год по 200 тыс. тонн листа, внутренний рынок требовал 10-15 тыс. тонн, остальное скупала мафия, перегоняла в сульфат кокаина и переправляла в Штаты. Есть спрос — будет предложение. Торговля кокаином по рентабельности заняла третье место после торговли нефтью и оружием. В Боливии начала 1980-х это был государственный бизнес, который патронировал лично диктатор Гарсиа Меса. Но и при всех своих президентских возможностях генерал Меса не смог постичь уровня Медельинского картеля — структуры, созданной в 1981 году колумбийскими мафиози.

Благодаря средствам массовой информации о боссах наркокартелей известно гораздо больше, чем о тех же лидерах гериллы, людях куда более интересных и достойных. Организатор картеля Карлос Ледер, сын колумбийки и немецкого эмигранта, еще подростком приехал в Детройт, где влился в ряды «пушеров» — уличных торговцев наркотиками. Он быстро занял место среди «акул» преступного мира; к собственному тридцатилетию приобрел остров из числа Багамских (его взлетно-посадочная полоса очень пригодилась самолетам, летевшим с Гувхиро). Ледер первым почувал, что времена меняются, и собрал на сходку в Медельине, втором по величине городе Колумбии, старых

знакомых: угонщика автомобилей Пабло Эскобара и мелких уголовников, троих братьев Очоа. Так возникло ядро картеля. В короткий срок компаньонам удалось наладить закупку коки, ее переработку в подпольных лабораториях Колумбии и сбыт в США по каналам Ледера.

Медельинский картель стал действовать в районах, контролировавшихся М-19. Это партизанам не понравилось: то ли из принципиальных соображений, то ли из-за репутации Ледера, который не скрывал симпатий к нацизму и повсюду вешал портреты Гитлера. В декабре 1981-го они похитили жену одного из братьев Очоа. Тогда на деньги Ледера мафия сколотила команду «Смерть похитителям» (испанское сокращение МАС). Воевать с партизанами они, конечно, не могли, но убивали связанных герильи и выдавали властям партизанские явки. Через два месяца М-19 решили, что Марта Ньевес де Очоа обходится слишком дорого, и отпустили женщину без всякого выкупа, но МАС распущен не был. Ледер пытался заключить с партизанами «взаимовыгодное соглашение», но ни одна из крупных повстанческих организаций тогда на это не пошла.

В 1984 г. мафия предложила правительству выплатить внешний государственный долг в обмен на амнистию; картель обещал уничтожить все подвластные ему плантации и полностью прекратить экспорт кокаина. Вполне возможно, что предлагалось это всерьез — главари уже накопили состояния (Эскобар был сенатором, имел личный зоопарк и строил кварталы дешевых домов для жителей окраин Медельина) и хотели пожить в свое удовольствие. Но под давлением США переговоры сорвались. Американцы потребовали выдавать им арестованных колумбийских мафиози; это требование поддержал и министр юстиции Лара. Тогда наемные убийцы застрелили министра. Медельинский картель вступил на «тропу войны» с государством, однако не оставил надежды заслужить благосклонность властей. Возможностей представилось предостаточно.

С лета 1986 г. раскручивается невиданный ранее террор против левых активистов. Тогда на свалках вокруг больших городов начали устанавливать таблички «Трупы сваливать запрещено!», которые, конечно, мало помогали — каждое утро находили новые тела. «То, что на трупах нет следов

пытот, свидетельствует о непричастности к убийствам вооруженных сил», — вполне серьезно защищала армию правая пресса. Патриотический Союз заявлял о 140 группах ультраправых, деятельность которых не желает пресечь правительство. Но правительство все-таки нажимало на спецслужбы, которые было совсем вышли из-под контроля. Поэтому часть «работы» пришлось поручить Медельинскому картелю. Именно люди картеля убили 11 октября 1967 г. лидера УП Хайме Пардо Ловле. Богота ответила взрывом стихийного протеста, напомнившего 1948 год, но ни это, ни меры правительства убийц не остановили. Сотни членов левого блока погибли: к 1990 г. обескровленный Патриотический Союз утратил все свои позиции. «За три года перемирия мы потеряли больше товарищей чем за 30 лет войны» — сказал главнокомандующий ФАРК Мануэль Маруланда. Фарковцы вернулись в горы, где, наступая на горло собственной песне (они всегда считали себя «единственно правильными» партизанами) образовали вместе с М-19, маоистской Народно-Освободительной Армией и индейскими повстанцами Координационный комитет имени Симона Боливара. Герилья вновь начала набирать силу.

В истории колумбийской мафии, естественно, немало белых пятен. Неизвестно, какие тайные пружины сработали, повернув Медельинский картель к союзу с повстанцами. Неизвестно, причиной или следствием этого был арест Карлоса Ледера, который был выдан США и приговорен к пожизненному заключению. В момент ареста на вилле Ледера не оказалось никакой охраны. Сразу родилась версия, что Эскобар и Очоа просто продали Ледера, развязав себе руки. Теперь мафия принимается разбираться с властями — на 1988-1990 гг. приходится пик взрывов в государственных учреждениях, убийств судей, прокуроров и полицейских. Самым громким преступлением боевиков Медельинского картеля стало убийство кандидата в президенты от либеральной партии.

Никто не сжигает картофель напалмом

Общественное мнение в США и в Латинской Америке совершенно по-разному воспринимают проблему нарко-

тиков. Американская позиция сводится к категорическому неприятию того, что считается наркотиками, наркопроизводством и наркоторговлей; в каждом втором американском фильме можно видеть, как отважные полицейские, пограничники, спец агенты, спасатели и дрессированные животные сражаются с коварными наркомафiosi латиноамериканской национальности. Антикокаиновая кампания иногда похожа на истерию. «Кока-колу», например, заставили изменить рецепт одноименного напитка, когда выяснилось, что листья коки туда все-таки входят. Но, конечно, наркомания для США — серьезная проблема. Сменявшие друг друга вашингтонские администрации объявляли Боливию и Колумбию «агрессорами», угрожали послать туда «ограниченные контингенты». Такой контингент все-таки появился в Боливии и с вертолетов уничтожал плантации. Разумеется, в Латинской Америке это восторга не вызвало. Даже правительства там признают, что проблему коки карательными мерами не решить, и пытаются дать крестьянам возможность вернуться к выращиванию «некриминальных» культур, но обычно на это «нет средств».

Общественность высказывается резче: «Никому не приходит в голову жесть напалмом картофель только потому, что из него производят спирт». Напоминают общеизвестный факт: ЦРУ через свои «героиновые армии» контролировало торговлю наркотиками в Индокитае; и сейчас, утверждают латиноамериканцы, на территории США сохраняются плантации марихуаны, которые почему-то не уничтожены. Борьба с кокаиновыми картелями — не борьба ли это с конкурентами? Без поддержки «солидных» американских банков никакая наркоторговля, имеющая дело с колоссальными суммам, была бы невозможна. А к «своей» мафии, заявляет латиноамериканская общественность, США вполне терпимы, поскольку она, в отличие от колумбийцев, не вывозит деньги из страны. Все процессы против мафии строятся на неуплате налогов: плати налоги, и все будет о'кей!

Партизаны и население, которое их поддерживает, видят вокруг себя проблемы более близкие и страшные, чем наркомания; нищету на глазах порождает политика правящей олигархии, за спиной которой стоят США. Борьбу с нарко-

мафией, которую под давлением Вашингтона ведет правительство (а страдают от нее, в первую очередь, крестьяне, — постоянная мишень карательных рейдов, будь то «антипартизанские» операции или «антимафиозные»), они не могут воспринимать как очередное лицемерие, противодействовать которому надо хотя бы из практических соображений: комендатуры, проверки на дорогах — зачем это нужно?

Уже в начале 80-х левые организации Колумбии включили в свои программы требование легализации наркотиков (что вовсе не оригинально; в Нидерландах наркотики давно легализованы, а партии и движения, выступающие за легализацию, есть везде — алкоголь, говорят они, страшнее коки, но всем уже ясно, что «сухим законом» вопрос не решить). Раньше сближению наркоторговцев с партизанами препятствовали беспринципность первых — выгоднее дружить с властями — и коммунистический интернационализм последних — не дадим поставлять отраву для пролетариата янки! К тому же для партизан одной из главных целей было завоевать симпатии мировой общественности. С крахом «социалистического лагеря» ситуация изменилась. Партизанам пришлось пересмотреть свои позиции. Заговорили о «нарковойне» бедного Юга против богатого Севера.

Агония наркокортелей

В марте 1990-го разоружается М-19. Бывший главнокомандующий, а ныне лидер новой партии «Демократический Альянс М-19» Карлос Писарро заявляет о стремлении бороться за пост президента, но месяц спустя убит. Ему на смену приходит ветеран герильи Антонио Наварро — в 1985 году в бою ему оторвало носу, но и на протезе он довоевал до звания команданте. Президент Гавириа назначил его министром просвещения и ввел в парламент депутатов от М-19; тогда же на выборах в Конституционную ассамблею М-19 вышло на третье место по числу голосов.

Гавириа призвал главарей Медельинского картеля сдать ся, посулив «щадающий режим» и невыдачу США. В тот момент все партизаны вели с правительством интенсивные переговоры о мире, и боссам мафии вовсе не улыбалась перспектива остаться один на один с властью и сложить

буйные головы. Они сдались, выбрав покой и комфорт — и вполне получили желаемое в уютных камерах спецтюрьмы близ Медельина. Но США продолжали давить на Гавириа, и в июле 1992-го, услышав о своем предстоящем переводе в другую тюрьму, Эскобар решает на побег. Он скрывается в трущобах Медельина, где все попытки изловить его были заранее обречены на провал. Антигосударственный террор мафии разгорелся с новой силой. Но главаря сгубило тщеславие: в ноябре 1993-го, в свой день рождения Эскобар позвонил друзьям в Боготу, чтобы принять поздравления. Спецкомпьютер отследил звонок, и тут же 500 полицейских окружили торговый центр, откуда он поступил. Эскобар пытался уйти по крышам, но в перестрелке был убит.

После разгрома Медельинского картеля, поставлявшего в США 80% кокаина, примерно тот же объем поставок освоил картель Кали под командой братьев Орехуэла. Наученные опытом предшественников, Орехуэла предпочитали не воевать с государством, а покупать его. Братья очень выгодно, как им казалось, вложили 6 млн долларов в предвыборную кампанию либерала Эрнесто Сампера. Сампер стал президентом, но летом 1995-го карающая длань правосудия (ее, очевидно, подтолкнули сторонники Сампера) дотянулась и до Калийского картеля. Всплыло дело о 6 миллионах; запахло импичментом. Президент весьма кстати для себя ввел чрезвычайное положение. Неизвестно, удастся ли ему выкрутиться, но наркомафии был нанесен сокрушающий удар.

Герилья + наркотики

Ничего не изменилось в Колумбии ни при новой конституции, ни при новом президенте. Неудивительно, что на очередных выборах М-19 потерпело поражение; с ним были связаны надежды на перемены, но каких перемен могут добиться даже самые радикальные революционеры через единственного своего министра в правительстве олигархии? Неудивительно, что с декабря 1992-го герилья возобновила боевые действия. Кто конкретно был виноват в срыве перемирия, понять невозможно. Президент Гавириа запретил средствам массовой информации что-либо

сообщать о партизанах и даже упоминать их (такое впечатление, что его послушали и в России; о связях герильи с мафией еще иногда скажут, но больше ничего, пусть даже бои идут на окраинах Боготы, как в октябре этого года).

Десятилетия вооруженной борьбы ожесточили партизан. На войне все средства хороши — видимо, решили они. После падения Калийского картеля ФАРК захватили контроль над остатками мафии, плантациями и путями перевозки наркотиков. Значит ли это, что партизаны сами стали мафией? Наверное, нет, что бы там не писали либеральные газеты. Ведь мафии воевать невыгодно; единственная ее цель — обогащение, а этого проще добиться, договорившись с властями или сидя в «тихом» подполье. Но партизаны продолжают сражаться; сейчас их около 20000; они оптимистично заявляют о том, что к 1998-му году увеличат свои отряды до 40000 человек. Так или иначе, они воюют «за идею». Какая именно это идея — социализм? коммунизм? какие-то варианты «третьего пути»? — сейчас понять нельзя. Но, разумеется, союз с мафией неизбежно накладывает на нее свой тяжкий отпечаток. Если произойдет полное перерождение партизанского движения в мафиозное, это будет трагедия для Колумбии. Потому что погибнет одна из последних возможностей создать какую-то альтернативу существующей системе, которая, рассуждая об экономическом прогрессе, использует большинство населения своей страны в качестве удобрения для этого прогресса.

«Наперекор» № 5 за 1996 г.

Новая мексиканская революция

Что такое демократия? Демократия — это, конечно, не анархия, но все же такой строй, при котором народ может как-то влиять на управляющую им власть посредством периодических выборов. Но если при наличии многих кандидатов всегда побеждает кандидат заранее известный (а если не побеждает, то все равно побеждает, потому что проводят выборы его лучшие друзья)? А если даже победит другой, то это ничего не изменит — так же полиция будет избивать людей, так же будут грабить и жировать «предприниматели», и все так же те, кто слишком много знает или чересчур рьяно требует справедливости, будут без шума исчезать навсегда.

Это — Мексика. Страна телесериалов и дешевой рабочей силы, где, казалось, навсегда потухли угли великой революции 1910-1917 годов. У власти спрут — партия с непроизносимым названием Институционно-Революционная (ИРП). Да, это не диктатура! Есть парламент, есть оппозиция, есть даже какая-то не вполне зависимая пресса — и это можно себе позволить, если вся остальная печать, телевидение и радио, банки и промышленность, профсоюзы, полиция и армия прямо или косвенно контролируются государством, то есть партией, или наоборот (ИРП так давно правит, что стала забывать, где структуры партийные, где государственные). И, заметьте — никаких репрессий... ну, разве что чуть-чуть, да и давно, в 1960-х... При такой райской жизни мексиканский режим вполне заслуженно прослыл супердемократическим, каждый раз шагая в ногу со вре-

менем — раньше поддерживал сандинистов и поругивал Вашингтон, а теперь решил влезть в «зону свободной торговли» северного Старшего Брата — подписал соглашение NAFTA, которое должно было вступить в действие 1 января 1994 года. Еще немного, мечтала мексиканская элита, и мы уплывем навсегда из этой жуткой Латинской Америки, где мятежи и холера, к благословенным империалистическим берегам, где и мерседесы лакированнее, и кока-кола наваристей... Правда, за все надо платить, ну так и заплатим! Мексика — страна не из бедных, вот ею и расплатимся.

Но ведь не вышло! Не вышло, потому что в ночь на 1 января из тропических лесов южного штата Чьяпас партизанские колонны — материализация кошмарных снов всех властей — двинулись на штурм городов. Армия национального освобождения имени Сапаты (EZLN) прогремела на весь мир. В то время, когда уставшие и деморализованные повстанческие движения в других странах вступают в переговоры с государством и складывают оружие, в Мексике, в сонной «демократической» Мексике появляется мощнейшая боевая организация, насчитывающая тысячи бойцов! Буржуи явно поторопились отправить герилью в те же учебники истории, где, казалось, уже давно навеки почил крестьянский революционер Эмилиано Сапата.

Вместе с партизанами в атаку шли крестьяне-индейцы. Они знали, за что сражаются — за свою землю, за право говорить на своем языке и называться индейцем, а не мексиканцем, за школы и больницы для своих детей, за человеческое достоинство, за то, чтобы больше ни перед полицейским, ни перед партийным боссом, ни перед плантатором не снимать шляпу и не становиться на колени; словом, за свободу. За свободу они шли в бой в горячие недели января 1994-го и называли ее социализмом.

Конечно, правительственная армия отвоевала все города в Чьяпасе, но не в этом дело. Сам факт вооруженного восстания после десятилетий «благополучия» и «стабильности» заставил власти запаниковать, а народ — проснуться. По стране прокатилась волна демонстраций солидарности с сапатистами, и не только демонстраций — в Мехико и Акапулько взрывались бомбы, в центральных штатах происходили стычки повстанцев с военными, на Севере за-

явил о своем существовании Фронт имени Панчо Вильи — другого героя мексиканской революции. Если бы правительство президента Салинаса продолжало пытаться силой подавить выступления народа, оно столкнулось бы с общемексиканским восстанием; поэтому Салинас запросил мира. Партизаны тоже понимали, что военная победа под боком у США невозможна, другое дело — политическая. Ее сапатисты одержали, сорвав ввод в действие соглашения NAFTA, а потом, в марте, добившись от правительства удовлетворения всех своих требований. Теперь в Чьяпасе существует «свободная зона» — прообраз той автономии, которой повстанцы добивались для всех индейских районов. Здесь, под охраной EZLN, происходит передел земли и имущества в пользу бедняков, возникла система самоуправления.

После январского восстания правительство обнаружило, что первичные «демократические» декорации (пресса, профсоюзы и т.д.) под давлением народного движения против власти ИРП стали вдруг наполняться новым содержанием. Правда, на президентских выборах в августе вновь выиграл кандидат правящей партии (оппозиция считает, что результаты вновь подтасовали), но Мексика уже не будет прежней. Возврата к мертвой «стабильности» нет; об этом говорит и возросшая активность рабочих и крестьянских организаций, и серия политических убийств (результат разногласий внутри правящей клики), потрясших страну.

Несколько лет назад в Мексике не было никакой маломальски революционной борьбы, но теперь она есть и можно сказать: **БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

Мустафа
(«Вуглускр» № 2 за 1994 г.)

Колибри с красным хвостом

От автора:

Эта сказка написана по мотивам одноименной сказки некоей аргентинской женщины Лауры Деветач.

Южный ветер живет в глубокой пещере на ледяном плато Антарктиды. Он любит играть в игры, которые выдумывает сам. Каждый год, когда приходит его день, он с радостным воем проносится над океаном, поднимает огромные волны, опрокидывает рыбацкие суда, пугает смерчами пастухов в пампе, раскачивает нефтяные вышки, рвет электрические провода, срывает листы жести с крыш и своим дыханием замораживает верхушки деревьев так, что по утрам они сверкают на солнце, как серебряные. Малыши, которые еще совсем мало прожили на нашей планете, спрашивают старших:

— Кто это сделал?

— Это Южный Ветер, — отвечают папы и мамы. — Зима пришла.

— Как красиво! Хорошо, что зима, — радуются малыши, а папы и мамы только качают головами. Они-то знают, какое зима нелегкое время.

А Южный Ветер летает над всей пампой, над всеми городами и поселками, хватая людей за носы и уши, забирается под одежду, и люди ругают его, и прячутся за крепкие двери домов.

— Чего вы ругаетесь? — спрашивает Южный Ветер. — Я же играю!

— Холодно, — жалуются люди.

— Я специально прилетел из Антарктиды, чтобы здесь поиграть! — возмущается Южный Ветер. — Ведь меня ждут ваши дети.

Он немного лукавит, потому что дети ждут не его, а мягкий пушистый снег, но снег Южному Ветру обычно лень тащить через океан, хотя в Антарктиде этого добра невероятно много. Девять скучных месяцев Ветер только и делает, что запускает снежных змей, которые, шипя, расползаются по ледяной пустыне.

— Ну и где снег? — спрашивают дети.

Ветер ничего не отвечает, а тыкает острыми щупальцами им в ботинки; ему нравится, как дети подпрыгивают и прихлопывают, стараясь согреть ноги.

— Холодно, — жалуются дети.

— Тому, кто со мной дружит, никогда не бывает холодно, — назидательно говорит Ветер. — Не верите? Посмотрите-ка на Фернандо.

И действительно, как это ни странно, но полицейскому Фернандо никогда не холодно. Он всегда стоит возле аптеки, напротив школы. Фернандо — добрый полицейский; он очень любит мальчиков и девочек, которые учатся в этой школе, и охраняет их от всяких неприятностей. Когда первоклассники, заигравшись, выбегают с тесного школьного двора на улицу, Фернандо громко говорит: «Сеньоры, покиньте проезжую часть! Можно попасть под автотранспорт!» Хотя почти никакой транспорт по этой улице не ходит, но Фернандо, как и любой полицейский, уверен: если дети здесь привыкнут бегать по проезжей части, то и везде будут бегать, пострадают сами и нарушат уличное движение. Обычно его слушаются с первого раза, а если не слушаются, то полицейский ловко хватается за кого-нибудь из шалунов и спрашивает: «Ты хочешь в тюрьму?» Но это случается очень редко; еще реже найдется невоспитанный мальчишка, который ответит: «А я из тюрьмы убегу!» Фернандо ласково улыбается: «Посмотри на мой Большой Пистолет». Он очень добрый полицейский.

Каждое утро сторож сметает сухие листья в кучу в углу школьного двора и открывает железные ворота. На улице туман — на самом деле это лохматая борода Южного Ветра,

который любит по утрам отдохнуть, разлегшись на крышах. Из тумана бесшумно выезжает длинный автомобиль сеньора Директора. Директор слегка кивает полицейскому Фернандо. Полицейский улыбается; Директор не улыбается, потому что он не улыбается никогда — у него очень тяжелая и ответственная работа. Он входит в школу и сразу направляется в свой кабинет, чтобы приготовить для учителей Черные Портфели.

Через туман от автобусной остановки идут учителя, они вежливо здороваются с полицейским Фернандо, и только сеньорита Соня не здоровается с ним. Завидев ее, Фернандо отворачивается. Рассматривая витрину аптеки, он слышит, как дети, которые уже стоят у школьных дверей, кричат: «Здравствуйте, сеньорита Соня!» «Здравствуйте», — отвечает сеньорита Соня. «А у нас сегодня будет диктант?» — «Обязательно», — говорит сеньорита Соня.

У крыльца, под большими кленами, с которых уже опали все листья, собираются ученики. Даже когда сторож распахивает двери, они не спешат в тепло, а ждут друзей, чтобы войти вместе. Они играют с холодом.

«Уф-уф-уф», — говорят они, выпуская в морозный воздух пар, который становится дымом воображаемых сигар и трубок. Лена тоже курит воздушную сигару; она смотрит на улицу, размытую туманом, как мокрая акварель. Наконец появляется Густаво — сначала плоская тень, затем объем и яркий цвет. Лена любит рисовать, любит подбирать краски к закату над морем или к речным водоворотам. В школе она рисует на последних страницах своих тетрадей.

Густаво — выдумщик и фантазер. Он сдергивает с головы невидимое сомбреро и раскланивается с Леной. Лена делает непроницаемое лицо, как у артистки в одной телепередаче. Густаво опять расскажет ей о том, чего не может быть никогда.

— Представляешь, в старом заводском саду, — рассказывает он, — я их видел так же, как тебя сейчас.

Лена знает, что ничего он не видел и верить ему нельзя, но все-таки спрашивает:

— Какие они?

— Ты нарисуй! — говорит Густаво. — Я расскажу, какие, а ты нарисуй. Я принес тебе новые карандаши.

Лена и Густаво поднимаются на первую ступеньку, потом на вторую. Осталось еще пять ступенек и девять минут до звонка — четыре, чтобы порисовать карандашами Густаво.

— Сегодня пишем диктант из иностранных слов — говорит сеньорита Соня.

Мальчики и девочки переглядываются. Дверь класса плотно закрыта, зима осталась снаружи. Южный Ветер покрывает инеем оконные стекла, пробует сквозняками щели в рамах — ему хочется добраться до кактуса, который невозмутимо цветет в горшке на подоконнике, как будто зима его не касается. На заледенелом стекле окна рядом с партой Лены и Густаво нарисовано сердце; преподаватели часто приказывают дежурным стереть его, но сеньорита Соня никогда этого не делает. Она знает, что сердце все равно появится снова.

— Пишите: нотариус... сегмент... перпендикулярный...

На учительском столе лежит Черный Портфель. Портфель нужен для того, чтобы сеньор Директор вовремя узнал, если у кого-то из учеников возникнут трудности в учебе — ведь учителя могут и не заметить — и помог их преодолеть. Сеньор Директор очень умный и желает всем только добра, а не улыбается оттого, что у него очень ответственная работа.

Лена и Густаво быстро пишут иностранные слова, продолжая игру, для остальных невидимую. Только Южный Ветер понимает, чем они занимаются, и, рассерженный, набрав во дворе горсть песка, швыряет в стекло. Но на него никто не обращает внимания. Лена научила Густаво рисовать так, как рисует она сама, когда под рукой нет ни красок, ни фломастера, ни даже пара морозного утра.

— Циклон; центнер; фейерверк...

Это девочка, похожая на Лену, которая сейчас дописывает окончание иностранного слова, но воздушная Лена в сверкающем белом платье уже на улице незнакомого города, у самого зеленого моря...

— Мутант; муниципалитет; социальная адаптация...

...и играет музыка, а музыка эта Густаво и его друзей, которые как раз выступают в парке на открытой эстраде.

Уверенные пальцы Густаво трогают струны электрогитары, и поток музыки, вырвавшись из парка на набережную, подхватывает Лену, кружит ее среди желтых, синих и красных праздничных зонтов, среди цветущего жасмина. «Это для тебя», — говорит Густаво. «Спасибо», — отвечает Лена; она сказала бы больше, но ей мешают иностранные слова.

— Эвакуация; маневр; малярия... Густаво, Лена! Внимательнее, я диктую каждое слово один раз!

Те из учеников, кто пишут так правильно, что успевают смотреть по сторонам, первыми обнаруживают странные фигуры, возникающие прямо в воздухе. Они смотрят вверх и открывают рты; и попробуйте не открыть рот, если прямо во время диктанта перед вами появятся: ...черно-красная кожаная куртка... крупные ягоды ежевики на дереве с золотыми листьями... принцесса с роскошными косами машет рукой из окна замка... волшебный герой скачет по пампе на рыжем коне... космический корабль звездных пришельцев... и голубоглазая секретная агентка танцует, изгибаясь, как ветка на весеннем ветру... и гимнастки, барабанщики, куклы, котята, и полосатый желто-фиолетовый слон! Скоро весь класс прекращает писать и, задрав головы, разглядывает воздушный карнавал. Одинокие слова сеньориты Сони затихают.

— Что случилось? — спрашивает учительница.

И тут из-под парты, или из-за шкафа, или из дыры в пыльном глобусе взвизгивает что-то ярко-ярко красное — и вихрем проносится от окна к стене, от стены к окну!

— Это колибри! — кричит Густаво.

Это колибри, колибри, настоящие колибри, две птички, каждая не больше ладони, но какие у них красивые хвосты! Как будто два маленьких костра кувыркаются под потолком! Исчезли принцессы, волшебники и секретные агентки, класс наполнился колибри. «У-у-у!» — сказали все ученики.

— Смотрите, смотрите! — кричат все. — Здесь, там, выше, нет, на голове Сан-Мартина! Колибри!

— Что, что случилось? — испуганно спрашивает сеньорита Соня. — Какие колибри, где?

— Над вами! — кричат дети. — Ну посмотрите же!

Учительница оглядывается. Она не видит никаких птиц.

А колибри тем временем — как им это удалось? — стерли с доски все слова, которые сеньорита Соня написала перед диктантом, и летят прямо к Густаво! Прямо к Лене! Прямо к Панчо! Прямо к Мануэлю и Лаурите! Те, кто зажмурился — не разберешь этих колибри, что им нужно? — лишь почувствовали кожей лица прикосновение быстрых крыльев. А те, кто не закрывал глаз, увидели весь мир вокруг сквозь красные перья, как будто сквозь пламя, чище которого нет на свете, и жизнь на миг показалась им сном, а сны и мечты — новой жизнью, которая уже наступила.

— Перестаньте! — говорит сеньорита Соня — Вы все сошли с ума!

Лене вдруг стало очень грустно; так всегда бывает, подумала она, когда хороший человек не может радоваться тому, чему радуешься ты. Она встала с места и подошла к учительнице.

— Посмотрите хорошенько, пожалуйста! — просит Лена.

— Их нет, уверяю тебя.

— А если закрыть глаза сильно-сильно, а потом разом открыть? — говорит Лена и берет сеньориту Соню за руку.

«Нет, нет», — шепчут губы сеньориты Сони. Она опускается на стул, закрывает глаза... открывает глаза и произносит «У-у-у!» На книжной полке между старыми учебниками и пачкой сочинений «Как я провел лето» весело чирикают две крохотные птички с длинными красными хвостами.

— Ура! — кричит Густаво во все горло. — Соня с нами!

И пока все кричали «Ура!», никто не заметил, как тихо отворилась дверь и вошел сеньор Директор. Он проходил по коридору по своим директорским делам и решил, что сеньорита Соня задала ученикам какой-то легкий вопрос, на который хотят ответить все сразу, чтобы получить хорошую оценку, а это неправильно.

— Так-с, — громко сказал сеньор Директор. — Почему кричим?

Ему, конечно, никто не ответил, и сеньорита Соня тоже.

— Нельзя кричать, — сказал Директор. — Надо поднять правую руку и ждать, пока учительница вас спросит. Понятно?

Опять никто не ответил, и сеньорита Соня тоже, и стало так тихо, что все слышали, как колибри на книжной полке

говорят друг другу: «Чип-чип, чип-чип». И сеньор Директор услышал, ведь слух у Директоров гораздо острее, чем кажется детям. Он быстро вынул из кармана Очки, которые есть у любого Директора, одел их и сказал «О-о-о!» или даже «Ого-го!» А потом достал Свисток, который тоже есть у любого Директора, и засвистел, да так громко, что дети заткнули уши. И вдруг в класс вбежал полицейский Фернандо с Большим Пистолетом в руке. «БАХ! БАХ!» — сказал Большой Пистолет. «БУ-БУМС!» — сказал цветочный горшок и немедленно рассыпался, а кактус ничего не сказал, он упал на пол. «ДЗИННЬ!» — сказала оконная рама рядом с Леной, разлетаясь на мелкие осколки, и в окно сразу ворвался Южный Ветер, расшвырял учебники и тетрадки, больно дернул Лену за волосы и с хохотом погнался за кошками.

— Отставить! — скомандовал сеньор Директор, как самый настоящий военный офицер. — Всем ловить птиц!

Полицейский Фернандо сунул в кобуру Большой Пистолет и достал Автоматические Наручники — но что делать он не знал, потому что не видел, кого ловить, у него же не было Очков. А Директор снял Очки, тщательно их протер платком, снова одел и спросил очень строгим голосом:

— Признавайтесь, кто спрятал птиц?

— Сеньор Директор, они вылетели в окно, — говорит Лаурита, и дети, поеживаясь от холода, наперебой подтверждают: да, вылетели, я видел, и я.

— Вы обманываете меня, — сказал Директор, — а обманывать меня могут только Скверные Дети, которыми займется Полиция. Пусть тот, кто принес этих мерзких птиц в школу, встанет и признается во всем.

Но никто не встает. Мальчики и девочки смотрят в учебники, как будто обнаружили там что-то новое. Пальцы Густава крепко сжимают пальцы Лены. Лене больно. Проходит целых двадцать девять секунд, и Директор говорит:

— Хорошо, сеньоры! Я все равно найду виновного и накажу его. Сеньорита Соня, дайте Черный Портфель.

Дети ни разу не видели, как открывают Черный Портфель, который все знает о каждом ученике школы. Они еще ниже опускают головы, и лишь самые смелые или самые любопытные успевают заметить, как сеньорита Соня берет

Портфель, и одновременно в ее ладони вспыхивает огонек зажигалки. Вдруг все слышат удивленный возглас Директора, а Портфель уже лежит на столе, и Директор протягивает к нему руку, но тут же отдергивает, а из Портфеля вырывается огонь, яркий, как самое красное из перьев красного хвоста.

Первоклассники, у которых занятия уже кончились, видят, как сеньорита Соня и полицейский Фернандо вместе идут через школьный двор и садятся в длинный автомобиль сеньора Директора. Автомобиль срывается с места, поднимая вихрь сухих листьев и холодной зимней пыли. Завтра ученикам скажут: диктанта не будет, потому что сеньорита Соня заболела, но ее вылечат, не беспокойтесь. А дети и не беспокоятся, они знают, что Фернандо добрый полицейский.

Южный Ветер, вдоволь нагулявшийся по коридорам школы, летит вслед за автомобилем. В одном переулке он замечает медленно бредущих Густаво и Лену и присаживается на ближайшую крышу, чтобы подслушать, о чем говорят эти хулиганы.

— Покажи их мне еще раз, — просит Густаво.

— Не хочу, — говорит Лена. — Я больше никогда не буду рисовать.

— Ты же не виновата! — убеждает ее Густаво. — Ну покажи!

— Ладно, — вздыхает Лена. Она роется в сумке, достает тетрадь и открывает на последней странице. Южный Ветер, прилепившийся к водосточной трубе, заглядывает через плечо Густаво и охает так, что вздрагивают все печные трубы и телевизионные антенны в округе: на странице в клеточку нарисованы две птички с красными хвостами. Колкое щупальце выхватывает тетрадь из рук девочки, торжествующий Южный Ветер рвется в небо, чтобы унести подальше свою добычу но вдруг чувствует, что взлететь не может. Что случилось? На его лохматую бороду наступил гигантский, выше домов, воздушный слон, фиолетовый в желтую полоску! Ветер пытается выдрать бороду из-под слоновьей ноги, но слон стоит прочнее ледяных скал Ан-

тарктиды. Похищенная тетрадь болтается в двух метрах над землей. Густаво подпрыгивает, хватает ее и прижимает к груди, как самое драгоценное сокровище.

— До чего противные эти зимние ветры! — говорит Лена. — А ведь зима такая длинная... Когда к зиме привыкаешь, кажется, что никогда уже не будет весны.

— А ты весну нарисуй! — говорит Густаво.

Европа и Восток

Дети декабря

Тонкое стальное сверло вонзилось в скорлупу его сна. Сначала боли не было, оно работало где-то в стороне, но вдруг стремительно приблизилось, все ближе, жужжание растет до нестерпимой ноты, это злой механический жук с ядовитым жалом, мама, я боюсь!

Янек открыл глаза и сел. Сердце бешено колотило в стены своей тюрьмы, а снаружи и сверху, над третьим этажом, над чердаками и печными трубами, грохотали двигатели воздушной машины. Потом звук стал слабеть и исчез вдали. Тогда Янек услышал голоса, доносящиеся из гостиной, выпрыгнул из кровати, шлепая босыми ногами по холодному паркету, подбежал к двери и отворил ее.

Мать и отец стояли посреди комнаты. Отец был в пальто. Он не разулся, и грязными следами его мокрых ботинок был истоптан весь пол. Он что-то громко говорил, Янек уловил фрагмент фразы: «...иначе невозможно, мы будем защищаться...», а мама — мама плакала. Янек закричал: «Мама!», бросился вперед и прижался к ней.

— Я побежал, — сказал отец, — не бери в голову, все будет нормально. Ну, пока, сын.

Янек ткнулся носом в широкую, пахнущую табаком ладонь, которой отец хотел погладить его по волосам. Он терпеть не может, когда его гладят, как котенка — ведь он уже взрослый.

— Ты когда придешь? — крикнул он вслед отцу, но тот не ответил, щелкнув замком входной двери.

Мать наклонилась, подхватила его и поставила на подоконник. На улице шел снег, было пусто и тихо, и отец шагал уже между черными деревьями парка.

- Мам, а он на работу пошел?
— Да. На верфь, — еле слышно ответила она.
— А вечером придет?
— Да... Но, может быть, он задержится...
— А дядя Сташек придет к нам в гости?
— Не знаю. Он постарается.

Янек оглянулся: на настенных часах уже девять.

- Мам, а почему вы меня в школу не разбудили?
— Занятий не будет, по радио передали.
— А почему?

— Почему, почему! — вдруг рассердилась мать. — А ну слезай с окна, марш умываться, живо!

Янек хочет слезть и обидеться, но тут вновь возникает звук, разбудивший его. Звук достигает максимума над домом, и в видимое пространство врывается темно-зеленый вертолет, летящий низко над городом в сторону моря, к верфи.

— Мам, а зачем он туда полетел? — удивляется Янек, забыв обиду.

— Он... Его послала власть, сынок.

Янек вспоминает: он видел такое по телевизору.

— Он будет бросать бомбы на верфь? Как во Вьетнаме?

— Нет, нет, сынок, — быстро отвечает мать, почему-то стискивая его в объятиях так, что становится больно — власть просто пугает. У папы, у дяди Сташека и их друзей вышел спор с властью, ну как вы спорите во дворе со Збышеком. А власть не умеет спорить, но у нее есть войско, вот она и пугает рабочих.

— Мам, а Стась говорил, что у нас началась забастовка, и поэтому к нам из Слупска идут танки. Разве забастовка — это война?

Она молчит. Слезы скатываются по щекам. Янек терпеть не может, когда мама плачет, самому тогда хочется заревать в три ручья, но он терпит, потому что мужчины не плачут, а он уже большой мужчина — ему семь лет.

Когда Янек подрос и начал писать стихи, он назвал 1970-й Годом Вертолета.

1979 год был Годом Вскрытых Писем. Власть, все еще

надменная и незыблемая, словно почувствовала, как зреет в стране еще не оформившаяся, но враждебная и страшная для нее сила. Были увольнения и аресты. Были письма, которые вынимали по утрам из почтовых ящиков помятыми, небрежно заклеенными, лишенными тайны, которую должны были хранить они за плотной бумагой конвертов. Через письма к миру Яна впервые прикоснулись грубые цепкие пальцы госбезопасности.

На уроке алгебры Янек сидел через проход от Агнешки. Ему нравилось смотреть, как она отбрасывает выбившийся локон, склоняясь над тетрадью, как высовывает от избытка усердия розовый язычок, вычерчивая преаккуратные графики. Его место было опасным, слишком близко от учителя — на носу конец полугодия, а алгебру он терпеть не мог — но оптимальным для наблюдения за волнующим профилем. Он собирался проводить Агнешку после занятий. Когда прозвенел звонок, он первым выскочил из класса, чтобы перехватить ее в коридоре, но в коридоре стоял бледный и совершенно непонятный Збышек. Таким Янек его никогда не видел. Он схватил Янека за рукав, потащил на лестницу, в темный причердачный тупик, где обычно лицеисты баловались сигаретами, а сейчас никого не было, и выпалил:

— Гжеся арестовали!

— Когда? — механически отреагировал Янек.

— Утром! За ним приехали на машине, чуешь? Я сам видел.

— Обыск был?

— Не знаю, я забежал домой, и к тебе. Чертова политика, говорил я...

— Ты считаешь, это из-за «Нетопыря»?

«Нетопырем» назывался школьный контркультурный журнал, который делали в основном трое — Янек, Збышек и Гжезь — в трех экземплярах: один поступал в общую библиотеку, второй вручали автору «гвоздевой» статьи номера, третий уходил друзьям Гжеся из театральной студии в Новой Гуте.

— Чем им мешает журнал в трех экземплярах, который пишет про «Роллинг Стоунз»?

— Ты отлично знаешь, — сказал Збышек, — что там не только про «Роллинг Стоунз».

Действительно, в последнем номере была статья Яна по истории Польши — вообще-то хохма, но это как посмотреть... Там всегда смотрят «как надо».

Они договорились встретиться вечером и обдумать дальнейшее. Збышек сказал, что достанет телефон, «по которому звонят в таких случаях». Самый осторожный из редакции «Нетопыря», он в своей осторожности зашел так далеко, что контактировал с нелегальными правозащитными организациями, о которых Ян с Гжесем понятия не имели.

— Лучше не ходи пока домой, — сказал на прощание Збышек.

— Да что за ерунда! — взорвался Ян. — Делать гэбухе нечего, как за «Нетопырем» охотиться!

— Ну смотри, — сказал Збышек.

Когда Ян шел домой переулками Старого города, за ним увязался тип в модной меховой куртке. Янек завернул в магазин, вроде отвязался, но вновь столкнулся с меховой курткой нос к носу у газетного киоска на площади. Потом за ним крался черный автомобиль, а когда он, спасаясь, свернул во двор, там оказались две подозрительно толстые старухи, они якобы беседовали, косясь во все стороны глазами-прицепами. Город вдруг перестал быть привычным, знакомым с первых детских шагов, город превратился в ловушку, за любым углом могли поджидать крепыши в штатском: «Руки вверх, лицом к стене! Докладывает первый! Товарищ майор, задание выполнено!»

«Страшно», — честно признался он самому себе. Страшно, от собственной тени впору шараться — хорошо, что теней не было в этот пасмурный декабрьский день. Конечно, его смогут взять без всякой экзотики, без доклада товарищу майору. Он почувствовал себя зверем, мечущимся по снегу на глазах у охотников. Будет ли выстрел? Неизвестно. В том-то и дело, что ничего неизвестно. Его статьи для них, разумеется, мелочь. Но что они могут с нами сделать?

Он вышел на набережную Мотлавы. Берега сковало льдом, но посередине оставалась широкая полоса черной стилой воды. По кромке ледяного поля прыгали воробьи. В самом деле, думал Ян, нам ведь грозит только суровый разговор в большом сером здании. Нам прикажут замол-

чать. Внесут в какой-то список, не примут в институт, не выпустят за границу... Но рабочие верфи шли безоружными против солдат, шли под пули против этой власти. А нам прикажут замолчать, и замолчим? Это будет трусость и капитуляция. Не люблю громких слов, думал Ян, но это значит предать тех, кто погиб в 1970-м.

Там, на набережной Мотлавы, он впервые понял то, что поняли тысячи людей по всей стране, — вновь начинается борьба с невидимым и жестоким механизмом государства. Он понял также, где будет его место в этой борьбе.

Гжеся к вечеру отпустили. Дело, действительно, было в письмах и журнале. «Вы близко подошли к опасной черте, молодой человек. Вы и ваши друзья должны одуматься и изменить свое антигосударственное поведение. А заметки можно писать в официальную прессу, в „Штандар молодых“, например». Обратно домой его на машине не повезли. «Козлы!» — выругался Гжезь, выйдя на улицу.

16 декабря три друга, не сговариваясь, встретились на несанкционированном митинге у ворот верфи — там, где девять лет назад солдаты стреляли в народ.

Не было даже мегафона. Вцепившись в ледяной бетон фонарного столба, Ян видел впереди вознесенную над головами плотной толпы фигурку оратора, до него долетали обрывки предложений: «...памятник... власти нам запретили... нас сегодня десять тысяч... выход один — забастовка!»

— Что, что там говорят? — дернул Яна за штанину какой-то старичок.

— Говорят, что если власти и к следующей годовщине не разрешат строить памятник, то каждый, кто придет на митинг, принесет по булыжнику. И сложим их в кучу, — пересказал Ян.

— А кто это говорит? — не унимался старичок.

Ян пожал плечами: без понятия, но молодой парень, наверное, рабочий, стоявший рядом, сказал:

— Это Валенса, Лех Валенса из забастовочного комитета. Таких людей надо знать, папаша.

«Я объявляю, что сегодня образовался Военный Совет национального спасения. Государственный Совет, в соответ-

ствии с положениями Конституции, ввел сегодня в полночь военное положение на территории всей страны. Я хочу, чтобы все поняли мотивы и цель наших действий...»

Янек тупо смотрел, как в матовой глубине телеэкрана генерал Ярузельский бесстрастно зачитывает свое обращение. Утро 13 декабря 1981 года, воскресенье. Сколько об этом говорили, сколько было шума о передвижениях войск, но войска передвигались, а все оставалось по прежнему: объявлялись и прекращались забастовки, вожди «Солидарности» вели свою политику, а вожди компартии — свою, росли цены, исчезали товары, но за суетой, хаосом, кризисом, за пустыми речами полномочных представителей и лихорадочным пульсом будней все-таки жила надежда на другое будущее. Яна в эти сумасшедшие месяцы не покидало ощущение, что они все бегут по туннелю, впереди — свет, но ветер дует в лицо, но за стенами что-то огромное, неодолимое готовится закрыть им путь, а они бегут, надеясь успеть... И вот обвал. Военное положение.

Назавтра они уже расклеивали листовки в городских электричках. Листовки писали фломастерами, — вся множительная техника оказалась захваченной в первые часы.

Они приклеивали листовки на стекла в тамбурах. Было прикрытие — друзья Збышека из клуба карате, способные задержать милицию. Многие пассажиры улыбались им, хлопали по плечам: «Правильно, парни! Все на митинг придем!» Другие делали вид, что не замечают, третьи шипели, озираясь: «Вы с ума сошли! Вас арестуют сейчас!» Но никто их не арестовал. «Для кого-то мы сейчас выглядим этакими великолепными героями», — сказал Збышек, когда они, израсходовав весь тираж, вышли в Сопоте. «Бездельнику любой, кто работает, кажется героем», — сказал Гжесь.

«Военные заняли верфь!» — выпалил он с порога, но Ян не дал договорить и вытолкнул наружу, подхватив с вешалки куртку, — не хватало только, чтобы мать услышала. На улицах было полно народу, все шли в одном направлении — к Пястовскому валу, к воротам верфи. Чем ближе, тем плотнее становилась толпа, что-то впереди удерживало, тормозило ее. Наконец и они были вынуждены остановиться. Яна посадили на крышу киоска, он, балансируя, выпрямился на скользкой поверхности и увидел колышущееся море, пор-

товые краны вдалеке, а ближе, перед оградой верфи, три сплетенных белых креста, памятник, открытый ровно год назад. Но сейчас между народом и памятником стояли длинные шеренги внутренних войск. В небе над верфью, над высоткой инженерного управления порта кружили два вертолета. Кажется, они и начали атаку.

Гжеся ранило осколком газовой гранаты. Он пошатнулся, закрыв лицо руками, а сквозь пальцы сочилась и капала на снег кровь. Кругом бежали люди, кашляя, спасаясь от слезоточивых облаков, где-то скандировали лозунги и гулко орал мегафон, бухали разрывы гранат, стрекотали винты вертолетов, пикирующих на толпу (говорят, они в суматохе закидали «черемухой» своих тоже), а сквозь клубящийся белый туман были видны цепи наступающих солдат. Вдруг совсем рядом, за углом дома, раздалось несколько выстрелов. Ян, обхватив ослепшего Гжеся за плечи, тащил его к переулку. Огромный взвэшник, возникнув из тумана, рванулся к ним, замахиваясь тяжелой штурмовой дубинкой, но на пути его оказался какой-то парень. Ян втолкнул Гжеся в проходной подъезд, оглянулся: драка шла полным ходом.

На соседнюю улицу силы правопорядка не сунулись: там скопились возбужденные, злые рабочие. Ян крикнул: «Здесь раненый! Кто может помочь?» Подбежала женщина: «Что с ним?» «По-моему, осколок», — сказал Ян. «Я — медсестра, отведите его ко мне, сюда», — Гжеся увели.

Завыла сирена. Ян вздрогнул, но это была не милиция, а скорая. Машина медленно пробиралась по узкой улице, светлые мертво-синие блики включенной мигалки скользили по стенам, по стеклам, по лицам расступившихся людей. Машина проехала мимо. Ян увидел напряженный профиль водителя и девушку в белом халате. Следом за скорой шла женщина в распахнутом пальто, спутанные волосы развевались, на щеке алела свежая ссадина. Она повторяла: «Убили его... убили его...» Кто-то схватил ее за рукав: «Кого? Кого убили?» — «Антони Броварчек, — сказала женщина — Антони Броварчек. Они стреляли в него».

Кто-то шумно вздохнул над ухом. Ян обернулся и увидел Збышека и всю его каратистскую команду, и у всех глаза были красные, некоторые просто плакали, но не от боли

и не от страха, конечно. Скорее всего, от слезоточивого газа. 81-й стал Годом Газа. Как и некоторые из последующих лет.

Вечером их группа собралась у Ренаты. Рождество было на носу. Збышек достал бутылку контрабандной русской водки и после разговора («разбор полетов» в сегодняшней акции) торжественно водрузил ее на стол. Ян не хотел пить, он ушел к окну, сел, прижавшись к стеклу лбом, и стал смотреть на кусок стены напротив, выхваченный из темноты золотым и теплым пятном света. Стена была пестро расписана лозунгами анархистов поверх лозунгов «Солидарности», и на нее падала проекция его тени.

Он немного устал. Шесть демонстраций в две недели! И в университете черт знает что... Но милиция сегодня вновь отступила, и надо надеяться, это отступление означает отступление власти еще на шаг, пусть маленький, но еще на один. Да, сегодня было веселее. Веселым был весь 88-й год.

— Классно сегодня было, а? — сказал Гжесь, опускаясь рядом на подоконник.

— Ба, какие люди пожаловали... — вяло произнес Ян. Гжесь за последнее время сильно изменился, вырастил бороду и работал в Управлении железной дороги. Его дочери уже год, он редко появляется теперь на их тусовках. Шрам через скулу остался у него с декабря 81-го.

— Классно, — снова сказал Гжесь. — Но ответь, долго ли это может продолжаться?

— Что — продолжаться? — сухо спросил Ян. Он понял, о чем пойдет речь. — Борьба?

— Ну извини, — усмехнулся Гжесь. — Ты, конечно, крутой подпольщик, где мне спорить.

Это его разозлило. Да, никогда они в Гданьске не сидели сложа руки, пережив все взлеты и спады движения, и увольнения, и месяцы тюрьмы, и голодовки, и бои с милицией, в самые трудные времена они находили возможность действовать, — и вот теперь, когда дряхлеющий режим близок к падению, их обвиняют в том, что они слишком... слишком активны.

— Забастовки и борьба на улицах — две части революции, — также холодно ответил Ян.

Он любил Гжеся, они всегда были вместе, от школьной скамьи до нар в тюремной камере.

— Согласись, какое требование всех забастовок? Регистрация «Солидарности». Забастовки координирует «Солидарность», чтобы заставить правительство пойти на переговоры...

«И откуда у него этот менторский тон? — поразился Ян, — всего-то на год старше, профессор».

— ...и поэтому, когда в Гданьске каждый день воюют с полицией и поджигают комиссариаты...

— Не каждый — сказал Ян.

— «Солидарность» предала нас! — слишком громко сказал подошедший Збышек. Он слегка покраснел от контрабандной водки.

— Ну подумай сам, что вы можете без «Солидарности»? — миролюбиво спросил Гжесть.

Яну надоело, он встал и вышел. Праздник продолжался, гости разбрелись по просторной квартире. Он открыл какую-то дверь — там целовались. Побрел на кухню. За столом сидела Рената — одна. Он сел напротив и спросил:

— Не помешаю? Ребята опять сцепились за политику, я сбежал.

Она спокойно улыбнулась: «Не помешаешь».

Несколько минут они молчали, каждый думал о своем. Ян вспоминал, как в мае забастовала Нова Гута, ждали всепольскую стачку, молодежь окружила костел Святой Бригиты, и когда после мессы вышел Валенса, принялась скандировать: «Но-ва Гу-та! Но-ва Гу-та!» Валенса стоял в дверях; казалось, он растерялся. «Скажи нам, Лех, скажи!» — закричал рабочий рядом с Яном. Скандирование стихло. Возникла пауза, несколько томительно-тихих секунд, но Валенса молчал, и тогда вновь загрохотало: «Но-ва Гу-та! Ют-ро страйк! Ют-ро страйк!» Валенса открывал рот, он уже говорил что-то, но было поздно. Ян знал, что Валенса скажет, и, посмотрев на лица вокруг себя, понял, что и они знают. Вокруг него были дети декабря. Власть стреляла в их отцов, власть читала их мысли, государственная власть, сжав обруч границ, учила их жить, и не ее вина, что номер не прошел, что они хлебнули свободы. Они пили свободу, сначала защищаясь, а затем штурмуя плечом к плечу още-

тинившиеся овчарками и водометами стены государства. Они не хотят забыть это. И Валенсе их не понять.

Внезапно Ян заговорил о текущем моменте:

— Понимаешь, Рената, сейчас «Солидарность» готовится к переговорам. Власть слабеет. Ей нужна живая кровь, чтобы помолодеть, и она ее получает от «Солидарности». И у Польши будут новые хозяева, но власть...

Она дотронулась до его руки. Он спохватился:

— Извини. Чертова политика.

— Что пишет Агнешка? — спросила она.

Он пожал плечами, вспоминая.

— Что пишет? Написала, как устроилась. Сплошные восторги. Канада все-таки.

— Ты по-прежнему пишешь стихи?

— Ты помнишь? — улыбнулся он. — Иногда. Изредка.

— Мне нравилось стихотворение о символах лет, — сказала она. — Только символы страшные.

— Времена были такие.

— А будут другие? Мы будем когда-нибудь жить... Ну, как в Канаде?

— Я бы не хотел, — сказал он. — Я не хочу прошлого, но не хочу и как в Канаде. Наверное, надо жить по-другому.

— По-другому?

— Да. Иначе.

— А как? — спросила она.

Хроника сопротивления польского общества власти (1956-1989 гг.)*

1956 г. — восстание рабочих в г. Познань.

1968 г. — студенческие волнения в Варшаве и других городах.

декабрь 1970 г. — рабочие выступления на побережье против повышения цен. Рабочие были расстреляны, но правительство было вынуждено вернуть прежние цены. Выступления привели к смещению руководства ПОРП. После этого каждый год в декабре проходили несанкционированные митинги рабочих с требованием поставить памятник погибшим.

1976 г. — рабочие выступления в Радоме и Урсусе, аресты, увольнения. Впервые на защиту рабочих поднимается интеллигенция,

* Данное приложение к тексту «Дети декабря» было подготовлено Петром Рябовым.

которая, помимо традиционных диссидентских форм (самиздат, подпольное издательство «Нова», клубы католической интеллигенции, Конфедерация Независимой Польши и др. организации) создает КОР — Комитет Защиты Рабочих, а затем КОС — Комитет Общественной Защиты, занимающиеся юридической и материальной помощью преследуемым Властью.

1976-1980 гг. — создание во многих городах Польши альтернативной системы образования, по преимуществу подпольной: ТНК — Товарищество Научных курсов (они тайно собирались на квартирах, профессора и ученые читали лекции по гуманитарным проблемам, наиболее интересные материалы печатались в газете «Письма ТНК»). Создание первых Свободных профсоюзов.

август 1980 г. — забастовка на судовой верфи им. Ленина в Гданьске выливается в общепольскую забастовку. Создание Межзаводского Забастовочного Комитета, а затем Независимого профобъединения «Солидарность». Кризис Власти и ПОРП. Переговоры «Солидарности» с правительством.

13 декабря 1981 г. — военный переворот, введение военного положения в Польше, запрет «Солидарности», разгром ее материальной базы и оргструктур, арест и массовое интернирование ее активистов. Военный режим генерала Ярузельского.

1981-1988 гг. — находящаяся в подполье «Солидарность» выпускает свои издания, в ней состоит 1 миллион человек. Поездка папы Иоанна Павла II в Польшу сопровождается митингами и демонстрациями.

1988 г. — возобновление забастовок в Гданьске и других городах с требованиями легализации «Солидарности». Массовые выступления и столкновения с милицией. Режим Ярузельского, опиравшийся на советские штыки, оказывается в полном вакууме. Лех Валенса, живший в 1981-1988 гг. в Гданьске как частное лицо, впервые получает возможность обратиться с телеобращением к полякам.

весна-лето 1989 г. — легализация «Солидарности». На выборах ПОРП терпит полный крах, премьером становится активист КОС-КОРа и эксперт «Солидарности» Тадеуш Мазовецкий. ПОРП распадается.

«Наперекор» № 1 за 1996 г.

Польша: новые левые

- Что, много стоит Валенса?
- Тридцать тысяч.
- Дороговато для него.
- Ничего, туристы купят!

*(разговор с продавцом статуэток
на рынке Старого Мясга).*

Чего только не бывает на этом свете — саперные лопатки получают новое назначение, совжурналы печатают Солженицына, фашист с экзотических островов жмет руки руководству коммунистической «империи зла». В один прекрасный день и со мной случилось маленькое чудо: я очутился в Варшаве, обладая знанием нескольких польских слов и банкой румынской говядины (последнее, как выяснилось, весьма кстати, поскольку цена мяса за килограмм — от 15 рублей и выше).

До того я знал современную Польшу как страну торжествующей «Солидарности» и клеймящей все и вся страшной команды бузотеров под названием «Вольность и покой» (ВИП). В сентябре в Варшаве «Солидарность» предстала передо мной лишь в виде множества сувенирных значков да лиц в телеэкранах, но представителей ВИП я довольно быстро обнаружил нагло возлежащими на тротуаре подле здания сейма. Завязался диалог, откуда выяснилось, что русский язык, относясь к числу самых изучаемых в Польше, ни в коей мере не относится к числу самых знаемых. Однако славяне всегда друг друга доймут.

ВИП объявили голодовку в поддержку требований обжекторов, т.е. людей, не желающих служить в армии. Альтернативная служба — в госпиталях и т.д. — в Польше уже

существует (достаточно написать заявление, что ты пациент), однако зарплата при этом мизерная, а служба на год дольше. О том и повествовали развернутые возле пикета лозунги, на которые прохожие варшавяне реагировали положительно, а как сейм — не знаю.

После серии приключений вокруг языкового барьера ВИП удалось-таки отфутболить меня на улицу Вспольна в бюро ППС-РД (Польская социалистическая партия — революционно-демократическая) — организации, доселе практически неизвестной в СССР, но быстро набирающей влияние в Польше. Ниже следует текст беседы с активистами ППС-РД — обаятельным Петром Иконовичем и удивительно красивой молодой женщиной Сюзанной Дабровской. При расшифровке стенограммы не удалось точно установить, где отвечала Сюзанна, где Петр, поэтому здесь они выступают как единое целое. Разговор шел по-русски: вполне возможно, что некоторые нюансы выпали — увы, КАС пока не располагает штатом международных-полиглотов.

ВОПРОС: Как известно, польская социалистическая партия — ППС — исчезла в результате слияния с Польской рабочей партией в 1948 году. ППС-РД — продолжатель традиций парой ППС?

ОТВЕТ: Преемственность существует, но мы видим ее в борьбе за интересы народа, а не в слиянии с коммунистами. Кстати, и в 1940-х годах многие деятели ППС видели пагубность такого слияния. Например, Казимеж Пужак — позднее он был репрессирован.

ВОПРОС: Какова история создания ППС-РД?

ОТВЕТ: Инициативная группа возникла в редакции неформальной газеты «Рабочий», выходящей с 1983 года. В Польше не было левых партий, самая левая по названию — ПОРП — вела правую политику, а «Солидарность»... Мы пригласили тех людей оттуда, которые считались левыми, например, Яна Юзефа Липского. Но большинство из них смотрело в рот Валенсе. Одним словом, ППС была провозглашена 15 ноября 1987 года, но сразу выделились фракции, условно-старая и молодая. Произошел раскол. ППС, это партия Липского, выступает сейчас за реформы вместе с ПОРП и Валенсой. Мы в это не верим.

ВОПРОС: Каковы же цели ППС-РД?

ОТВЕТ: Рабочий контроль над предприятиями. Самоуправление на всех уровнях — производственном и территориальном. Перестройка парламента; депутат может быть отозван избирателями в любой момент. Мы поддерживаем программу I съезда «Солидарности» (сентябрь 1981 года), которая была по-настоящему социалистической. Это был демократический и открытый съезд, в отличие от недавнего «круглого стола». И, как следует из названия, мы — за революцию.

ВОПРОС: Вы — против реформистского пути и за революцию. У нас в Союзе можно услышать, что демократическое государство еще хуже фашистского, поскольку прикрывает «звериную сущность» государства вообще. Как вы относитесь к такой позиции?

ОТВЕТ: Отрицательно. Демократия — самая важная вещь. Но в Польше проводятся два типа реформ: первые расширяют свободы, вторые — капиталистические. Вот их мы не можем поддержать. Правительство хочет построить в Польше капитализм...

ВОПРОС: А рабочие капитализма не хотят?

ОТВЕТ: За всех рабочих говорить не могу. Многие хотят, чтобы «Солидарность» оставалась профсоюзом.

ВОПРОС: Ваше отношение к правительству Мазовецкого?

ОТВЕТ: Чего не сделают коммунисты ради денег! Правительству ПОРП Международный Валютный фонд денег не давал, а теперь будет давать. Коммунистам нужна была поддержка, они ее получили. «Солидарность» стала фасадом для антирабочих экономических планов. Чудесный план разработал для Польши Сакс, ранее работавший советником МВФ в Боливии. Но мы не хотим стать ни Боливией, ни Венесуэлой!

ВОПРОС: Какова суть экономической политики правительства?

ОТВЕТ: Валенса и Мазовецкий продают экономику Западу. Появилось много очень богатых людей. Частный капитал проникает всюду, даже на верфи. Есть уже десятки примеров. Американцы из Ай-си-эл, например, внедрили в деревообрабатывающую и мебельную промышленность, и, похоже, хотят монополизировать эту отрасль. Внешний долг становится механизмом эксплуатации польских рабочих.

ВОПРОС: Как вы представляете себе революцию?

ОТВЕТ: Радикальное изменение системы власти через массовое забастовочное движение (при этом мы создаем, что забастовка больно бьет и по самим рабочим). Органы самоуправления предприятий, взяв власть, смогут сами выбрать, как и кто будет управлять предприятием. Для нас форма собственности — не фетиш. В отличие от анархистов мы считаем, что государство должно существовать еще долгое время. Мы не любим государство, но оно необходимо.

ВОПРОС: Извини, Сюзанна, возможно, польские анархисты требуют немедленной отмены государства, но для КАС — это длительный процесс. Какими методами вы действуете?

ОТВЕТ: Мы хотим сделать «Солидарность» реальным профсоюзом. Половина наших членов — рабочие из «Солидарности». Мы стремимся построить профсоюзы по отраслевому принципу, а не по региональному, как сейчас. Этому противодействует бюрократия «Солидарности». Проводим демонстрации, проводим кампанию против закрытых предприятий. Выходит «Рабочий» и другие издания. В прошлом году 8 наших товарищей были арестованы за забастовки.

ВОПРОС: Еще немного о демонстрациях. Требуется какое-то разрешение?

ОТВЕТ: Разрешение? Нет, мы просто выходим. Допустим, подойдет милиция, спросит, демонстрация легальная или нелегальная? Мы скажем: нелегальная. Ну и что? Не будут же они бить нас, чтобы завтра пресса написала: вот, в Польше опять бьют демонстрантов.

ВОПРОС: Н-да... Расскажите о структуре партии. Что определяет членство — какие-то документы?

ОТВЕТ: Нет, никаких членских билетов. Значки и активность. Есть совет из 10 человек, избранный на съезде. Его заседания открыты. Может прийти каждый. У нас нет лидера. Сейчас у нас порядка 200 человек, когда партия станет массовой, мы считаем неизбежным возникновение некоторого освобожденного аппарата, иначе работать будет просто невозможно.

Из формальных признаков, кроме значков, есть флаг, довольно привлекательный для анархистов — черные буквы ППС-РД на красном фоне.

ВОПРОС: С какими неформальными организациями вы работаете? Кто ваши партнеры?

ОТВЕТ: Партнеров нет и в этом проблема. ВИП — не организация, это не политическое движение, с нами очень трудно что-то скоординировать. Есть радикальная партия, состоящая из 3-х человек. Много работаем с «Оранжевой альтернативой». Есть контакт с Независимым союзом студентов, но они были радикальны, пока боролись, за регистрацию. «Солидарность» их просто покупает — она способна платить за пустячную работу, за какое-нибудь ксерокопирование листовок три месячных зарплаты рабочего. Короче, в Польше снова нет оппозиции. На рабочих — вся надежда.

ВОПРОС: Каково ваше отношение к территориальным проблемам между Польшей и СССР?

ОТВЕТ: Вильно, Гродно, Львов — для многих поляков не просто географические названия, с ними связана наша культура. Но, наверное, если бы сейчас что-то случилось и эти земли опять отошли к Польше — не стало бы лучше. Население этих территорий должно свободно решить, находится ли в составе какого-либо государства или провозгласить независимость. А поляки, мне кажется, должны иметь право свободного въезда туда, покупки дома, иметь право жить там, если пожелают. Вообще, ты, вероятно, видел на стенах Варшавы один из наших лозунгов: «Европа без границ!»

Похоже, традиционное противостояние Запад-Восток сменяется противостоянием между народами и правящими группами. Народы, борющиеся за демократию, объективно являются союзниками. Может быть, настало время создать новый интернационал, и создать его в Восточной Европе.

* * *

Вечером 22 сентября по польскому ТВ состоялись дебаты между представителями левых групп и коммунистами (последние, кстати, заявили о неминуемом в ближайшее время социал-демократическом расколе ПОРП). Под телекамеры прорвались даже ВИП, шантажируя ответственных чиновников присутствием западных корреспондентов на

пикете перед сеймом. Впрочем, роль ВИП свелась к периодическим выкрикам: «Петрик прав! Петрик прав!», ибо Петр Иконович, разгромив противников и завожив аудиторию, стал истинным героем вечера. А нам остается только поздравить ребят с несомненным пропагандистским успехом и пожелать, чтобы некоторые трудноприемлемые для правоверного анархиста фразы Петра и Сюзанны не помешали сотрудничеству КАС и ППС-РД — а то, увы, до сих пор из советских неформалов они знали лишь ветерана диссидентского движения Б. Кагарлицкого.

27.09.89.

(«Община» № 37 за 1989 г.)

В Греции все есть

События января 1991 года в Греции не освещались советской прессой, видимо, из опасения подать «дурной пример» своим студентам. И зря — нашего студента на настоящие баррикады и колбасой не заманишь. Поэтому мы смело публикуем вольный перевод статьи из леворадикального немецкого журнала «КЛЭШ».

Есть непопулярные правительственные реформы, есть полицейское насилие, но существует и молодежь, осмелившаяся бороться за свои права.

Два дня, 10 и 11 января 1991 года, улицы и площади Афин стали ареной таких жестоких столкновений, каких греческая столица не помнит со времени «черных полковников». Они были вызваны стремлением властей подавить выступления молодежи против правительственного проекта реформы системы образования.

Проект появился в конце 1990 года. Он предусматривал введение для учащихся оценки за посещаемость и за поведение как в учебное, так и во внеучебное время (не набравшие нужного количества баллов остаются на второй год). Введение для студентов платы за экзамены и учебники. Замеченные в неофициальной политической активности должны были быть исключены из учебных заведений. Отменялась неприкосновенность территории ВУЗов для полиции.

Греческая система образования — устаревшая и неэффективная. Не хватает преподавателей, хотя многие из них и пополняют очереди безработных. Учебные здания нуждаются в ремонте. А обсуждение в правящих кругах антизаба-

стовочного и антитеррористического законов, а также возможной реабилитации членов военной хунты 1967-1974 гг., усугубило и без того существовавшую в студенческой среде напряженность.

Поводом к началу выступлений послужило закрытие нескольких общежитий и повышение цен в студенческих кафетериях. Массовое движение развернулось в декабре 1990 года, когда учащиеся в Салониках и Ретимноне (Крит) оккупировали гимназии. Вести об этом быстро разнеслись по всей стране. Сыграла свою роль и самоорганизация студентов. Оккупационная стачка охватила Политехникум и другие ВУЗы. 6 и 8 декабря демонстранты в столице сражались с полицией. Правительство заговорило о переговорах, призывая студентов прекратить оккупацию на Рождество, но в это время в Афинах полицейские зверски избили школьника. Забастовка продолжилась. К студентам присоединились преподаватели.

8 января в разных районах страны на захваченные учебные корпуса напали фашисты и члены ONNED («Новые демократы» — молодежная организация правящей партии). В Патрах на помощь студентам пришли родители и учителя, и один из них, Никос Темнонерас, был убит. Позже выяснилось, что убийцы были связаны с сотрудниками премьер-министра Мицотакиса. Всех троих арестовали; и хотя TV сначала обвинило «анархистов», страна узнала правду. По всей стране преподаватели присоединились к забастовке. Министр образования отступил. Он заявил о заморозке проекта и призвал к переговорам.

10 января. Огромная демонстрация в центре Афин. Убийство учителя возмутило людей. Когда демонстранты заняли площадь Омония, одну из самых больших в столице, полиция начала газовую атаку. Неизвестно почему полицейские обстреляли газовыми патронами книжный магазин на соседней улице. Возник пожар, в охваченном пламенем здании задохнулось четыре человека. Видимо, один из них был сильно избит, и смерть наступила не от удушья. Потом средства массовой информации пытались свалить ответственность за пожар на анархистов (именно эта версия прозвучала и по советскому телевидению), но хозяин магазина и свидетели заявили, что это дело рук по-

лиции. Полиция препятствовала борьбе с огнем, один из пожарных был доставлен в больницу с отравлением слезоточивым газом.

Вид горящего дома и атаки полиции привели демонстрантов в ярость. В ход пошли камни и «коктейль Молотова». Полсутки полиция пыталась вытеснить людей с улиц и проникнуть в Политехникум. (Политехнический университет — традиционный центр студенческой оппозиции, ставший всемирно известным после восстания против военной хунты в ноябре 1973 года — *прим. пер.*) Студенты перегородили улицу перед Политехникумом баррикадами и огненными заслонами. Во время последней попытки штурма сторел административный корпус. Два человека арестованы, сотни ранены. Сообщалось о 28-ми пострадавших полицейских.

11 января. Все были взбудоражены, даже люди, не занимающиеся политикой, собирались идти к парламенту. Деятели ПАСОК (Социалистическая партия) в галстуках и начищенных ботинках явились к Политехникуму наживать политический капитал. Демонстранты начинают движение, переругиваясь с проскальзывающими мимо «новыми демократами». Полиция уже ждет. Дальше — газ, «коктейль Молотова», сожженные машины, разгромленные государственные учреждения, мебель которых пошла на строительство баррикад. К семи утра все успокоилось. 50 человек было арестовано.

12 января. Студенты Политехникума отбили еще одну попытку штурма. По всей Греции студенты и школьники захватывали учебные здания. В Салониках полиция атаковала университет. В Патрах — уличные схватки. Демонстрация в Афинах под лозунгом «Война уже началась — здесь!» В воскресенье с флагштока в Политехникуме исчез национальный бело-синий флаг, вместо него взвилось черно-красное знамя.

14 января. Объявлено, что 22 человека — схваченные на улицах юноши и девушки — предстанут перед прокурором. Обвинение: мятеж, нелегальная деятельность, использование горючих веществ, сопротивление полиции, нарушение уличного движения. Возраст обвиняемых — от 17 до 25 лет.

Представители Студенческого союза (EFEE) и оккупа-

ционного комитета Политехникума потребовали немедленного освобождения арестованных. Они заявили, что обвинение строится исключительно на основании показаний полицейских, без привлечения других свидетелей. В защиту обвиняемых выступил и депутат Европарламента Димитрис Дессилас. Около здания, где содержали арестованных, прошла шумная демонстрация протеста. Восьмерых демонстрантов задержали, но ночью выпустили (некоторым еще не исполнилось 14 лет). В участке их избивали, требуя кричать: «Да здравствует Мелистас!» (полицейский, застреливший в ноябре 1985 г. 15-летнего мальчика).

17 января. Семеро из двадцати двух подсудимых освобождены под залог в 100000 драхм. Теперь они должны два раза в месяц отмечаться в полицейском участке.

«Передозировка может привести к тяжелым повреждениям или к смерти» — так написано на канистрах со слезоточивым газом. Комиссия Союза врачей Греции сообщила, что применявшийся полицией газ способен вызвать бесплодие у женщин, паралич, заболевания кожи и органов дыхания. Газеты называли действия властей «химической войной в городе». В больницы поступило более 150-ти человек с отравлениями и ранами, полученными в столкновениях.

23 января. Вновь оккупированы некоторые школы и все ВУЗы в Афинах. Забастовка продолжалась.

Январские события не подвели итог противостоянию студентов и властей. В течение всего года то и дело вспыхивали волнения в учебных заведениях. «В Греции есть и рынок, и парламентская демократия, что еще нужно этой молодежи?!» — возмущается буржуазная публика. А тем временем студенты снова выходят на улицы.

*Перевод Н. Травникова
(«Солидарность» № 14-15 за 1992 г.)*

Эта дорога ведет к храму?

В Турции, как и в соседней Греции, все есть. Говорят, даже черноморская рыба эмигрировала в натовские воды, создав на соответствующих базарах изобилие, какого не увидишь ни в Одессе, ни в Сухуми. В Турции есть все, и ежедневно в период навигации неуклюжие катамараны, гордо именуемые «красными», «синими» и прочими разноцветными «стрелами», вываливают в порту Стамбула на «берег турецкий» порции по 300 человек с бывших советских берегов.

Люди сходят по трапу, пошатываясь; они сутки провели в душном салоне, плотно забитом списанными самолетными креслами. Грузины, узбеки, украинцы, ступив на зарубежную землю и представ перед таможенной, тут же становятся унифицированными «русскими». На досмотровом столе возникают батареи бутылок водки, баррикады банок икры, россыпи пачек «Мальборо». Оценив, чиновник решительным жестом сметает часть добра в особые ящики на своей стороне. Протестовать не рекомендуется — действия представителя власти подкреплены молчаливым авторитетом уса­тых автоматчиков, лениво пощелкивающих затворами.

Досмотр прошел — свободен!

Можно идти к выходу в город, за заградительные барьеры, возле которых сверкает бронзой на солнце обязательный бюст турецкого отца-основателя Кемаля-паши Ататюрка. Рядом с причалом на парапете сидят два советских студента-океанолога. Они наблюдают за таможенными сюжетами со смешанным чувством: они тоже оттуда, но —

иначе. Они не торгуют, а работают, и у них есть честно заработанные доллары.

Два друга уже побывали в Стамбуле по пути из Черного моря в сине-синее Эгейское на океанологическом кораблике «Эксперимент», который весь чуть больше шлюпки среднего пассажирского лайнера. Они уже видели и древние крепости Босфора, и берега Дарданелл («Вон те холмы — это же Троя!»), и скалы острова Лесбос. Видели и Стамбул-Константинополь, столицу двух великих империй, но мельком — только один день. Сейчас времени больше.

Идея посетить константинопольскую патриархию загорелась у одного из них, крутого христианина. Второй, демократ (если можно так назвать человека, который не носил трехцветного значка, не любит громких речей и никуда не выставлял свою кандидатуру, а всего-навсего мерз в пикете у китайского посольства и собирал подписи за освобождение политзаключенных), подумав, согласился: интересно ведь увидеть центр православного мира, пусть формально, но сохраняющий главенство над третьим Римом — Москвой. До 1453 года, года взятия турками столицы Византии, патриархия размещалась в огромном соборе Святой Софии. Его купол плывет над городом, охраняемый четырьмя стрелами пристроенных позже мусульманских минаретов — мечеть Айя-Софи, вот как это теперь называется.

Ну а где сегодня размещен патриарх, поди пойми — в путеводителе ни слова, о чем демократ сообщает христианину. «Ерунда, — отмахивается христианин. — Сконструируй-ка по-английски фразу: “Эта дорога ведет к храму?”»

Они покидают набережную, пропахшую нефтью и морем, с криками чаек и грохотом подъемных кранов, разгружающих суда с красными турецкими флагами на мачтах. Здесь кругом государственные красные флаги с белым полумесяцем и звездой. Демократ вспоминает, глядя на них, историю про геноуэзскую, кажется, мирную конференцию, когда турки обиделись на «территориальные притязания» Советской Армении: у армян на гербе гора Арарат, находящаяся на турецкой территории. Чичерин ответил: «На флагах некоторых государств изображена луна, надеюсь, это не означает, что таковые государства на нее претендуют?»

Христианин сдержанно фыркает — он плохо воспринимает юмор, если там фигурируют коммунисты.

Вокруг кипит стамбульская жизнь: разномастные авто туда-сюда, меж ними тяжелые туши переполненных автобусов, на тротуарах жарят люля-кебабы, в уличных чайханах мальчишки разносят чай в миниатюрных стаканах, важные восточные мужчины курят кальян, в глазах у них — кайф. «Покурим?» — спрашивает христианин. «Ты обалдел, лучше бы в Софию пошли». Билет в Айя-Софи стоит четыре доллара, и они предпочли обойти мечеть вокруг, глаза на древние стены, отмахиваясь от чистильщиков обуви, торговцев открытками и порнографией.

Прохожие по-английски не понимают. Банковские кассиры должны понимать, соображает христианин, и действительно — в кондиционированной прохладе банка чиновник откликается на их «Ду ю спик...», однако ничем помочь не может. При разговоре присутствует полицейский: руки на автомате, глаза — прицелы. Неприятно.

Путешествие продолжается. Им указали направление, они бредут по сужающимся улицам вверх и упираются в большой кирпичный дом. Рядом — никого, внутри пахнет сыростью, скрипят полы, стекла кое-где выбиты, на стенах пульверизатором — рисунки и слова. И Ататюрк: статуи, бюсты, портреты. Двери, выходящие в коридор, заперты. Пусто и тихо, только мяучит кошка. «Сюрреализм какой-то, — говорит демократ, — наверное, здесь музей?» Христианин не согласен: «Скорее школа». Неожиданно очередная дверь поддается, и на скрип оборачиваются сидящие за столом две женщины. «Скул?» — «Скул! Скул!» — испуганно кивают турчанки. «А какая улица ведет к Константинопольской патриархии?»

Новый зигзаг через лабиринт константинопольских кварталов, населенных какими-то англофобами, опять выводит на оживленный проспект. У витрины ресторана, где океанологи остановились свериться с картой, к ним подходит коротко стриженный спортивный парень. Его английская речь вполне правильна. «Патриархия? Где-то там, но зачем? Есть девочки, Наташа и Катя, классно танцуют, о'кей?»

Вдоль трассы, глотая пыль пролетающих грузовиков,

отдыхая в тени рекламных щитов «кока-колы»: «Это уже самая окраина, — говорит измученный демократ, — мы с тобой прямо паломники». «Дорога к храму», — многозначительно произносит христианин. Он шутит.

Пейзаж в этом районе иной. Ветхие, облупившиеся дома с узкими окнами, собаки роются на свалках, редкие автомобили подпрыгивают на выбоинах в асфальте, разбрызгивая жижу луж. В лужах играют босые дети. На маленькой площади к автолавке стоит длинная очередь, в двуязычной рекламе на борту можно прочесть что-то вроде «Дешевый картофель». В очереди женщины, некоторые в традиционном мусульманском одеянии, некоторые одеты вроде бы по-европейски, но, в общем, Европой здесь уже не пахнет. По крайней мере, такой, где «есть все».

Друзья-студенты взбираются на вершину холма. Здесь можно отдохнуть, присев на теплые камни развалин римской крепости I века (есть соответствующая табличка). Стамбул — у ног, Босфора не видать за стеклянными параллелепипедами современного квартала. С другой стороны убегают вдаль по склонам красивые контуры полей и садов. «Так мы никуда не придем, — говорит христианин, — надо назад».

Приближаются нетвердой походкой две фигуры, явно не турки. Вид у них такой, будто вылезли из опиекурильни или из того заведения, где Катя и Наташа. Хорошо, хоть говорить могут. Ага, американцы, студенты, Калифорния. «А мы из Москвы». — «О, Россия, Ельт-цин!» — «А вы не знаете, какая дорога ведет к храму?» — «О, знаем, йес, так это вам в обратную сторону до Золотого Рога, а там возле Галатского моста...» — «Сенк ю, бай!»

Знаменитый Золотой Рог, гавань византийского флота, длинный грязный залив шириной с Москву-реку, рассекает Стамбул на две части. Друзья переходят его по мосту, и тут же их встречает разгул рыночной стихии. Здесь как раз турецких слов знать не надо, разве что «тюркиш лира». Жарко. Популярны продавцы пива, фирменные банки плавают в ледяной воде в металлических чанах, в таких у нас мороженое держат, банки вылавливают черпаками. Тут же прокат биноклей, озирать Стамбул с дворцами и минаретами, взбирающийся по горам вокруг залива, и прокат удочек —

видимо, есть чудаки, готовые платить за право выловить кого-то из нефтеносных вод, омывающих опоры моста.

Сразу за мостом их атакует мобильная часть торговой мафии: «Купи часы настоящие “Сейко” семьдесят баксов. Всего!» Цена быстро скидывается до 10 долларов, потом до пяти; часы, естественно, подделка. Дальше простираются ряды рынка, где есть пресловутое «все». В воздухе стоит крик, и там доминируют слова «русский» и «кожа». Кожу в Турции покупать выгодно. Если вы действительно хотите что-то купить, не зевайте: в руках у торговца калькулятор, заменяющий язык, пальцы мелькают над клавишами, на табло загорается цена, но, прежде чем платить, удостоверьтесь, какой курс доллара к лире ввел ваш торговый партнер — сегодняшний или заниженный позавчерашний.

Рынок международен. Продают что-то румыны, болгары, вездесущие поляки. Бывшие советские со стандартным экспортным набором: водка, военная форма, матрешка. Есть и то, что здесь именуют «школа» — советские игрушки, надувные и механические. Поворот ключа, запрыгала пластмассовая курочка, подбирая невидимые зерна. Турок балдеет и лезет в карман за валютой.

«Ребята, вы наши? Продаете? Покупаете?» — «Нет», — отвечают океанологи. Отходят с непонимающей улыбкой — а что тогда вообще делать в этой Турции. В Турции, которая пока «мы» занимались невесть чем, тихо, старательно, трудолюбиво, расстреливая студентов и запрещая профсоюзы, пытая заключенных и сгоняя крестьян с земли, строила капитализм. Построила — лакированное авто, толстый живот, волосатые пальцы в перстнях. Учиться капитализму — вот зачем сюда приезжают.

Свернув с набережной Золотого Рога и пройдя несколько шагов, друзья-океанологи натываются на то, что искали, — резиденцию патриарха, это написано по-гречески на доске, привинченной к крепкой бетонной ограде. За ней — родная православная церковь, правда, архитектуру разглядеть трудно, церковь вся в лесах, и рабочие-ремонтники переговариваются по-турецки. Внутри устроено, как в Европе — ряды мягких стульев для слушателей, можно не ползать на коленях. Идет служба по-гречески, но, кроме участвующих в обряде, в церкви никого. Никого. Только два студента

и плоские лики святых на иконах. Храм, конечная. Демократ сидит тихо из уважения к христианину и христианству, но уже думает о том, куда пойти завтра. Снаружи на площади перед патриархией зачем-то стоит автобус с полицией. Это навязчивая деталь, но куда от нее деться в Стамбуле?

Наутро океанолог-демократ проснулся рано. Он вышел на палубу, где было прохладно и свежо, замер, любуясь городом. Надо запомнить все это, подумал он. Сегодня день, и еще один день, а там по Босфору мимо крепостей и зеленых берегов с тортами-виллами в Черное море и в Севастополь. Надо запомнить минареты, силуэт холмов, запах ветра, вон те рыбацкие фелюги, с которых прямо с борта продают улов богатым туристам: кстати, они здесь, значит, в море не выходили? Вдруг зарычал мотор, на причал выкатился трейлер, и студент увидел, как рабочие в белых штанах быстро-быстро принялись перекидывать из распаханного авточрева на суда какие-то ящики. В бинокль он различил даже надписи на ящиках: «Мороженая треска. Норвегия». Ну ясно, а я-то думал, рыба к ним эмигрировала. Да в Черном море ее просто нет.

Вот, собственно, и весь рассказ о Турции.

«Ровесник» № 8 за 1992 г.

Когда шатаются стены

Китай. Великая стена. Вечная рана полей, осязаемое воплощение сюрреалистических грез «Пинк Флойд», коготь императорского дракона, пробившая века кривая ухмылка Цин Ши-Хуанди. Она — след общества, где все — от раба до высшего сановника — лишь винтики, вращающиеся ради монстра, воплощенного в Сыне Неба, но по сути — внечеловеческого.

Стена — внутренний железный занавес. Она — материальна, ее простучали, обмерили, взвесили всю — от Желтого моря до Гоби, от фундамента, поставленного на костях крестьян, до гребня, приспособленного для боевых колесниц и отданного сегодня пестрой толпе носителей валюты. Она — нематериальна. Стену врастили в плоть страны, в плоть каждого человека. Нет хирурга, который вынет осколок империи из сердец, только сами люди способны сделать это, но только — через боль и кровь. Многим принесет освобождение смерть, но миллионы других, умирая, лишь укрепляют ее корни своими телами. Стена неизбежна. Ее видно из космоса.

Москва. Цветет сирень. Гром праздничных оркестров. Утренние электрички. Кипящий водоворот метро. Оранжевые «Икарусы» на проспектах, умытых первыми грозами. Предсессионная лихорадка — бессонница теплых ночей.

Разрастаются «тусовки» на Пушкинском и в Лужниках; Гдлян — Иванов; Ельцин — Лигачев. В газетах: парламент, демократия, демократия, парламент. И солидные обзоры: нормализация отношений с Китаем, десятилетие реформ, результат положительный; что же мешает нам? Параллельно — тас-

совской скороговоркой о неизвестно почему возникших студенческих беспорядках, но это мало кто читает...

Пекин, 13 мая 1989 года, суббота. К двум часам дня на центральную площадь Тяньаньмэнь начинают втягиваться многочисленные колонны студентов вузов столицы. Лозунги призывают правительство начать равноправный диалог, признать патриотический и демократический характер студенческого движения. Площадь заполнена людьми; студенты садятся большими кругами прямо на бетонные плиты. Организаторы с белыми повязками на головах (символ ненасильственных действий) зачитывают у микрофона текст заявления. На флагштоке у памятника Народным героям развевается черное знамя с желтыми иероглифами «Цзю Ши» — «голодовка».

17 мая, среда. Агенство Синьхуа сообщает: около миллиона жителей столицы вышло на улицы, чтобы продемонстрировать солидарность со студентами. Пятый день голодовки. Температура достигла тридцати по Цельсию, из трех тысяч голодающих 1700 уже в больнице. На Тяньаньмэнь действует «линия жизни»: студенты, взявшись за руки, поддерживают в толпе живой коридор, по которому день и ночь движутся машины скорой помощи. Пользуясь сочувствием железнодорожников, прибывают студенты из других городов: Ханчжоу, Сиани, Тяньцзиня.

Тяньаньмэнь ждет Горбачева. «Демократия — наша общая мечта!» — написано на транспарантах по-русски.

Студенческие волнения охватывают Шанхай.

Газета «Правда»:

М.С. Горбачев: Китайская кухня очень хорошая. Я думаю, что она — лучшая в мире.

Голос: Я тоже так считаю, большое спасибо.

Голос: Мы приветствуем Ваш визит в нашу страну.

М.С. Горбачев: И мы рады. Вы слышали о нашем визите?

Голос: Да, мы смотрели репортажи по телевидению.

М.С. Горбачев: Здесь состоялись важные переговоры,

мы сказали друг другу, что все, что было, — позади, а теперь — только вперед и вместе.

Голос: Это и наше желание, наша мечта.

Газета «Женьминь Жибао»: «Стороны объявили о нормализации китайско-советских отношений».

Из «Заявления пекинских студентов»: «Мы не хотим умирать, мы хотим жить, мы — в расцвете жизни. Мы не хотим умирать — мы хотим учиться. Смерть — это совсем не то, чего мы искали. Но если смерть одного или нескольких может сделать лучше жизнь многих и помочь процветанию родины, мы не имеем права оставаться в живых. Когда мы умрем, родители, не скорбите о нас. Мы имели только одно желание — чтобы жизнь стала лучше. Пожалуйста, не забывайте: смерть — это совсем не то, чего мы искали!»

* * *

19 мая, пятница, 4.45 утра. Проводив Высокого гостя, на Тяньаньмэнь приходят Руководители. Но это не переговоры. Это — еще одна попытка уговорить... Мегафон подносят человеку с усталыми глазами: «Товарищи, мы пришли слишком поздно. Вы хотите, чтобы ваша страна стала лучше. Поднятые вами вопросы будут решены, но на это нужно время...» И вдруг плачет, плачет перед телекамерами, под бликами фотовспышек. Слишком поздно... Тяньаньмэнь — его последняя трибуна.

Второй, человек в наглухо застегнутом френче, спокоен. Он выражает пожелание, «чтобы студенты немедленно прекратили голодовку и вернулись в общежития». Он много знает, гораздо больше, чем окружившие его юноши и девушки в белых повязках, репортеры, полицейские. Может быть, тогда на Тяньаньмэнь он был единственным, кто знал будущее.

Москва. Телемания. Открывается съезд. Магнитная власть телеящика стала всепокоряющей. Общественность торжествовала, приветствуя рождение новых иллюзий. Торжествовал телевизор, продолжая парализующий гипноз ожидания. А рядом с прорывом второй общесоюзной продолжала, почти не изменившись, жить первая.

— К событиям в Пекине, — строго вещал диктор «Новостей». — Напряженность вновь резко возросла.

Пекин, 20 мая, суббота.

Военное положение. Запрещены бойкоты занятий, забастовки, сборы подписей, публичные выступления. Но тысячи людей — студенты, школьники, рабочие — устремляются к Тяньаньмэнь. Появляется новый лозунг: «Поддержим третью народную революцию!» Баррикады перегораживают улицы.

23 мая, вторник. Новая миллионная демонстрация. В речах ораторов: «студенческие выступления переросли в выступления всего народа».

Голодовка прекращается как «потерявшая первоначальный смысл».

1 июня, четверг. Армейские подразделения, скрытно перебазированные в город, берут под контроль ключевые объекты.

Вначале было слово. Скорее всего, стандартно-безличное: «Решение принято». Потом — выжидали. Надо было все продумать, надо было подобрать исполнителей. А потом кто-то взял трубку черного телефона и произнес — что конкретно — неважно, важно, что его поняли. И завертелось: побежали по тихим коридорам посыльные; засуетились, прилаживая наушники, невыспавшиеся радисты; полетели сигналы, несущие стерильным военным языком приказ. И это набухало в ночи, до поры невидимое глазу, пока не выползли из подворотен на проспекты бульдозеры, врезаясь в баррикады, и их уже нельзя было остановить, потому что следом двинулись танки.

Они говорили, что готовы встретить смерть. Они не могли не понимать, что такой исход возможен. Но ведь не верили, наверняка не верили, — никто не может поверить, пока не настанет его час...

Утром четвертого июня их складывали на газонах. Тех, кто еще был жив, люди приносили в больницы, везли на велорикшах, покореженных, жмущихся к обочинам машинах скорой помощи, а по центру разъезжали бэтээры, постреливая по окнам. Им пока не было дела до уцелевших — аресты и казни начнутся позже.

Москва. Митинг у посольства. Двести человек — против убийств в Китае и советского ОМОНа. Миллионы — дома, перед телевизорами. Над процеженной и отфильтрованной жизнью официальных пекинских телеграмм воссияла четкая, как контрольный выстрел, резолюция: «Внутреннее дело». Кто «за»? Послушно закивало рассудительное большинство. Есть и «против», но их так мало, они почти незаметны с высоких трибун. Зато с высоких трибун хорошо смотреть вдаль, можно увидеть массу интересных вещей, в том числе и Великую Стену. Она ближе, чем кажется снизу, гораздо ближе.

Эхо Тяньаньмэнь прокатилось по планете, и казалось, затихло, похороненное, срезанное под корень. Все шло своим чередом. Но удар, заставивший дрогнуть Великую Стену, вернулся, прорвавшись из сырости могил. Да, конечно, в каждом случае были свои причины, но среди них была и Тяньаньмэнь. Все стены мира оказались связаны в одну цепь, но они не выдержали, не смогли разделить людей.

Когда студенты в Лейпциге, Праге, Бухаресте шли против пожарных машин, резиновых дубинок, овчарок и пулеметов, у них не было оружия. У них в руках были бесполезные, нелепые, смешные цветы, которые кованные ботинки втаптывали в кровавые мостовые. Но вопреки ухмылкам скептиков, изящным рассуждениям снобов, визгу своры конформистов, цветы шли на штурм и побеждали. Пекинская весна возродилась в Европе. Рухнувшая берлинская стена, разбитые своды секретных катакомб «секуритате», тысячи километров уничтоженных электрических заборов на границах — это дело и ребят с Тяньаньмэнь. Это и их победа.

И были они также молоды.

(«Солидарность» № 14-15 за 1992 г.)

Арабы

Они живут примерно в восемнадцати государствах Ближнего Востока и Северной Африки, но немало их разбросано по всему свету, в том числе и по нашей стране. У нас эти странные люди, которые без всякого предубеждения прощаются через порог и пишут справа налево, считаются «черными», хотя есть среди них и рыжие, и голубоглазые. Они — арабы.

Традиции, вошедшие в повседневную жизнь современных арабов, восходят к неписанному «кодексу чести» бедуинов, скотоводов, кочевавших в колыбели арабской цивилизации — в пустынях Аравии, где камни трескаются от перепадов температур, месяцами дует песчаный ураган-самум, а последние реки пересохли тысячи лет назад. Вода для кочевника — величайшая ценность, не случайно в арабском языке словосочетание «пресная вода» отсутствует, говорят «сладкая вода». Бедуин с детства усваивал, что без взаимопомощи выжить невозможно и потому главная добродетель — верность другу, клану, племени; учились уважать силу и презирать любое проявление слабости; быть грозным с врагами, но не отказывать просящему убежища. «Часто герой, еще чаще дьявол, но никогда не раб» — так охарактеризовал бедуина английский путешественник.

Европейцев поражали щедрость и гостеприимство кочевников. Случалось, что бедуин резал единственную козу, чтобы накормить гостя досыта, а сам потом был вынужден питаться одними сухими финиками, заменяющими жителям пустыни и хлеб, и овощи, и фрукты — но с сознанием выполненного долга. И сегодня дом любого араба, будь это глинобитная хижина, шикарная вилла или комната в обще-

житии, всегда открыт для тех, кого хозяин сочтет друзьями. «Мы знакомы пять минут, а господин Тайе уже пригласил нас к себе домой! На Западе такое представить невозможно!» — удивлялась по телевизору российская журналистка в передаче об Иордании.

«Арабы по природе своей люди гостеприимные и дружелюбные», — довольно цинично замечают израильские разведчики, описывая дальше, как благодаря этим качествам им удалось внедрить к сирийцам своего агента. Но, надо сказать, внешние радушие и общительность вовсе не предполагают настоящей искренности, как и быстрый переход на «ты» — в арабском это соответствует гораздо меньшей степени интимности, чем в русском. Арабы искренни с тобой лишь тогда, когда уверены, что и ты отвечаешь им тем же.

Неотъемлемая черта восточного гостеприимства — предлагаемые гостю чай или кофе. Серьезный разговор начнется лишь после того, как готов кофе, сваренный по одному из десятков рецептов. Чай или кофе завершают любую трапезу (мы не касаемся даже кратко многообразия блюд арабской кухни; впрочем, есть и такая еда, о которой они представления не имеют. «Ты зачем привез испорченные продукты?» — недоумевает мать студента, приехавшего на каникулы из Москвы, глядя на соленые огурцы и квашеную капусту).

Они не трезвенники, хотя религия запрещает им спиртное в земной жизни. Говорят, что совершенно по-нашему пьют в Ливане, Сирии и Ираке, где употребляют арак — пальмовый спирт; при разведении водой он приобретает белесый оттенок. «Как будто молоко, чтобы обмануть Аллаха» смеются арабы. Интересно, русскую водку они Аллаху за воду выдают?

По мере того, как центр арабской культуры смещался в города, нравы бывших бедуинов смягчались. У арабов средневековья не считалось зазорным прослезиться от восторга по поводу понравившегося стихотворения или зарыдать по поводу более значительному. Ныне жизнь не та, жестче и проще, и даже знакомые мне арабские младенцы плакать не любят. Но по-прежнему часты у арабов проявления, по европейским понятиям, «не мужской» нежности. Могут облобызаться при встрече, после защиты диплома

студент студенту дарит букет роз — это нормально. Обниматься обожают; возмущившие Запад объятия Ясира Арафата с Саддамом Хусейном во время войны в Персидском заливе (который арабы называют Арабским) всего лишь распространенная форма приветствия.

В многочисленных руководствах по бизнесу, в разделах, посвященных поиску и обработке зарубежных партнеров, можно прочесть примерно следующее: «Направляясь на встречу с западным бизнесменом, ни в коем случае не надевайте малиновые пиджаки, пестрые галстуки, золотые цепочки, запонки, перстни... но если ваш партнер из арабских стран, все перечисленное, напротив, вам просто необходимо». Не уверен, так ли уж сильно ближневосточные капиталисты влюблены в пестрые галстуки, но факт: арабы «встречают по одежке». Не всегда и не везде, разумеется, но вот в посольство или к декану, в ресторан или на важную встречу араб наденет костюм и будет ждать от вас того же. Один иорданец случайно посетил оперу в свитере и джинсах — о, для него это была трагедия! Считается, что солидный человек («настоящий мужчина») в приличном месте должен выглядеть и вести себя соответственно.

Все, что касается арабов как нации, лично затрагивает и каждого араба. Это даже далекое прошлое («Испания тоже наша была» — вспоминают времена Кордовского и Гранадского эмиратов); что уж говорить о ближневосточном конфликте. Плохо пришлось бы Израилю, если бы не было у арабов выражений «маалейш» и «иншалла» — «авось пронесет» и «если Аллах пожелает» (распространенный способ переложить ответственность на высшие силы). Израильтяне, участвовавшие во вторжении в Ливан, утверждают, что сирийские войска — противник несерьезный, все у них «маалейш»; палестинцы поодиночке герои, но не хватало им координации; наиболее опасны были боевики-исламисты, которые точно знали, чего желает Аллах, и с гранатами бросались под танки. Жизни свои молодые они не жалели — ведь погибшим в бою с неверными прямая дорога в мусульманский рай, где, в отличие от рая христианского, в неограниченных количествах пьют вино и предаются любовным утехам с гуриями, прекрасными, «как первая улыбка весеннего цветка или луна в ночь полнолуния».

Тонок стан ее, и коль скажет ей ее юность: «Встань!»
Скажут бедра ей: «Посиди на месте, зачем спешить!»

Ислам, самая молодая из трех мировых религий, родился в Аравии и пустил прочные корни в сознании масс. Даже коммунистические партии на Ближнем Востоке не осмеливались упорствовать в своем атеизме. Но немало среди арабов и христиан — в Ливане, Сирии, Палестине, Египте. Конфликтов с соседями у них обычно не возникало, ведь и мусульмане признают авторитет Иисуса Христа — пророка Исы, и Моисея — пророка Мусы, просто по их мнению пророк Мухаммед, явившийся позже всех — «печать пророков». По религиозным канонам мусульманину позволено жениться на христианке или иудейке, а вот мусульманке выйти замуж за «неверного» уже нельзя. Хотя сегодня исламское право — шариат — действует на государственном уровне лишь в аравийских странах и Судане, а в других странах брак регистрируют без мечети, да и население в повседневной жизни редко ориентируется на предписания Корана.

Ислам проповедует принцип сегрегации полов. Женщина обязана скрывать лицо и фигуру от чужих мужчин. Мусульманские фундаменталисты придерживаются такой точки зрения: если женщина идет по улице с открытыми частями тела (будь то руки, плечи, ноги), то встречные мужчины «насилуют ее глазами», а это грех. Но времена меняются; многие арабские женщины ходят сегодня в европейской одежде, хотя иногда решиться на это непросто, а кое-где и небезопасно. Но даже в Кувейте, государстве очень консервативном, на пляжах появились купальщицы в бикини. Правда, в соседней Саудовской Аравии женщинам недавно опять запретили водить машину, а преподаватель-мужчина не имеет права находиться в одном помещении со студентками, общаясь с ними только по видеосвязи — этаким электронным шариатом.

Но, несмотря ни на что, любят арабы женщин — и своих, и не своих тоже. Они пользуются репутацией суперлюбовников и из кожи вон лезут, чтобы ее поддержать. Среди арабских подростков только и разговоры, что о сексе; хотя всем в определенном возрасте это свойственно, но арабам — втройне. Любая беседа сводится к тому, кто с кем переспал,

а если нет, то как этого добиться? А добиться трудно: обучение в большинстве школ раздельное, девушек дома держат в строгости, девственность — обязательное требование к невесте, доступных женщин в арабских странах почти нет, если, конечно, вы не сын шейха, у которого нефтедоллары куры не клюют — тогда блондинок из Европы можно выписать. Злые языки утверждают, что отчаянная храбрость палестинской молодежи в интифаде — антиизраильском восстании 1987-1993 годов, когда с камнями и бутылками шли против бронетранспортеров — следствие подавленной сексуальной энергии. Впрочем, гипертрофированная сексуальность после женитьбы быстро перегорает.

Несколько лет назад, когда впервые открылась возможность пошляться по загранице, я уговаривал товарища-палестинца решиться на эту авантюру — Германия, Франция, еще чего-нибудь... «Ты серьезно?» — переспросил товарищ. «А что, автостопом, нормально!» — «Тебе нормально, а меня тормознет первый же полицейский. Наркотики — я, оружие — тоже я! Я же араб, значит, террорист!»

За объяснением причин арабского терроризма надо обращаться не к национальной психологии, а к истории палестинской проблемы, или истории гражданской войны в Ливане, или истории взаимоотношений алжирского народа с государством. Те, кто арабов знают, говорят, что в принципе они не отличаются воинственностью — вспыльчивы, но отходчивы. Но у них существует черта, переступать которую нельзя; за ней — полный срыв с тормозов. Многие ужасные теракты совершались людьми, которые мстили за себя или за родственников. В Израиле араб-камикадзе, обвязавшись динамитом, вошел в автобус, среди пассажиров которого были солдаты, и взорвал его вместе с собой. Позже выяснилось, что полиция арестовывала этого человека по подозрению в связях с подпольем, и, надеясь получить показания, посадила его в «пресс-хату» к уголовникам-евреям. Он не заговорил (наверное, действительно не знал ничего) — пришлось выпустить. Но после пережитого унижения у араба оставался лишь один выход.

Население арабских стран растет стремительно; 6-8 детей в семье — не редкость. Правительства пытаются контроли-

ровать рождаемость, но безуспешно: во-первых, мешает ислам, во-вторых, клановые традиции арабского общества. Чем больше у тебя родственников, тем лучше для тебя — родственники всегда помогут. Принцип клановой солидарности и по сей день спасает арабов как от мелких, так и от серьезных неприятностей. Студента-палестинца удалось вытащить из застенков иорданской госбезопасности лишь потому, что какой-то дальний дядя по материнской линии занимал пост в «органах».

Симпатии к СССР-России, зародившиеся в те годы, когда «великий друг» поддерживал борьбу арабов против колонизаторов, а затем помогал восстанавливать экономику (сотни промышленных объектов построили советские специалисты, десятки, если не сотни тысяч арабских студентов закончили советские вузы) живы и сейчас, несмотря на все перемены в глобальной и региональной политике. Проявляются они в самых неожиданных ситуациях. Один мой знакомый, когда жил в Израиле, поехал туристом в Египет. Обстановка была напряженная, террор против иностранцев, поэтому туристам настоятельно рекомендовали ходить только по отведенным маршрутам, но он решил в одиночестве прогуляться по Каирскому базару. К нему подошли два араба и сказали на приличном английском: «Ты из Израиля. Ты нам не нравишься.» «Какой Израиль, ребята? Я из России!» Реакция на невинную хитрость превзошла все ожидания; мрачные лица подрывных элементов расплылись в улыбки: «Харашо! Товарищ!» Казалось, еще пара фраз — и боевики пригласят его выпить по чашечке кофе на подпольной базе, но приятель мой счел за лучшее знакомство не развивать.

Говорят, чем дольше живешь среди людей, чем больше их узнаешь, тем труднее выделить у них общие черты, подвести под единый знаменатель. Я среди арабов не жил. И потому, если завтра какой-нибудь араб скажет: «Все, что ты написал, не имеет ко мне и моим друзьям никакого отношения! Все у нас не так на самом деле!», я соглашусь — может, и не так. Ведь все люди разные.

(«Наперекор» № 4 за 1996 г.)

Журналы «МУРА»

и другие
графические работы
Николая Муравина

Крюкообразность
- их девиз!
см. СЗАДИ →

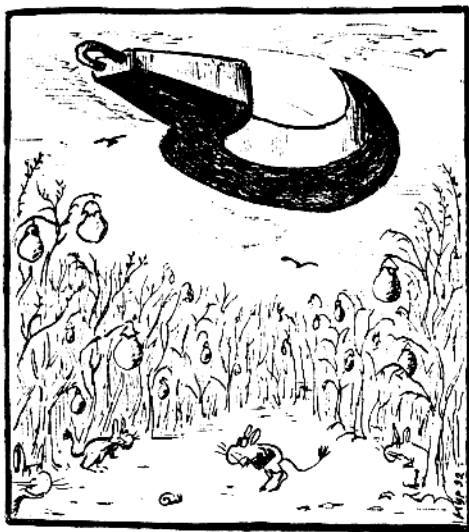
МУРА-1

СБОРНИК КАМИКСОВ
И ПОДРЫВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
В ПОМОЩЬ
ПРОПАГАНДИСТУ-
РЕАЛИСТУ
И ПРОЧЕЙ ПУБЛИКЕ

ВНЕ НОМЕРА:
МАЖОРНОСТЬ,
ПОПНИЧЕСТВО,
ДУХОВНАЯ КОРРУПЦИЯ.

ЗАТО В НОМЕРЕ:

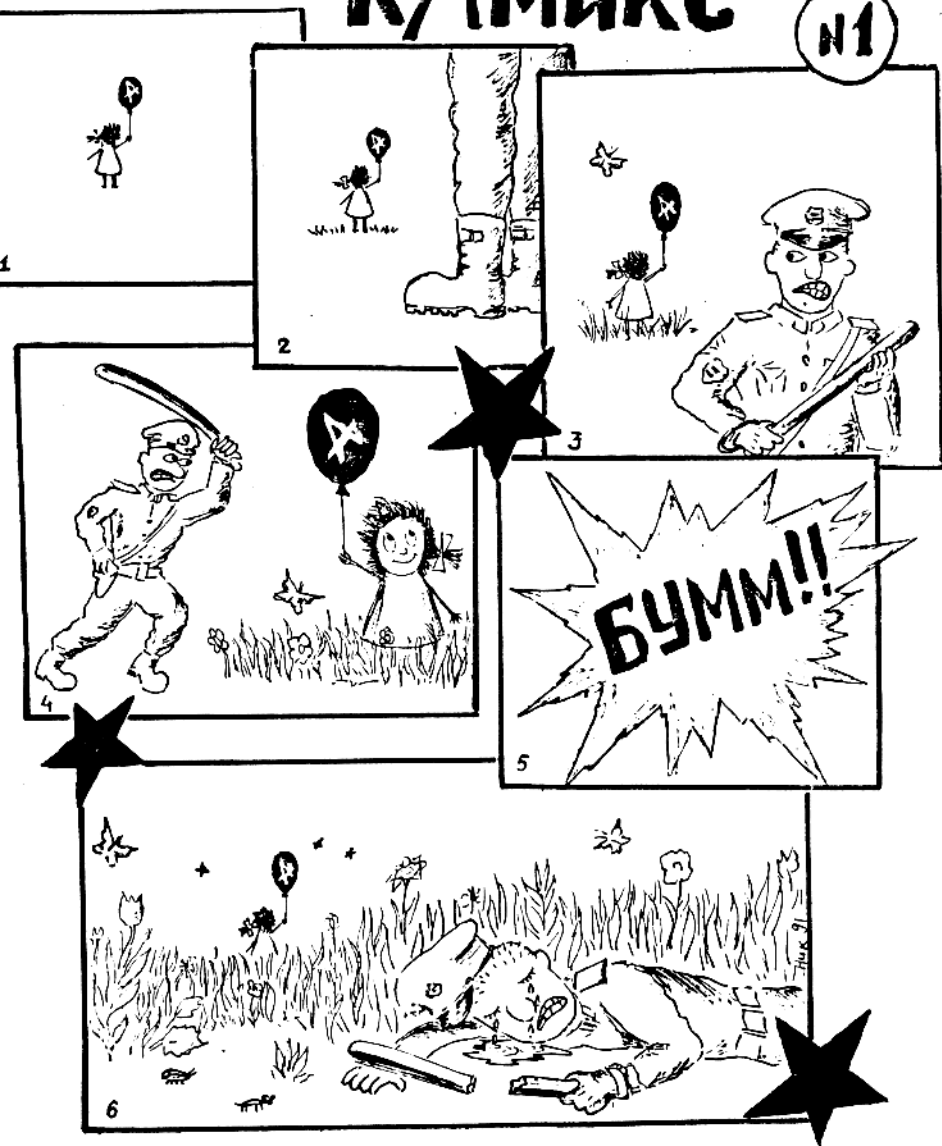
- ★ ВЗРЫВ МУЗЕЯ
- ★ СИЛА АНАРХИИ
- ★ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ
КОН. БЕНДИТА
- ★ ЧТО ДЕЛАТЬ?
Д
- ★ ЗЕЛЁНАЯ
КАТАСТРОФА
- ★ ВАМ,
БУРЖУИНЫ
И Т.Д.

МОМЕНТ ЗАВИСАНИЯ КрюКА
НАД УРЮКОВОЙ ЧАЩЕЙ,
ПОЛНОЙ ТУШКАНЧИКОВ.

КАМИКС

№1

Так видит карикатурист американского журнала «Ньюсвик» арабо-израильский диалог при посредничестве США.

- Привет, грязная, паршивая свинья!
- Привет, прыщ на седельнице верблюда!
- Вот видите, они уже начали диалог.

Странный народ — американцы.
Вроде и юмор у них есть,
но почему они ТАКИЕ фильмы
снимают?

★ Поскольку установлено, что т.н. „ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ“ является синонимом повышения, постановляем отныне именовать либералов повышенцами.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОБРАНИЯ
ВЛАДЫКИНСКОЙ ФРАНКЦИИ
МО КАС
Р.С. Либерально-Демократическую партию,
соответственно,
именовать Повышенно-Демократической.

научными астрономии в созвездии Тау Равашона
обнаружены четырем такой звезды.
Третьею коллектив решил присвоить
ее имя Будикушвица

Австралийка Тани Гравас была уволена из строительной компании по причине, которую тщетно было бы искать в наших суровых КЗОТх: за слишком красивую линию ног, которые она считала негуманным скрывать от товарищей по работе. Администрация сочла это грубым нарушением техники безопасности. По ее мнению, «нахождение Гравас на объекте отвлекает рабочих, что чревато тяжкими последствиями»...

Муря стремится
учесть
интересы самых
широких
кругов
(и квадратов)
читателей
этого материала
о борьбе женщин
Австралии
за свои права
предназначен как
для феминистов,
так и для сексистов.

Посвящается
другу редакции
С.Джоубу

В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

КАМИКС

№2

ВАМ, ПОЛИЦЕЙСКИЕ:
ИГРА „ОПОЗНАЙ ТЕРРОРИСТА”

1

2

3

4

6

КОРОЧЕ, ТАК:

ЗДЕСЬ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КОМАНДЫ:

- „СЕНДЕРО ЛЮМИНОСО” (ПЕРУ)
- ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЖИВОТНЫХ (МАНЧЕСТЕР)
- ФРОНТ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРСИКИ
- ИРЛАНДСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ АРМИЯ
- А ТАКЖЕ ТЕРРОРИСТ-ОДИНОЧКА И ПОЛИЦЕЙСКИЙ,
ИМИТИРУЮЩИЙ ТЕРРОРИСТА.

5 ЗАДАЧА:
РАССТАВИТЬ ПО НОМЕРАМ,
КТО ЕСТЬ ХУ,
И ПРИСЛАТЬ В РЕДАКЦИЮ.

УГАДАВШИМ ИЛИ ОСОБО
ОТЛИЧИВШИМСЯ ВЫШЕМ
ФОТО ПОПУЛЯРНОГО
ТЕРРОРИСТА И ЕЩЕ
КАКИЕ-НИБУДЬ
ПРЯНИКИ

ТОТАЛИТАРИЗМ

ДЕМОКРА

Краеугольный камень анархизма — личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы. Краеугольным же камнем марксизма является масса....
И. Сталин.

Анархия — это не хаос, а гармоничное общество свободных личностей
П. Рябов

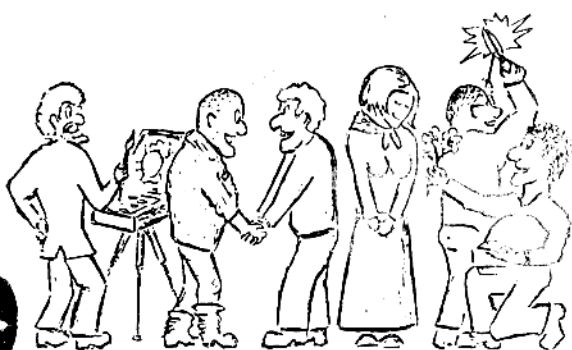
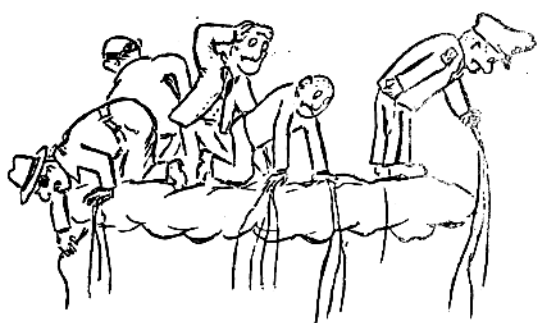
ДЕМОКРАТИЗМ
ЭТО

АТИЯ

АНАРХИЯ

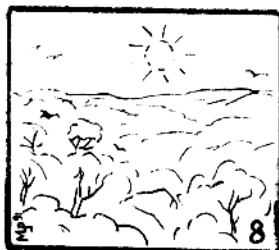
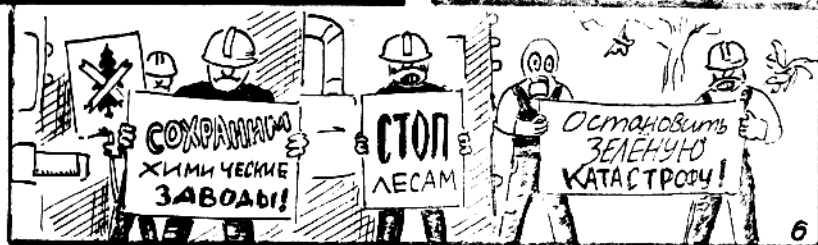
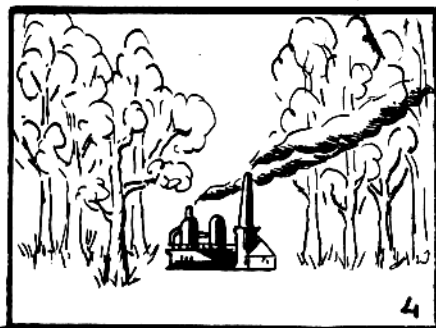
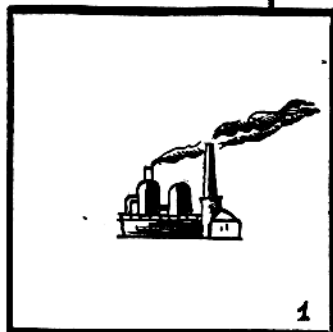

АНАРХИЯ-
О НЕ
АНАРХИЯ!

НАВЕРНОЕ, Я В ДУШЕ АНАРХИСТ,
ПОТОМУ ЧТО НЕ ВЕРЮ В ПО-
ЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ...
Ю. ШЕВЧУК

Принимайте
создать, тех кому
надо больше всех

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ЧТО-НИБУДА (самоорганизоваться)

- А. ЗАЧЕМ?** 1. Потому что скучно.
2. Потому что вместе легче выжить в
период кризиса. 3. Потому что каж-
дый один из нас перед лицом прямой и
косвенной насилья государства

Несогласным с 1, 2, или 3 - ДАЛЬШЕ
НЕ ЧИТАТЬ

Б. Оглянитесь вокруг. Не замкнитесь.
Реже говорите „это их трудности.“ Не бой-
тесь помочь, не бойтесь потратить время
на другого. Сегодня - он, завтра - вы.
**СОЛИДАРНОСТЬ - НЕ РОСКОШЬ, А
СРЕДСТВО ВЫЖИВАНИЯ.**

В. Праздники объединяют людей.
Праздников мало. Создайте еще несколько.
Победой хватает! Не обязательно море
спирта. Хотя бы просто поздравляйте
знакомых и не очень с датой рождения.

Г. Газета как коллективный организатор
Делать локальную (стенную, листовочную) газету
интересно, полезно и просто кофее. КАС без-
возмездно (но скучнее) печатала бы в раздумии
таких изданий (≈ 1 раз/пдней формат 2 страничка
5 акс.)

Выполнив Б, В, Г (или ранее):

**Д. Пора организовать общину, комму-
ниту, группу, тусовку или т.д. Направления
деятельности: помощь, например: снабжение
(один в очередь за хлебом, другой - за пивом); защита
своих прав. НЕ БОЙТЕСЬ ВЛАСТЕЙ. ЕДИНИЦА - НОМЬ
НО ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ СИЛЫ, ПЕРЕД КОТОРОЙ
НЕ УСТОИТ ДАЖЕ ГОСУДАРСТВО.**

ЗДЕСЬ МОЖНО ЧТО-НИБУДА
НАПИСАТЬ, НО Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО. Мур.

КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

КАМИКС

№4

ПАРИЖ, ВЕСНА - 68.
ДАНИЭЛЬ КОН-БЕНАНТ
СНОВА НА МЕЛИ.

Хотя бы
пять франков
найти.

Друг!
Одолжи пятачку!

МАДАМ,
ВСЕГО ПЯТЬ
ФРАНКОВ
ДО ЗАВТРА

Только пять,
месье...

Господа, одолжите
бедному студенту...

RESTAURANT

БУМ!

ДАЙ МИЛЛИОН,
СВОЛОЧЬ!

Ну, пять франков ПРИЩЁТСЯ
ТЕБЕ ДАТЬ.

БУДЬТЕ РЕАЛИСТАМИ-
ТРЕБУЙТЕ НЕВОЗМОЖНОГО!

Тбилиси: ПРЕЗИДЕНТ—В БУНКЕРЕ, НА УЛИЦАХ—
БОИ, НА РЫНКЕ—ПРЕДНОВОГОДНЯЯ ТОРГОВЛЯ

ПОБЕДА ПЕРВОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ

10 000 ЛЕТ ЖИЗНИ ОРГАНИЗАТОРАМ...

КСТАТИ О
ВЛАСТИ

Несмотря на отсутствие какой бы то ни было власти, важнейшие системы жизнеобеспечения города более или менее работают исправно.

Медицинские учреждения, хлебозаводы, коммунальные службы обеспечивают минимум необходимого. На рынках идет бойкая предновогодняя торговля.

„Известия“ 31.12.91

КОГДА ОНА ВДРУГ ПРОПАЛА В
ТБИЛИСИ-91, КАК И В БАРСЕЛОНЕ-36.
НАСЕЛЕНИЕ ОБХОДИЛОСЬ БЕЗ НЕЕ.
ТАК КОМУ НУЖНА ВЛАСТЬ?

Тому, кто
ЕЁ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ.
А?

ШТЫКАМИ ТЫЧЕТСЯ
ЧИРКАНЬЕ МОЛНИЙ
МАТРОСЫ В БОМБЫ
ИГРАЮТ, КАК В МЯЧКИ
ОТ ГУЛА ДРОЖИТ
ВЗБУДРАЖЕННЫЙ
СМОЛЫНЫЙ
В ПАТРОННЫХ ЛВНТАХ
ВНИЗУ ПУЛЕМЕТЧИКИ.
— ВАС ВЫЗЫВАЕТ
ТОВАРИЩ СТАЛИН
НАПРАВО, ТРЕТЬЯ, ОН-ТАМ.
— ТОВАРИЩ НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ!
ЧЕГО СТАЛИ?
В БРОНЕВНИКИ И НА
ПОЧТАМТ!
В. МАЯКОВСКИЙ.

Крюкообразность → НАШ ДЕВИЗ!

Группа Крюк

Восходит корнями
к творчеству таких гигантов мысли,
как Б. Гребенщиков и С. Авилов,
и по сей день черпает идеи из их наследия.

Горбатовых
Крюков

Уже почерпнуты:

- Э ОДИГЕЯ - 1
- Э ОДИГЕЯ - 2
- Э СОН ГЕНЕРАЛА
- Э ПРО БОРИСА
- Э Рейс 2-12-85-06
- Э Буржуин

А ТАКЖЕ ТЕОРИЯ
МЕХАНИЧЕСКОГО БОМЖА
И САМ МИСТИЧЕСКИЙ КРЮК

Кой-чего будет опубликовано,
ежели последуют
другие **МУРЫ**
(что не исключено)

НА ФОТО: ИЗВЕСТНЫЙ
ЗАГЛАВНИК (ИСПОЛНИТЕЛЬ
ГЛАВНЫХ РОЛЕЙ) КРЮКА Ю. ГОРБУНОВ
В РОЛИ ГЕН. ПИНОЧЕТА.

ВНИМАНИЮ
ТАЛАНТОВ, СПОНСОРОВ,
КОМБИНАТОРОВ
И ВАЩЕ ЧИТАТЕЛЕЙ.
С РЕДАКЦИЕЙ МОЖНО
СВЯЗАТЬСЯ

ЭТО РЕДАКЦИЯ?
127 474 Москва
Дмитровское шоссе
64-3-48

ЭТО РЕДАКЦИЯ!

МУР
НИК

НАКОНЕЦ-ТО!
"Буржуи"
опучакован! ★ ТАМ

МУРА-2

СБОРНИК ПОДРЫВНЫХ
МАТЕРИАЛОВ

ВНЕ НОМЕРА:
МАЖОРНОСТЬ,
ГОПНИЧЕСТВО,
ДУХОВНАЯ КОРРУПЦИЯ

Но внутри:

★ ЭКОРАМБУРС ЖИВ!
(Авторский вариант)

★ БГ. В ПРАГЕ ★ ИСПЫТАНИЕ
ЭЛАСТОМЕТРА

★ ГИГАНТСКИЙ
ИНГОТ

4

★ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ
ВОЖДЕЯ

★ И, КАК ВСЕГДА,
Т. 9.

Санд и Джайвет-грузоз. №9

ЭКРАМБУРС ЖИВ

ВАН БУДНИ

КАНИКУЛЫ
№5

ШЛИ СУРОВЫЕ БУДНИ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ...

СО ВС
И: А П
НИК
Т К
ЧИТ

12 МАЯ 1989
ПЕКИНСКИЕ
СТУДЕНТЫ
НАЧАЛИ
ГОЛОДОВКУ
ПРОТЕСТА
НА ПЛОЩАДИ
ТЯНЬАНЬМЭН

13
МАЯ

С
Группа "Крюк"

Буржуин

АВТОР

МИСТЕР ТВИСТЕР

СОЗИ

МАЛЫШИ-КОБАЛЫЧИ

КУК

НАРОД

АВТОР:

Зритель, замурьтесь!

Откройте рот!

Не останется глух ни один:

Сейчас покажем Вам кинофильм

Под названием "Буржуин".

Кто-то вдыхает тлетворный запах,

Кто-то СКБ набивает в чулок,

Кто-то с надеждой смотрит на Запад,

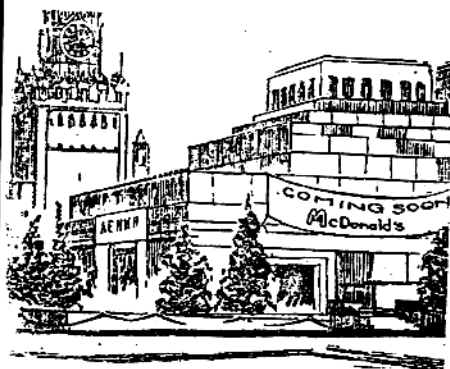
А кто-то с ужасом — на Восток.

В буржуев играют советские дети.

Буржуев теперь воспевает поэт.

Буржуев рисует нам в розовом цвет,

А мы Вам покажем их черный цвет!

КАРТИНА I.

АВТОР:

Есть за границей контора Кука.

Это для нас непонятная штука.

Если валюту Вам некуда деть

Или хотите престиж поиметь,

Кук без проблем, немедленно, в минуту

Сможет использовать Вашу валюту.

Вы купите север и купите юг, —

В этом поможет Ваш друг — мистер Кук.

★ **Примечание к обложке:**

ПОМЕЩЕННАЯ ТАМ КАРТИНА ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАЗЫВАЛАСЬ
"САД И ДЖАВЕТ, УВЛЕЧЕННЫЕ ОХОТОЙ НА ГРЫЗУНА ТУКО-ТУКО,
НЕ ЗАМЕЧАЮТ ПРИБИТИЯ ГАДРИИНА ПОПОСА"

Мистер Твистер - бывший минютер,
 Который Рокфаллеру, может, подстать,
 Владелец заводов, газет, пароходов
 Кому-нибудь помощь решил оказать.

На это сказала любовница, Сизи:

- Давай побываем-ка в... оышем Союзе.
 Накормим несчастных зернистой икрой,
 У нас все равно пропадает.
 Поедем, ты будешь народный герой:
 Там 70 лет голодают.

ТВИСТЕР:

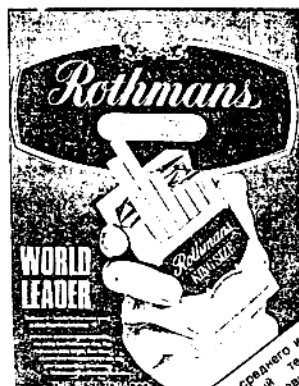
Редная, у вас удивительный вкус !
 Поедем, но все ж напоследок
 Ответь: почему этот... бывший Союз ?
 Твой выбор абстрактен и редок.
 Поможем Саддаму, поедем в Багдад !

СЗИ:

Хочу в Петербург, бывший их Ленинград !

АВТОР:

А то, что сказала любовница
 Должно непременно исполниться.

По мнению американцев среднего и стар-
 шего возраста — музыкальный телеканал
 «Эм Ти Вис» — музыкальное телевидение
 нормальные люди нормально восприни-
 мать не могут. А на «нормальнх» прог-
 рамах «Эм Ти Вис» и не рассчитана

КАРТИНА II.

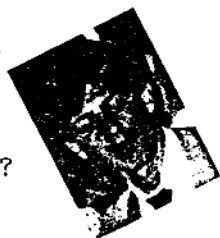
АВТОР:

Мистер Твистер, миллионер,
Помощь решил оказать СССР:
Вот на посадку заходит "Мраж",
В лок грузовой загружает багаж.
Твистер сигару сосет, только вдруг
С неба на землю спускается Кук.

КУК:

О, мой дарлинг Твистер,
Бывший наш министр !
Может быть, не стоит в СССР⁺ летать ?
Там живут бандиты и рецидивисты.
Там живут ужасные, злые анархисты -
Будут вас кусать, бить и обижать...

А еще, мой дорогой Твистер, у них есть
Какая-то страшная и непонятная тайна...

ТВИСТЕР:

Валл ! Ты, видно, постарел.
Мистер Твистер очень смел.
И богат необычайно:
Я купить советский тайна !

КАРТИНА III.

АВТОР:

Вот уже 7 бесконечных лет
Перестройка в России идет.
Русский люд ненакормлен, разлет
Каждый день потому и орет.

НАРОД:

В этой Системе прокол обнаружен !
Дозунг на завтрак, лозунг на ужин !
Мне надоело советское общество !
Хочу в буржуинство ! Хочу в буржуинство !

АВТОР:

Говори про это тише !
Иль не видишь Кибальчиша ?!
/ВЫХОДИТ КИБАЛЬЧИШ/

Чем известен Кибальчич ?

Он когда-то был мальчиш.
На заре Советской Власти
Пока зал буржуиш шил.
И тогда от навсегда
Стал героем соцтруда.
На груди его сверкает
депутатская звезда.

КИБАЛЬЧИШ:

С хлебом-солью вотаньте тут...

Ну, теперь нам всем капут.

ТВИСТЕР /входит с Сизы/:

Это рашен каравай ? Нуу !
Хочу Биг-Мак ! Давай !

Подставляйте... уши ? Эти !
Буду вешать Вам спагетти .

Я решил, что есть резен
Основать здесь некий зен.

Хочешь денги в банк "Инком" ? -

- Пеработай с огоньком.

Не прогуливай ни дня,

А работай на меня.

И тогда здесь каждый мэн
 Скорее будет бизнесмен.
 И любая рашен феё
 Займает личный кеё.
 В это время ваши дети
 Будут изучать маркетинг.
 Вы согласны на Прогресс ?

НАРОД:

Йес !

ТВИСТЕР:

Начинаем ли процесс ?

НАРОД:

Йес !

ТВИСТЕР:

Разогнать КИСС ?

НАРОД: Йес !!!

Йес !!!

КИБАЛЬЧИШ /надев буденовку, которую выхватывает из дипломата/:

Не позорьте Вашу мать - партию родную !

ТВИСТЕР:

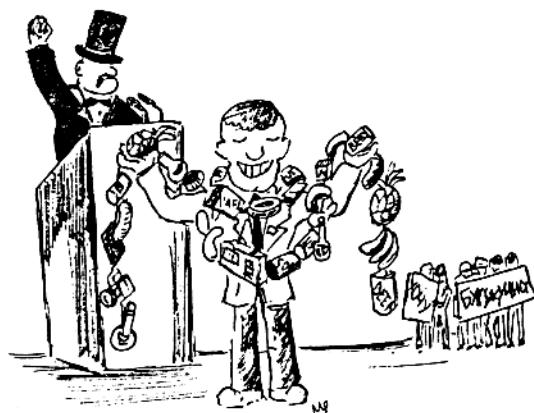
Что за крики ? Заковать !

Дайте цепь большую !

АВТОР:

"И заковали мальчиша в твёрдые цепи "...

/СЮЗИ ЗАМАТЫВАЕТ КИБАЛЬЧИША В ЦЕПИ ИЗ ПРЕДМЕТОВ
 БУРЖУАССКОГО ШЕРПОТРЕБА/.

**Der Fall
 des Gary Hart**
 Bis vergangene Woche galt er
 als aussichtsreichster Kandidat
 für das Präsidentenamt bei den
 US-Wahlen 1988. Doch jetzt
 gab Gary Hart auf. Die Presse
 hatte den Verheirateten bei
 einem Steilentscheidungen bei
 Fotomoderatorinnen mit dem
 Hexenjagd - und sein
 über Moral in Ame-
 Seite 30

ТВИСТЕР:

Кнодльчиш, ты не грусти .
Помошь Твистера - внести !
Становись по одному...

НАРОД:

Твистер нам привез хурму !

ТВИСТЕР:

Вы хотели сладкий олов ?
Нет: оловсем другая помощь !

/НАРОДУ БРУЛЖАТ ПРИМИТИВНЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА:
ЛОПАТЫ, КУРКИ И Т.Д.
НАРОД РАБОТАЕТ ПОД РУКОВОДСТВОМ СКУЗИ/

НАРОД:

Масса Твистер, как же быть ?
Мы хотим перекурить !

«Хит мастера воле» — Голос его хозяина.
Торговая марка фирмы граммофонов
Эдисона-Винил-Рекорд.
Сам образчик реального успеха. Эпоха в
бизнесе. Эта эмблема живет и поныне,
указывая продукцию компании «Ар-Сон-Эн».

ТВИСТЕР:

Много куришь - много вред.
Может, Вам еще обед ?

КИБАЛЬЧИШ:

Говорил Вам, Ващх мать !
Предлагаю бастовать.

ТВИСТЕР:

Кто бастует здесь, в Союзе,
Тот имеет дело с Скузи.
/СКУЗИ УГОНЯЕТ НАРОД СО СЦЕНН/.

КАРТИНА IV.

ТВИСТЕР:

Не помню всех их причуд.
Удручен... Я не шучу.
Я им все ж за их работу
Хоть немного, но плачу.
Что за русская душа?
О! Спрошу Кибальчиша.
Эй, мальчиш, открой свой рот!

КИБАЛЬЧИШ:

Дай докурить бутерброд.

ТВИСТЕР:

Нет, скажи, какая тайна
Окружает Ваш народ?

КИБАЛЬЧИШ:

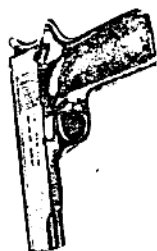
Я — марксист! Я — большевик!
Я влезал на броневики!
А проклятым буржуям
Не скажу я ничего.

ТВИСТЕР:

Это что за детский лепет?
Эй! Снимите с него цепи!

КИБАЛЬЧИШ:

Нет, только не это! Проклятый буржуй!!!
Ладно, скажу. Не такое скажу...

Рабочий Запада задохрен навсегда.
Буржуй набил ему живот, по олухам.
И призрак скрылся из Европы в никуда,
Не здесь, в России, пахнет его духом.

И верю я, что грянет смертный бой,
И в смертном воздухе его ловлю я признак.
Он жив, он рядом, он идет грозей,
Он доберется до тебя, Великий Призрак!

/Темнота. ПРОЖЕКТОР. ПОЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗРАК — ТО ЛИ МАРКС,
ТО ЛИ БАКУНИН, ТО ЛИ ВАДИМ ДАМЬЕ. ЗВУЧАТ ВОЛШЕБНЫЕ
СЛОВА ПО-НЕМЕЦКИ. ТВИСТЕР, ИСПУСТИВ ЖУТКИЙ ВОШЬ,
ПАДАЕТ/.

АВТОР:

ТВиетер стал краснее рака,
Подавился он бикт-маком.
Встретил омерть свою, жуя,
И не стало буржуя.
Подадем буржуину досталось, —
Вам же сказку дослушать осталось.
Разошелся едкий дым —
Кибальчиш непобедим.
Поднимается мальчиш
И буржуя кажет шиш.

О чем будет следующий
наш выпуск — подскажите
вашим письма. Присылайте
вопросы, на которые мы
не сможем найти.

КИБАЛЬЧИШ:

Ха! Куда ни погляжу я:
Был буржуй — и нет буржуя.
Так будет с каждым во веки веков.
Не удалось-ли уберечь его.
Мне же терять уже нечего....

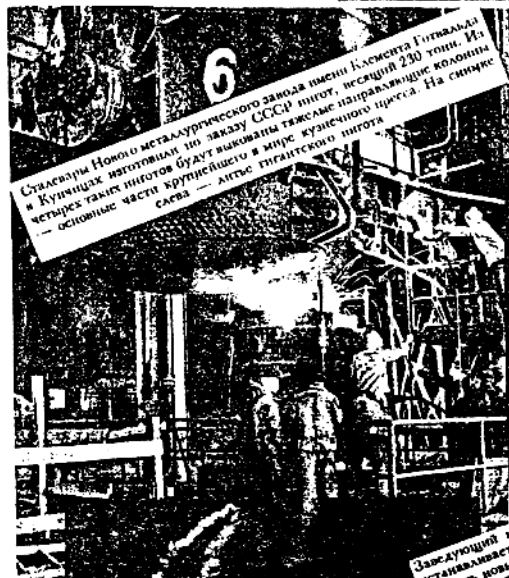
Кроме вот этих оков.
/УХОДИТ, СПРЯТАВ ЦЕПЬ В ДИПЛОМАТ/.

АВТОР:

Кто-нибудь из нас случайно спросит: в чем же эта
Мы о оказали, но — увы! Знаем те же, что я вы.
КО Н Е Ц

ПО СТРАНИЦАМ
ДРУЖЕСТВЕННОГО
ЖУРНАЛА

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

6
Сталелитейный завод имени Клемента Гитвальда
и Кузнецкие заводы по производству ингот, весящих 230 тонн. Из
четырёх таких инготов будут выкованы тяжёлые направляющие колонны
— основные части крупнейшего в мире кузнечного пресса. На снимке
— литейный цех

Заведующий кафедрой охраны лесов д-р А. Шерффер
устанавливает наличие лесных вредителей. Ему удалось
открыть новые возможности охраны лесов от насекомых

При исследовании упругости материалов ассистент инж.
М. Чепский и студентка А. Мразова пользуются в час-
тности фотоластометром чехословацкого производства

В лаборатории механики грунтов. Ева Попова,
Яна Тучова и Зденек Каласи производят пьезометри-
ческое исследование сжимаемости грунта

Любители-аквариумисты в Чехословакии.

Любовь к Аквариуму ценна тем, что в основе ее лежит прекрасное стремление стать ближе к природе.

Чехословацкие аквариумисты объединяются в кружки при заводских клубах, при "Пролетарских беседах". Имеются кружки и в некоторых единичных сельхозкооперативах. Во всех этих кружках жизни не замирает в течение круглого года, от весны до весны, у них не бывает "мертвых сезонов".

Здесь вам встретятся разные барбусы, *Tanichthys albonubes*, *Danio rerio*, трипоподы, черные моллинезии, разноцветные плати, ксифофоры, макроподы, скалярии и многие, многие другие.

Но, конечно, отдельный любитель-аквариумист не испытывал бы столько радости, если бы он не делился результатами своих наблюдений с другими любителями, тот — с третьим и т. д. Так возник целый коллектив, огромная семья аквариумистов.

Когда они собираются вместе и беседуют между собой, вам кажется, что это разговоруют враги.

В этом, собственно, смысл деятельности любителей-аквариумистов: вносить свой скромный вклад в дело воспитания человека, делать его лучше, счастливее, прививать ему любовь к природе и к другим людям.

(Печатается по просьбе наших советских читателей)

На шишках: выступление Б.Г. в ангаже Пражской филармонии, талантливый фанат; чешский фанат — самыйbaumchivny фанат в Европе.

Любашина Страничка

Летел самолёт,
В самолёте пилот.
Бак пустой,
Пилот холостой.

СКАЗКА
ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ
МУРОВЦЕВ.

Летел, летел, на облачко сел,
Остановился и протрезвился.

Это присказка, а сказка вот такая будет:

Жили были старик со старухой у самого
синего моря и была у них курочка Ряба.
Скучно стало Журавлю, надумал он женить-
ся. Решила Лиса его угостить. Наварила
манной каши да размазала по тарелке.
Так что Журавль до сих пор холостой
ходит.

Скоро сказка сказывается,
да не скоро дело делается.

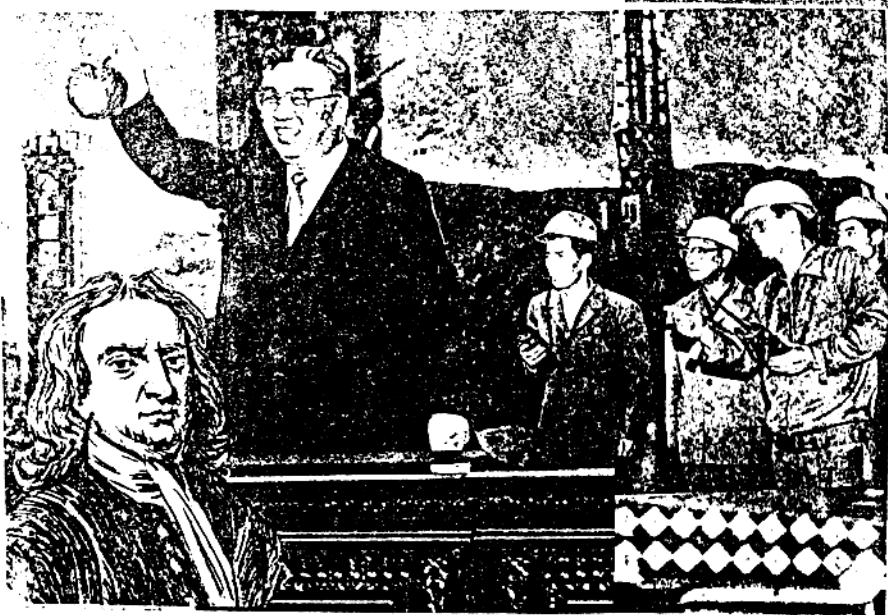

ИМЯ - БИХДАНУ

РЕДАКЦИЯ НЕ МОГЛА ОБОЙТИ МОЛЧАНИЕМ ФАКТ
СВЕРШИВШЕГОСЯ ЮБИЛЕЯ ВЕЛИКОГО СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
И ЛУЧШЕГО ДРУГА АНАРХИСТОВ.

Мудрое руководство

ВЕЛИКИЙ ВОЖДА ТОВАРИЩ КИМ ИР СЕН
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ РУКОВОДСТВО НА МЕСТЕ ИСААКОМ
ОТКРЫВАЮЩИМ ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ТЯГОТЕНИЯ
К ИДЕЯМ ЧУЧХЕ.

ЭТО РЕДАКЦИЯ?

М. 127474,
ДМИТРОВСКОЕ Ш.
64-348

ЭТО РЕДАКЦИЯ!

ТАМ
★ КРИК О КРЮКЕ

МУРА.3

СБОРНИК
ПОДРЫВНЫХ
МАТЕРИАЛОВ

ВНЕ ПОМЕРА:

Мажорность,
Гопничество,
Духовная коррупция

ОДНАКО ВНУТРИ:

★ "А. В. ШУБИН"
фрагмент поэмы

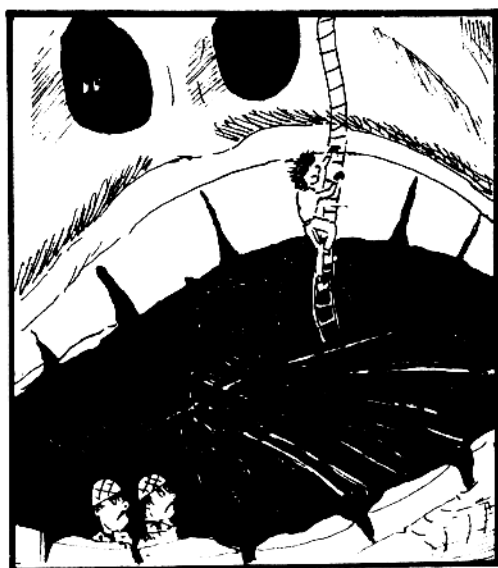
★ ЖЕНА ТЕРРОРИСТА

★ Вот они какие!

★ "Анархо-гоп 1992"
Полынья

★ ОДССС
и ВЕДАНН

★ И Т.Д.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АНАРХО-ВЕРМИТ СПАСАЕТ
ПОМИЛКАЩЕЧЕННУЮ ЛЕННИ ТИНА ПЕРМОНОВ
ПЕРМОНОВ ПЕРМОНОВ ПЕРМОНОВ

СНАЧА ВНИКНИ В СУТЬ СЛОВ
ЗАТЕМ

КЛЯЧУ ИСТОРИИ
С МЕСТА САВИНЬ

АНАРХИЗМ - ТЕОРИЯ.
БУДЬ ГОТОВ!
ВМЕСТЕ ВОПЛАТИМ
ТЕОРИЮ
В ЖИЗНЬ.

Аняк
Петро
(из поэмы
"А.Р. Шувий")

АМАЯК НЕГРО

А.В.ШУБИН

(ФРАГМЕНТ)

СЛУХ РОС

ВШЦРЬ ШЁЛ

ГУДЕЛ СТРАНЫ НАТЯНУТЫЙ БУБЕН:

— ЧТО, ТОВАРИЩ, ГЛАЗО?

БУДЕТ ХОРОШО.

РОДИЛСЯ ОБЫКНОВЕННЫЙ МАЛЬЧИК—

ШУБИН

ДОВОЛЬНО МЕТАТЬСЯ

ВОРОНОЙ ЧЁРНОЙ

КУРОЛЕСИТЬ, КАК ПАНК,

ДРУГ АЛКАША

ДОЛГО КОРМИЛИ НАС ЛОЖЬЮ ОТБОРНОЙ

НАУШАХ ТРУДЯЩИХСЯ—

ГОСУДАРСТВЕННАЯ

ЛАПША!

БАСТА!
ВОЖДЬ НАШ УЖЕ РАСТЁТ
В ЧЕКАРАЕ ВЫХОДНЫХ И БУБЕН
ОН АНАРХИЗМ ДО НАС ДОНЕСЁТ
ТОВАРИЩ И ДРУГ
АЛЕКСАНДР
ШУБИН.

АМЕРИКАНСКИЙ
АНАРХИСТ

КЕННИ ТОЛИА -
В ТЮРМЕ ЗА СВОИ УБЕЖДЕНИЯ

FREE KENNY!
СВОБОДУ КЕННИ!

1 МАЯ 1990 г. в Нью-Йорке полиция
ОБЛАЛА КОНЦЕРТ, ОРГАНИЗОВАННЫЙ РАДИКАЛЬНОЙ
ЗВЯТЫ И АРЕСТОВАНЫ
ТОРИ, В ИХ ЧИСЛЕ КЕННИ.
ЗРИТЕЛЕЙ ОКАЗАЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ
1 ИЗ ПОЛИЦИИ. В АПРЕЛЕ 1992 г. СУД,
ЗСБ НА ПОКАЗАНИЯХ ПОЛИЦЕЙСКИХ, НАЗВАЛ ЭТО
И ПРИКАЗАЛ КЕННИ МАКСИМАЛЬНЫЙ СРОК.

ЧТО КЕННИ ОСУЖДЕН НЕСПРАВЕДЛИВО.
СТРАНАХ АНАРХИСТСКИЕ, РАДИКАЛЬНЫЕ И
ТРУДЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВОРАЧИВАЮТ КАМПАНИЮ
СВОБОЖДЕНИЕ.

СВОБОДУ
ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ВО ВСЕМ МИРЕ!
ДОЛОН
ПОЛИЦЕЙСКИЕ
ГОСУДАРСТВА!

КАС ★ АМФ
Группа А.Борового

телефон

923-46-65 (с 12 ч)
спросить Кая

216 YEARS OF AMERICAN DEMOCRACY
NOT A SINGLE YEAR WITHOUT
POLITICAL REPRESSION.

216 ЛЕТ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ -
НИКОГДА БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Hurra vi är upptäckta!
Farnebo folkhögskola
firade på måndagen
Columbus snedseg-
ling med gatuteater
på Sergels torg i
Stockholm.

Foto: M. L. K. K. K. K. K.

**500 ЛЕТ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ:
ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА
ДВУХ КУЛЬТУР
В ИСПОЛНЕНИИ ШВЕДСКИХ
ЭКСТРЕМИСТОВ**

INTIFADA

Äntligen!

БА! АНАРХИСТЫ!

отомная известность к Леблану пришла благодаря серии посвященных Арсену Люпену, написанных по заказу издателя Пьера Лафитта для его журнала "Я все знаю" тот живой, смелый, жизнедающий персонаж завоевал симпатии. Он, в отличие от других героев детективных повестей, ничего не принимает всерьез, это неуловимый анархист в жизни аристократа.

Мы проехали мимо колонны штатских, вооруженных топорами. Они шли строем, ими командовал сукубо цивилизый человек в очках. На рука ве каждого была повязана черная пороска.

—А это кто такие?—спросил я

—По-иному, дружина анархо-синдикаристов...

Зачем

объясняет, что он не обычный панк, а панк-анархист

Анархист — объясняет он — делает все с улыбкой на лице, независимо от ситуации и угрожающей опасности

М. ЕНДЖЕВСКИЙ "ТУСОВКА"

Например, один из основателей студенческой психологии Клапаред провел такой эксперимент: на следующий день после памятного карнавала, проводимого еженощно в Жене, наконец в маске повалился в аудиторию, где Клапаред вел занятия студентами по судебной психологии. Человек начал жестиковать и произносить непонятно какие-то слова. Клапаред выставил его за дверь. Инцидент продолжался не более 20 секунд.

Клапаред немедленно задал каждому студенту 11 вопросов: в среднем правильных ответов было 4 с лишним половины. Более того, расхождения в ответах были очень значительными. Незнакомец был одет в длинную блузу серого цвета, темные брюки, почти невидимые под длинной блузой. Белые перчатки и светло-коричневый с белым шарф вокруг шеи дополняли его костюм. Волосы были спрятаны под фетровой шляпой. В одной руке незнакомец держал трость, в другой — трубку. Большинство студентов указали на четыре предмета одежды: блузу, пиджак, шляпу и шарф. Некоторые считали, что шляпа была соломенной, другие, что это был цилиндр. Одни говорили, что брюки были в клетку, а о цвете волос: и черной, и каштановой, и белокурой, и седой. Большинство доказывали, что шарф был красный, что человек был без перчаток и т.д.

Клапаред был одним из первых, кто доказал, что свидетели дают показания, больше исходя из степени вероятности, чем из того, что они заметили. Так, беспорядок, произведенный ворвавшимся в аудиторию человеком, мог исходить только от анархиста, следовательно, шарф, если он его носит, может быть красного цвета.

Э. РЯЗАНОВ

"Прорасказание"

МАТРИМОНИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ясир Арафат женился
на христинке

отказалась подтвердить или опровергнуть известие о замужестве своей дочери. «Если это правда», — сказала она, — «то ~~такой~~ ~~очень~~ оказано ог-

«Поступил ли?» — усматривают в поступке лидера ООП символку. Арафат всегда утверждал, что является лишь послепосвобождения арабского Иерусалима. Так, может быть, палестинским руководством так вопрос уже не ставится!

А. ШУМИЛИ
(Наш соб. корр. 00)

А. ШУМИЛИ
(Наш соб. корр.)

Букет.
Сука Тавит — уроженка города Рангала, расположенного на окупированном берегу реки Нор-Западный в 1983 году в службу Я. Арафата в 1991 году дала согласие стать его женой.
Бракосочетание состоялось по мусульманским законам в тунисской резиденции Арафата, в узком семейном кругу. (Ассошиэйтед Пресс).

По сообщениям из Парижа, Карлос, террорист, разыскиваемый по всему миру, и Магдалена Копп, скрывающаяся от полиции «городская партизанка» из Германии, вступили в законный брак в столице Сирии Дамаске. У них родился ребенок. Эту новость поведает французский еженедельник «Нуэвель обсерватёр».

Карлос — родом из Венесуэлы, его настоящее имя Рамирес Санчес, он участвовал в многочисленных террористических актах во многих странах. Магдалена Копп, как полагают, является членом левостремистской террористической группировки «Роте армие факционен». Ее фотографии полиция в ФРГ вывешивала на всех углах в конце семидесятых, начале восьмидесятых годов.

(Гейтер).

TALLINN

ДРАМАТИЧЕСКАЯ
КОЛЛИЗИЯ:

ПОЛЦУЧА НЕ ВМЕЩАЕТСЯ
ЖИЗНЬ ДОРОГА

НАДЕЖНОСТЬ АВТОМАТ
СОВЕРШЕННО ЖУТКОЕ
УБОЙНОЕ СЛОВО

34E<6
6161P!

ПОВЕДЕНИЯ ИСКОМУЩЕНЫ
ОПАСНОСТИ, КРУПНОГДАВЫСКИ
ТЕРМИСТ ОТАМКАПОВЕД
ПО БУДЯ. ВЫПРКЕ ДАКИ ЧПРАТА
ПОКИЩЕНЫМ Ч ДЗЖИКИ РЕПУКАНИ

СЫР -

А В МЫСЛЯХ ТОЛКО
О ТАТЬЯНЕ,
ЖЕНЕ ЕВГЕН
ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ

МОСКОВСКИЙ

ТАШКЕНТ

САМЫЙ, КРУТО, ДА?

ЕЩЕ БОЛЬШЕ "ОБЩИНА"!

АНАРХ

13 МАЯ ЛЕГЕНДАРНЫЕ
"НОГИ МУРАВИНА" СРЕДИ
ЧЕРНО-КРАСНЫХ ФЛАГОВ

НИКИТОП ОПОЗНАЮТ АВСТРАЛИЙЦА СЕВАСТЬЯНА
АКТОРСТВО, ПРИКЛЮЧАВШИСЬ АНАРХИЗМОМ,
ТАШКЕНТА

АДЕРЖИЙ ЗАКРАТ

ПОД РУКОВОДСТВОМ ИРЕАН

ПРОНИКНУТЬ В НАШИ РАДЫ

А ЖЕНЩИНЫ У ВАС
ТОЖЕ ОБЩИЕ?

МЕНТАЮТ

АНАРХО-

КАПИТАЛИСТЫ!

ТРОЦКИСТЫ И
МАОИСТЫ

УРА!

ОСВОБОДИЛИ РОДОНОВА-КУЗНЕЦОВА!
(ЭТО НЕ ОДИН ЧЕЛОВЕК)

1944 ГОДА

УЖЕ ВЫРОСЛА ПАРТИЯ

0-ГОД 1992

ЧУРБАНА

КАС

ПРАЗДНИЧНЫЙ

ТОРТ „ПОЛОСАТЫЙ“ ВЕЧЕР

19 августа

А ЭТО РАЗУМЕЕТСЯ, СВОЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОСКВА

ПЫТАЕТСЯ САМИМ АНАРХО-КОЛОСОМ (БЕЗУСПЕШНО!!!)

БОРЬБА ПРОТИВ МИЛитаризма БЕССТРАШНЫЕ КАЕВЦЫ

ЗВЕЗДИК, СЛОЖИТЕЛЬ ЖИРИНОВСКОГО ГИГАНТСКИМИ ГАЙКАМИ

Н.Миронов 1992

ПИКЕТИРОВАЛИ КРАСНЫМ, ПОКА НЕ ПОБЕДЕЛИ!

ТЕПЕРЬ БУДЕМ ПИКЕТИРОВАТЬ БЕЛЫМ, ПОКА НЕ ПОЧЕРНЕЮТ!

ТАК ДОЛЖНЫ ВЫГЛЯДЕТЬ АНТИКОММУНИСТЫ, ПОБЕЖДАЮЩИЕ ВО ВРАЖДЕ

СЛЕДУЕТ ЗА ПИВОМ ИЗ ТОМСКА-01 В ТОМСК ЖЕ 11502/4

KONGRESS W. KÖNIGSBERGE: ПЛОДОТВОРНАЯ ДИСКУССИЯ

В СЪЕЗДА КАС В ПОМОЩЬ СОСТАВ

ОПЕРЕДНОМУ СЪЕЗДУ АДА-ДОСТОИНЕЙШУЮ ВСТРЕЧУ!!!

ЭТО У ВАС ЕЩЕ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ!

АНАРХО-КОММУНИЗМ

РАСКРЫВАЮТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КРЮКА
ВСМОТРИТЕСЬ!

д. Марфино Московской области
Съёмки историко-героического х. фильма „Полынья“

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ОТСНЯТОГО МАТЕРИАЛА:

Россия. Какой-то век
Тяжко задавлены гнётом помещика
Дарданельского крестьяне
затерянной вольдах деревушки.

И ВОТ. ВСПЫХИВАЕТ
ВОССТАНИЕ

Во главе - народный заступник,
кровавый и дерзкий атаман
САМСОН ВЫРВИ ГЛАЗ
и покоритель Сибири, обрусевший
эфиопский есаул ЧАЙНИКОВ

Здесь был
исполнитель роли
САМСОНА В.Г.
Н. Муравин.
Увы! Далеко ещё в нашей стране
до полной свободы!

Захвачена барская усадьба
в руки бунтовщиков
попадает госпожа
Дарданельская-Лекруа
ужасные, натуралистиче-
ские кадры

КОВАРЫЙ
ЭКСПЛАТАТОР
ДАДАНЕЛЛЬСКИЙ
УСПЕВАЕТ УСКОЛЬЗНУТЬ
СКВОЗЬ
ПРОБИТУЮ
ВЕРНЫМ МИЛЫШТЕЙНОМ
ПОЛЫНЬЮ

И ВЫЗЫВАЕТ ОМОН

ТЕПЕРЯ ПОЛЫНЬ
ДЛЯ БУНТОВЩИК
ОДНАКО!
ЗЛОРАДСТВУЕТ
ДАДАНЕЛЛЬС

ВСЕМЫ В ОДНОЙ
ПОЛЫНЬ
ГОСПОДА -
ЗАМЕЧАЕТ ЧАЙ
УПЛЫВАЮ В ЗАМОПНЮ
ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ

Простор. Позёмка. Где-то спит Герцен...

— ТЕБЕ, ПРИЗЫВНИК —

Ранний Крюк

ОДИССЕЙ-II

(ФРАГМЕНТ)

Хитроумный **ОДИССЕЙ**, выиграв с помощью
Троянского коня одноименную войну, возвращается
на дембель на родную Итаку, где давно уж считают
его погибшим. Авторитарный режим Пенеопы и
жеников эксплуатирует образ **ОДИССЕЯ** в пропагандистских
целях, но в отлаженной системе нет места живому герою. Жестоко избивая
дворцовой стражей, **ОДИССЕЙ** является в клуб ветеранов Троянской войны
и призывает их восстановить справедливость, совершив переворот.

... Твѐрдую власть установим могучей рукою
и уж тогда я вас, други мои, не забуду!

Выхватив меч, **ОДИССЕЙ** как орёл устремился
К авери.... но что-то никто не поднялся
сонно смотрели на это на всё ветераны
и, кивая в носу, рассуждали иначе:

— Сколько мы лет прозябали в палатках под Троей
В штурмы ходили, карабкались ночью на стены,
ЖРАЛИ ПЕРЛОВКУ ОДНУ, КИСЕЛЁМ ЛИШЬ ЕЁ ЗАПИВАЯ
А как бореи с Дарданем продувал наши старые кости!
Как залетали притом молодые циклоны
Ежевечерне дозорных водою поливая.

Царь **МЕНЕЛАЙ** же давил нас армейского лямкой
В глотке стоят уж разводы его и парады
Как надоел он проверкою формы одежды,
ЦИСТКОЙ ШУТОВ И САНДАЛИИ, КОРОТКОЮ СТРИЖКОЮ

Ты ж, **ОДИССЕЙ**, в офицерской питался столовой
Ты не ходил в караулы! Стратегом назвавшись,
ТОЛЬКО И ЗНАЛ, ЧТО ВИННИЩЕ С ГЕРОЯМИ ТРЕСКАЛ
Берег Понтийский зловьем своим оглашая
Только и знал, что солдат лупцекат ты по морде:
БОЛЬШЕ ЖЕ ПОЛЪЗЫ С ТЕБЯ, ОДИССЕЙ,
НЕ ВИДАЛИ

Ирис

- А КАК ЖЕ КОНЬ? ВОЗОПИЛ ОДИССЕЙ ХИТРОУМНЫЙ,
- Я ЖЕ ВЕДУ, МОЖНО СКАЗАТЬ, ВСЮ ВОЙНУ ЭТИМ ВЫИГРАЛ!

- ОХ, НАДОЕЛ ТЫ СВОИМ ДЕРЕВЯННЫМ ВЕРБЛЯДОМ,
ЧТОБЫ ХВОСТОМ ТЕБЕ, БРАТ, ПОДАВИТЬСЯ МОЧАЛЬНЫМ
ЛОЩАДЬ СТРОГАЛИ БЕЗ ОТАЫХА ЦЕЛЫЕ СУТКИ,
ТЫ ЖЕ ПРИ ЭТОМ НА ЛИЧНОЙ СВОЕЙ КОЛЕСНИЦЕ
ЕЗДАЛ ВОКРУГ И ЛИШЬ ТОЛЬКО ДАВАЛ УКАЗАНИЯ

- СКОЛЬКО Ж МЫ РАЗ ЗАЛЕЗАЛИ В КОНЯ И ОБРАТНО!
ТЫ ПО ЧАСАМ ЗАСЕКАИ НОРМАТИВНОЕ ВРЕМЯ
КТО НЕ УСПЕЛ, УГОЩАЯ ХВОСТАТОЮ ПЛЁТКОЙ
И ОБРЕКАЯ ТАЩИТЬ ВСЕ НАРЯДЫ ПО КУХНЕ!

- НУ А ТЕПЕРЬ, КОГДА ГОРОД РОДНОЙ
НАК ПРИВЕТЛИВО ВСТРЕТИЛ
И ВОЖДЕЛЕННО РАСКРЫЛИ ОБЪЯТЯ НАМ
ТЁПЛЫЕ ЖЁНЫ

ВАРУГ ПОЯВЛЯЕШЬСЯ ТЫ СО СВОЕЮ
ПРЕВЪСТИТЕЛЬНЮЮ ПЕСНЕЮ..

УТКУ КУПИВ НА БАЗАРЕ, МОЗГИ ПОЛОЩИ ЕЙ!
САМ РАЗБИРАЙСЯ С СВОЕЮ ДЕБЕЛОЮ ЖЕНОЮ!

ТУТ ХИТРОУМИЕ БУАТО ОСТАВИЛО ДУШУ ГЕРОЯ
ОН, ЗАКУСИВ УДИЛА И ВРАЩАЯ БЕЛКАМИ

КИНУЛСЯ, МЕБЕЛЬ КРУША,
НА СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ....

ПЛОХО ЗАКОНЧИЛОСЬ ЭТО ЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

МОЩЕГО,
БРАТЯ!

БУМС!

НЕЛИКУПРИЯТНАЯ КРИТИКА ОДИССЕЯ ПАЦИФИСТИЧЕСКИ НАСТРОЕННЫМИ ВЕТЕРАНАМИ

(С. КАРИН И Д. СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖНИКА)

КРИК КРЮКЕ

АВТОР (САВИНОВ) И ПРОЦЕГРЯЖДА НЕ

КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТЬ,
БОРОВСКИЙ РАЙОН
САТИНО
БАЗА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФРЯ
МГУ
ЛЕТО 1988г.

Возможно, что **Крюк** -
и крикливо
Нетвердо и криво...

кто чистит свой **Клюв**,
тот вокруг не глядит горделиво.

Скрипичным **Ключом** можно вскрыть
(но не сейфы) - консервы

А **Крыль** из консервов содится для
вешнего себя

... Скрипит **Кривобоко** перо
и падит криминалом
О, господа! Как всё старо!

— Как чертовски нас мало.

А **Криволобых** навалом
их старые **Трюки**
ведут всех туда,

Где спасут разве только лишь **Глюки**.

О, Крюк! Ты критерий!

И ты далеко не халтура!

Ты - крик диких прерий

На будущее **Карикатура**

Пророчим **Кранты** и возврат к **Питекантропам** в пропасть
Токуда к **Крюкам** не убёте **Презрение** и **Робость!**

О, Крюк!...

ЭТА НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА
ПОСВЯЩАЕТСЯ НЕКОТОРОМУ
ПРОСМОТРУ РЕДАКЦИЕЙ Х/Ф «МА-
КАЯ ВЕРА» — БУРЕВЕСТНИКА
БУРЖУАЗНОЙ СЕКС-РЕВОЛЮЦИИ
В СССР

смотреть этот фильм без перевода. Он
очень живо реагировал и обсуждал все то,
что происходило на экране. Наибольший
эффект произвели сцены быта и жизни
молодежи. И интересная подробность:
благодаря фильму многие итальянцы от-
крыли для себя некоторые «секреты» рус-
ской кухни. Например, они были просто
поражены, когда узнали, что огурцы мож-
но засолить. У Василия Пичула многие
просили рецепт. Других очень удивляло
то, что «русские пьют джин неразбавлен-
ным».

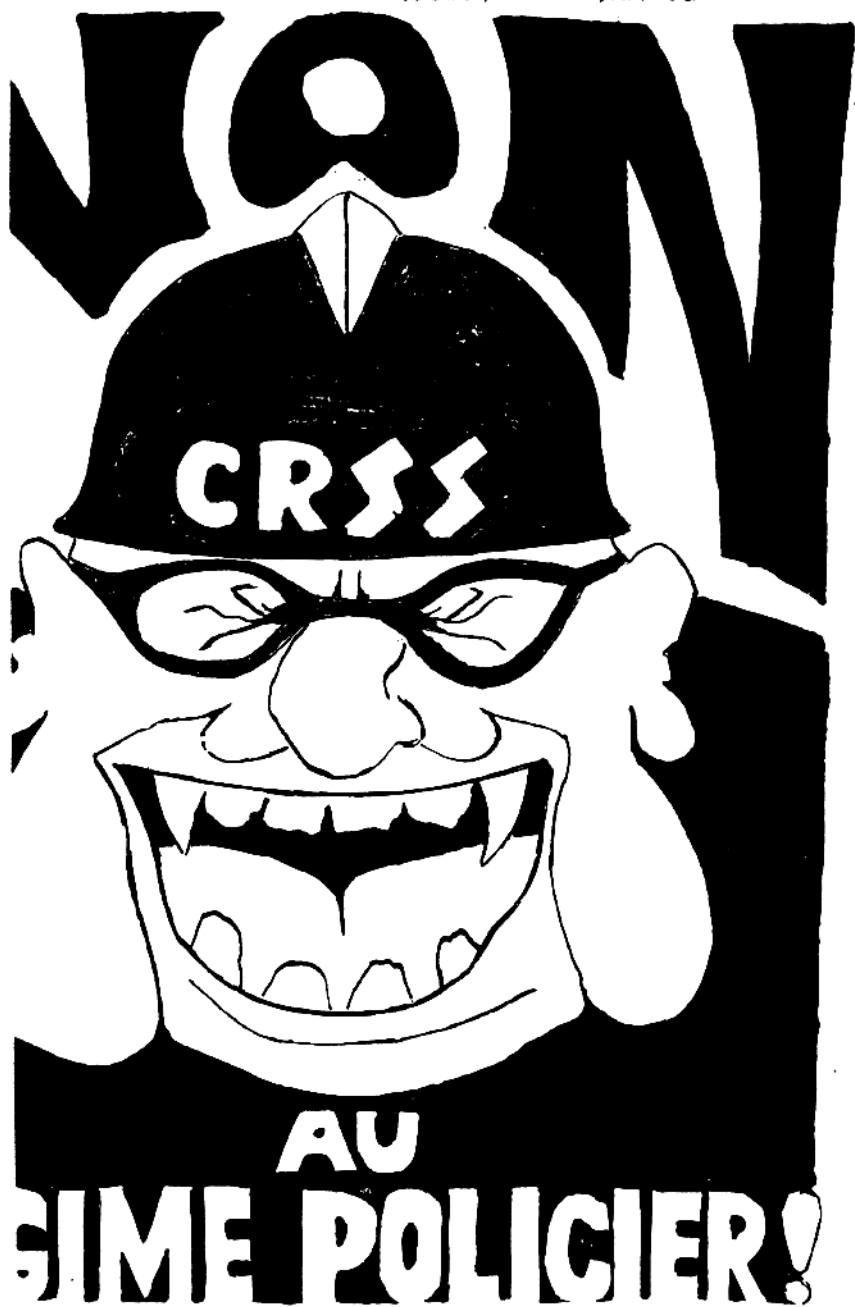

«Маленькая Вера»

И, конечно, нельзя не сказать
о Наташе Негоды. Она
итальянка по темпераменту, по
она жила в кадре. Кроме того,
половина Италии ... тогда не заметить ее
чисто женских достоинств. В общем, я

ПЛАКАТ ПАРИЖА-68

ПУБЛИКАЦИЯ ГЛАВАТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЖУРНАЛУ
ВЕЛИКИЙ ОТКАЗ

ЭТО РЕАКЦИЯ?
М. 121474
Политический отдел
64-3-48

СЕЙЧАС ЖИВЁМ ЕЛЕ-ЕЛЕ, СКОРО НЕ БУДЕМ ЖИТЬ СОВСЕМ.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

УЖЕ НЕ
АБСТРАКТНЫЙ
ВОПРОС!

НЕ СПАСУТ НИ
"СИЛЬНАЯ" ВЛАСТЬ, НИ
"ЗАГРАНИЧНАЯ ПОМОЩЬ."

ПРОБЛЕМЫ ЕЖЕДНЕВНО
ВСТАЮТ ПЕРЕД ВАМИ - НО ТЕ ЖЕ
ПРОБЛЕМЫ У ВАШИХ ДРУЗЕЙ, У
ВАШИХ СОСЕДЕЙ.

НЕ ПОДАВАЙТЕСЬ УСТА-
ЛОСТИ И ОТУЧАНИЮ, НЕ
ОСТАВАЙТЕСЬ ОДИН НА
ОДИН С ВРАЖДЕБНЫМ
МИРОМ -

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

- ★ ВМЕСТЕ ЛЕГЧЕ БОРЬБЫСЯ
С БЫТОВЫМИ ТРУДНОСТЯМИ
- ★ ВМЕСТЕ ЛЕГЧЕ ПРОТИВОСТОЯТЬ
ПРЕСТУПНОСТИ
- ★ ВМЕСТЕ ЛЕГЧЕ ТРЕБОВАТЬ ОТ
ВЛАСТЕЙ СОБЛЮДЕНИЯ ВАШИХ
ПРАВ
- ★ ВМЕСТЕ ЛЕГЧЕ ВЫЖИТЬ
В ПЕРИОД КРИЗИСА

КАС

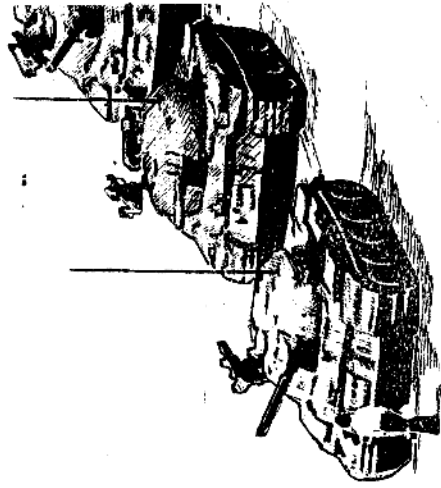
ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ В ЖИЛЫХ КВАР-
ТАЛАХ, В ОБЩЕЖИТИЯХ, НА РАБОЧИХ
МЕСТАХ, СОЗДАВАЙТЕ СОЮЗЫ,
ОБЩИНЫ, КОММУНЫ, ПОПРОБУЙТЕ
НАЙТИ НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОПО-
МОЩИ. ПОЙМИТЕ: НИКТО НЕ
СМОЖЕТ НАМ ПОМОЧЬ,
КРОМЕ НАС САМИХ.

**СОЛИДАРНОСТЬ -
НЕ РОСКОШЬ, А
СРЕДСТВО
ВЫЖИВАНИЯ!**

КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

Траурная Месса

В память о жертвах террора в Китае

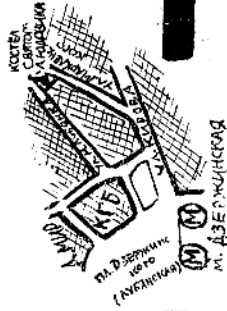

4 июня - Вторая годовщина
трагедии
на площади Тяньаньмэнь.

Месса состоится 4 июня 1991 г.
в Костёле Святого Людовика
(ул. Малая Лубянка, д. 12)

Начало в 18.30.

406.89-406.91

М. АЗЕРМУНСКАЯ

К ПАССАЖИРАМ ПРИГОРОДНЫХ ПОЕЗДОВ!

Наглое четырехкратное повышение цен на проезд показывает, насколько презирает нас власть, которая на сей раз не снизила даже до внятного объяснения "причин" грабежа.

Вчера - городской транспорт, сегодня - железная дорога, завтра - телефон, электричество, квартира.
Этому не будет конца, если не сопротивляться.

НАШ ОТВЕТ - САБОТАЖ И ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ!

- Поддерживайте "зайцев", укрывайте их, принимайте их сторону в конфликте с контролерами.

- Сами не оплачивайте проезд в электричках.

- Громко высказывайте свое мнение по поводу цен, вовлекайте в дискуссию других пассажиров.

- Если контролеры проявляют агрессивность, изгоняйте их из вагонов.

- Распространяйте эту информацию среди друзей, знакомых, сослуживцев.

**ХВАТИТ БОЯТЬСЯ ВЛАСТЕЙ!
ПУСТЬ ОНИ БОЯТСЯ НАРОДА!**

Группа действия

Белорусский
Вокзал

Организаторы экологического
лагеря протеста
"ЧЕРЕПОВЕЦ-93"

НЕ НАШЕ ДЕЛО - рассказывать вам о ЧерМК

ЗАБУДЬТЕ ОБ ЭТОМ, ЕСЛИ МОЖЕТЕ - ВЕДЬ "ВСЁ РАВНО НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ".
ЗАБУДЬТЕ ОТОМ, ЧТО МОЖНО ИЗМЕНИТЬ ВСЁ, ЧТО МОЖНО ДОБИТЬСЯ

РАБОЧИХ МЕСТ, что можно осуществить реконструкцию ЧерМК
вплоть до строительства нового, безопасного комбината
при постепенной ликвидации
что можно хотя бы заставить администрацию
соблюдать существующее экологическое
законодательство
КОМБИНАТ - УБИЙЦЫ

ЗАКОНОВАТЕЛЬСТВО

ЕСЛИ ВЫ ОБЪЕДИНИТЕСЬ
В КОМИТЕТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ САМООБОРОНЫ,
ЕСЛИ НЕ БУДЕТЕ МОЛЧАТЬ -
- ВЫ ПОБЕДИТЕ, КАК ПОБЕДИЛО НАСЕЛЕНИЕ ДРУГИХ
ГОРЯДОВ, СУМЕВШЕЕ ОСТАНОВИТЬ ИЛИ ПЕРЕПРОФИЛИРОВАТЬ
ВРЕДНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА.
- СДЕЛАЕТ ЭТОГО ЗА ВАС
- ИЛИ ПОГИБАТЬ.
- СМОТРЕТЬ,
12

ЖЕНЩИНЫ!
ЖЁНЫ!
МАТЕРИ!

Инициативная группа
"Череповец-94"

ЛЕТОМ В ЧЕРЕПОВЦЕ ВНОСИ-
-ЛАГЕРЬ ПРОТЕСТА.

ДРУЗЬЯ !

В мае 1990 года прошла международная кампания солидарности с китайским студенческим движением за демократию, жестоко подавленным властями за год до того. В Москве перед Главным зданием МГУ действовал студенческий лагерь и проходила символическая суточная голодовка, в которой приняло участие около 200 человек. Год, прошедший после этой массовой акции, показал как слабость зарождающегося студенческого движения, так и необходимость его.

Поэтому мы призываем студентов всех московских ВУЗов собраться 12 мая на большом газоне перед главным зданием МГУ на Воробьевых горах в студенческий лагерь солидарности, чтобы :

- почтить память наших товарищей, убитых в Китае и других странах палачами тоталитарных режимов и репрессивными органами государств
- выразить солидарность с борьбой студентов всего мира за демократию и права человека
- обсудить проблемы и перспективы развития студенческого движения в России и Москве.

Отложите на сутки свои дела, не пожалейте времени. Берите палатки, спальники, сухой паек, цветы, свечи, гитары и приходите на Воробьевы горы 12 мая к 20 часам. Акция продлится до вечера 13 мая. Большой газон большой, места хватит всем !

ПОМНИТЕ:

нет свободы без солидарности !

Обращение поддержали представители организаций :
Группа "Гайд-парк" МГУ, Московский студенческий клуб, Комитет молодежной солидарности "Эхо", Московская межвузовская организация "ДемРоссии", Союз молодых социал-демократов, Конфедерация анархо-синдикалистов, Инициатива революционных анархистов, Анархический молодежный фронт, Объединение молодежи ДПР, Объединение молодежи РПР, Товарищество социалистов - народников, Демократический союз, Партия зеленых.

У нас оно называется "днем весны и труда". На самом деле это — день борьбы.

1 мая 1886 г. забастовали рабочие Чикаго. Власть ответила пулями... С тех пор международное рабочее движение добилось больших успехов во многих странах. Там, где трудящиеся организованы в сильные и независимые профсоюзы, где они способны защитить себя — их права гарантированы. Победы, одержанные в нелегкой борьбе, превратили 1 мая еще и в праздник — праздник рабочих. Нам с вами — граждане рабской страны — праздновать нечего.

Рабочие Череповца! Ваш город неотвратимо сползает к краху — и вы знаете это. Безответственность власть имущих и ваша пассивность привели его к последней черте, за которой — экологическая и социальная катастрофа. В городе отравлен воздух, вода, почва. В цехах ЧМК — нечеловеческие условия труда (спросите об этом женщины аглофабрики). Какова средняя продолжительность жизни в Череповце — сколько проживает рабочий-металлург после выхода на пенсию? Что будет завтра, когда начнется "сокращение", а аварийное состояние металлургического комбината превратит Череповец в очередной Чернобыль?

Вы — заложники "хозяев жизни" из Марши и заводоуправления. За кризис ответственны они — а расплачивается вы. Расплачивается своим здоровьем, будущим ваших детей. Каков сегодня ваш уровень доходов — ниже, чем в 1962 г.? Потому что у них — сила, власть, деньги. А у вас?

"Мы ничего не можем изменить!", "Если мы будем протестовать, нас уволят!"... И это так — до тех пор, пока вы верите в это. Поймите, наконец, вы — колоссальная и единственная реальная сила — народ. Рабочие, вы — создатели всех материальных благ общества. Вы можете изменить все — и никто не в силах вам помешать.

Организовуйтесь! Каждый шаг администрации предприятия и города, ущемляющий ваши права, должен встретить ваш отпор. В руках рабочего класса мощное оружие — забастовка. 29 марта добились успеха Свободные профсоюзы ЧМК — и это только начало. Если вы противопоставите произволу власть имущих организованную силу трудящихся — свою силу! — вы победите.

Вашему городу нужно открыть дорогу в будущее. Нужно провести реконструкцию металлургического производства по современным технологиям. Нужно создать рабочие места, не связанные с ЧМК. Нужна радикальная программа экологического спасения Череповца. Для этого необходимо, чтобы средства предприятий перешли под контроль рабочих организаций и граждан — жителей города.

Господа в административных кабинетах не станут думать о вашем будущем — у них свои проблемы. Это — ваше собственное дело. Вы их интересуете только как даровая "раб.сила". Включайтесь в борьбу!

1 июля 1994 г. в Череповце начнет работу новый Экологический лагерь протеста. Не оставайтесь в стороне — мы предлагаем действовать, а не ждать. Если слить силы экологического движения и рабочего класса — в городе будет чистый воздух и рабочие места — будут достойные человека условия жизни.

КТО НЕ БОРЕТСЯ, ТОТ УМИРАЕТ В РАССРОЧКУ!

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К СВОБОДНЫМ ПРОФСОЮЗАМ!

ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В ДВИЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА!

ВМЕСТЕ МЫ ДОБЬЕМСЯ ПОВЕДЫ!

Группа социально-экологического действия
"Череповец-94"

Связаться с нами можно по следующим контактам:

109518 Москва, Саратовская ул. 3-2-46;

тел.: (095) 173-69-27 (Привезинцев Кирилл)

Экологический клуб Череповца. Тел.: 2-20-23.

Свободные профсоюзы ЧерМК — АО "Северосталь".

Тел.: 96-54-68, 96-50-13

-
- НЕ ТОЛЬКО ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОЧЕРЕДНОГО МЕСЯЦА
 - НЕ ПРОСТО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВЫХОДНОЙ
 - ПРАЗДНИК, НО НЕ „КОММУНИСТИЧЕСКОЙ“ НОМЕНКЛАТУРЫ

→ ДЕНЬ БОРЬБЫ И СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

МАЯ

ДЕНЬ 1 МАЯ ОТМЕЧАЕТСЯ В ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ В ЧИКАГО В 1886 ГОДУ, КОГДА ОРГАНИЗОВАННЫЕ АНАРХИСТАМИ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗА ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ БЫЛИ ЖЕСТОКО ПОДАВЛЕНЫ ВЛАСТЯМИ, А ЛИДЕРЫ ДВИЖЕНИЯ КАЗНЕНЫ ПО СФАБРИКОВАННОМУ ОБВИНЕНИЮ

СОПРОТИВЛЯЙТЕСЬ!

- СЕГОДНЯ ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПАДАЕТ ПОСТОЯННО
- СЕГОДНЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НАРОДУ, А ПРОДАЕТСЯ НОМЕНКЛАТУРЕ
- СЕГОДНЯ МЫ ОПЯТЬ ЛИШЕНЫ ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТВОВАТЬ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ НАШУ ЖИЗНЬ

- ★ НЕ УСТУПАЙТЕ СВОИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ!
- ★ НЕ ДАЙТЕ ВТЯНУТЬ СЕБЯ В СХВАТКУ ЗА ВЛАСТЬ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ МАФИЯМИ!
- ★ ПОВСЕМЕСТНО УСТАНАВЛИВАЙТЕ И РАЗВИВАЙТЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ!

СОЛИДАРНОСТЬ — ОСНОВЕ НАШЕЙ ПОБЕДЫ!

КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНАДИКАЛИСТОВ

Примитивные
советы тем, кому
надо бояться всех.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ЧТО-НИБУДЬ

(самоорганизоваться)

- А. ЗАЧЕМ?** 1. Потому что скучно.
2. Потому что вместе легче выжить в
период кризиса. 3. Потому что каж-
дый один из нас перед лицом прямого и
косвенного насилия государства

НЕСОГЛАСНЫМ с 1, 2, или 3 - ДАЛЬШЕ
НЕ ЧИТАТЬ

Б. Оглянитесь вокруг. НЕ ЗАМЫКАЙТЕСЬ.
РЕЖЕ ГОВОРИТЕ „это их трудности.“ НЕ БОЙ-
ТЕСЬ ПОМОЧЬ, НЕ БОЙТЕСЬ ПОТРАТИТЬ ВРЕМЯ
НА ДРУГОГО. СЕГОДНЯ-ОН, ЗАВТРА-ВЫ.

**СОЛИДАРНОСТЬ - НЕ РОСКОШЬ, А
СРЕДСТВО ВЫЖИВАНИЯ.**

В. Праздники объединяют людей.
ПРАЗДНИКОВ МАЛО. (СОЗДАЙТЕ ЕЩЕ НЕКОТОРЫЕ,
ПОВОДОВ ХВАТАЕТ! НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО МОРЕ
СПИРТА. ХОТЯ БЫ ПРОСТО ПОЗДРАВЛЯЙТЕ
ЗНАКОМЫХ И НЕ ОЧЕНЬ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ.

Г. Газета как коллективный организатор.
ДЕЛАТЬ ЛОКАЛЬНУЮ (СТЕННУЮ, ПОТОЛОЧНУЮ) ГАЗЕТУ
ИНТЕРЕСНО, ПОЛЕЗНО И ПРОСТО КЛЕВО. КАС БЕЗ-
ВОЗМЕЗДНО (НО СКОРМНО) ПОМОГАЛА БЫ В РАЗМНОЖЕНИИ
ТАКИХ ИЗДАНИЙ (≈ 1 раз/14 дней формат 2 стн. листа
5 экз.)

Выполнив Б, В, Г (или ранее):

**Д. Пора организовать общину, комму-
ниту, группу, тусовку или т.д. Направления
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮБЫЕ, НАПРИМЕР: СНАБЖЕНИЕ
(один в очередь за хлебом, другой - за пивом); культура;
защита своих прав. НЕ БОЙТЕСЬ ВЛАСТЕЙ. ЕДИНИЦА-НОМ
НО ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ КОЛЛЕКТИВА - СИЛА, ПЕРЕД КОТОРОЙ
НЕ УСТОИТ ДАЖЕ ГОСУДАРСТВО.**

* Напоминание:
Согласно уставу
КАС НЕ МОЖЕТ СПОНСОРИ-
ВАТЬ ПРОПАГАНДУ, расовых
национальных и религиозных
истерик, терроризма, локальных
форм и видов организации
в любых формах и видах и организации.
451-14-28 ПЕТР

КОНФЕДЕРАЦИЯ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

ЭТИ СЛОВА БЫЛИ ВЫШИТЫ НА ЧЕРНОМ ЗНАМЕНИ ЛИОНСКИХ ТКАЧЕЙ.

**21 НОЯБРЯ -
160 ЛЕТ
ЧЁРНОМУ
ЗНАМЕНИ**

Социализм без свободы - это рабство и
- привилегия и несправедливость. Это
М.А. Бакунин

- ★ ПОД ЧЁРНЫМ ЗНАМЕНОМ, ПРОТИВ СВОБОДЫ УМИРАТЬ С ГОЛОДУ, ЗА НАСТОЯЩУЮ СВОБОДУ СРАЖАЛИСЬ ЛИОНСКИЕ ТКАЧИ В 1831 ГОДУ.
- ★ ПОД ЧЁРНЫМ ЗНАМЕНОМ ВОССТАЛИ В 1871 РАБОЧНИЕ ПАРИЖА.
- ★ ПОД ЧЁРНЫМ ЗНАМЕНОМ БУРОЛИСЬ В 1918-1921 С ДИКТАТУРОЙ КОММУНИСТОВ КРЕСТЬЯНЕ УКРАИНЫ И МАТРОСЫ КРОНШТАДАТА.
- ★ ПОД ЧЁРНЫМ ЗНАМЕНОМ ИСПАНСКИЕ АНАРХИСТЫ БОРЕВАЛИ С ФАШИЗМОМ В 1936-1939 ГОДАХ.
- ★ ПОД ЧЁРНЫМ ЗНАМЕНОМ ВЫСТУПАЮТ АНАРХИСТЫ И СЕГОДНЯ.

НИ "ПРАВОВОЙ ГОСУДАРЬ", НИ "СИЛЬНАЯ РУКА",
НИ "ПАРЛАМЕНТ" — А ЛИШЬ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ
ПОРЫВ К СВОБОДЕ, САМООРГАНИЗАЦИЯ НАРОДА,
САМОУПРАВЛЕНИЕ СПОСОБНЫ СОЗДАТЬ
ОБЩЕСТВО СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ!

КАС
САУ
АМФ
ИРЕАН
ККР

Група ім.
А. Борового

КОНТАКТ: 458-44-81 СЕРГЕЙ (ЖЕНА) 451-14-28 ПЕТР 488-51-36 НИКОЛАЙ 420-73-20 ПАВЕЛ
САУ КАС КАС САУ

**АМЕРИКАНСКИЙ
АНАРХИСТ
КЕННИ ТОЛИА-**
В ТЮРЬМЕ ЗА СВОИ УБЕЖДЕНИЯ

**FREE KENNY!
СВОБОДУ КЕННИ!**

1 мая 1990 г. в Нью-Йорке полиция
атаковала концерт, организованный радикальной
молодежью.
Были избиты и арестованы
организаторы, в их числе Кенни.

Более 300 зрителей оказали сопротивление
погромщикам из полиции. 6 апреля 1992 г. суд,
основываясь на показаниях полицейских, назвал это
"бунтом" и присудил Кенни максимальный срок.

Очевидно, что Кенни осужден несправедливо.
Во многих странах анархистские, радикальные и
правозащитные организации разворачивают кампанию
за его освобождение.

**СВОБОДУ
ПОЛИТЗАКАЗНЫМ
ВО ВСЕМ МИРЕ!
ДОЛОЙ
ПОЛИЦЕЙСКИЕ
ГОСУДАРСТВА!**

КАС ★ АМФ

Группа А.Борового

Контактный телефон 923-46-65 (с 12 до 18 часов)

ЕЛЬЦИН-ЭТО ВОЙНА

СЕГОДНЯ-ЧЕЧНЯ, ЗАВТРА-ВАШ ДОМ.
ВЫ ЭТОГО ЖДЁТЕ ?

ПРОТЕСТУЙТЕ !

НЕТ ЕЛЬЦИНУ ВОЙНЕ ИМПЕРИИ

ЧЕЧНЯ, ДАЛЕЕ - ВЕЗДЕ.

ПРОТЕСТУЙТЕ !

ТЫ ХОЧЕШЬ УБИВАТЬ ДЛЯ ЕЛЬЦИНА?
ТЫ ХОЧЕШЬ УМЕРЕТЬ ЗА ЕЛЬЦИНА?

СОПРОТИВЛЯЙСЯ! ОСТАНОВИ ЕГО!

ДОЛОЙ ВОЙНУ !

common place

издательская инициатива/
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», «Все свободны», «Смена», «Циолковский»,
«Подписные издания», «Князь Мышкин», «Бакен»,
«Пиотровский», книжном клубе «Петровский», а также
заказать с доставкой на сайте izd-siyanie.ru

Больше информации о проекте на сайте common.place

В оформлении обложки использована картина Николая Муравина
«Сбор земляники в Сатино. Картинка для Кати. 29.07. этапного и
рубежного 92 г.»

Николай Муравин

Черный фронт

Составитель, автор предисловия – Пётр Рябов

Корректор – Сергей Ким

Макет обложки – Алина Дмитриева

Подписано в печать 02.05.2016

Формат 138x210

Заказ № 161

Тираж 500 экз

Издательская инициатива «Common place»

commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80